

КАРПАТОРУССКІЙ
КАЛЕНДАРЬ

Ваня
Гунянки

На
1933 Годъ

ГОДЪ
ИЗДАНІЯ VIII.

ЦѢНА
50 ЦЕНТОВЪ

ЗНАНЕ ВСЬМЪ ВЪ ДЕТРОИТЪ
ПОХОРОННЕ БЮРО

ГРИГОРІА САЛОВИЧА

Уряджуе прекрасны похорони по дуже умеркованыхъ
цѣнах. Вынанимае автомобили на весѣля и по-
хороны. — Честна и ретельна обслуга.

GEORGE SALOWICH

Funeral Director,

3912 Gilbert Ave. — Phone: Lafayette 1334.

Першій и одинокій Лемковскій Погребникъ в Детройт!

НИКОЛАЙ САЛОВИЧЪ

Русскій, Лемковскій Адвокатъ въ Детройтъ

Во всѣхъ Вашихъ правныхъ дѣлахъ удавайтесь
до своего человѣка.

NICHOLAS SALOWICH

Attorney and Counselor at Law

1401 Barlum Tower — Detroit, Mich.

Tel. Cadillac 0107 — Residence: Bedford 0781-W.

Мапа Лемковины!

Точна мапа западной части Карпатской Руси, вся
Пряшевщина и галицка часть Лемковины. Кажде село.

На паперѣ 50ц. — На полотнѣ \$2.00

LEMKO PUBLISHING

2490 Professor Ave. — Cleveland, Ohio.

Карпаторусскій КАЛЕНДАРЬ

Ваня Гунянки

— НА —

1933 годъ

ГОДЪ ИЗДАНИЯ VIII.

ТИПОГРАФІЯ ЛЕМКО

2490 Professor St.

— Cleveland, Ohio

АМЕРИКАНСКІИ. ЛЕГАЛЬНИИ СВЯТА

1) Каждая недѣля (воскресеніе въ году
2) 1-го Января — Новый Годъ, празднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ шт.: Массачусетсъ, Арканзасъ, Миссиссиппи и Нью Гемпширъ.

3) 12-го Февраля, день рожденія президента Авраама Линкольна, празднують: Коннектикутъ, Нью Джерзи, Нью Йоркъ, Пенсильвенія, Делаваре, Каролайна, Вестъ Вирджинія, Иллинойсъ, Индіана, Кензасъ, Мичиганъ, Миннесота, Савтъ Дакота, Нортъ Дакота, Монтана, Ютагъ, Колорадо, Айова Орегонъ, Вашингтонъ и Вайомингъ.

4) 22-го Февраля, день рожденія первого президента Соединенныхъ Штатовъ Юрія Вашингтона — празднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штата Миссиссиппи.

5) 3-го Апрѣля, Великая Пятница; празднуется въ штатахъ: Массачусетсъ, Миссиссиппи, Пеннсилванія, Алабама, Луизіана и Теннесси; въ другихъ штатахъ губернаторы спеціальною прокламаціею проголошуютъ той день святочнымъ.

6) 30-го Мая — Декорейшинъ Дей. — Того дня украшаютъ гробы — могилы погибшихъ воиновъ въ часѣ гражданской войны. Празднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штатовъ Арканзасъ, Флорида, Джорджія, Луизіанна, Миссиссиппи, Нью Мексико, Нортъ Каролайна, С. Каролайна и Тексасъ.

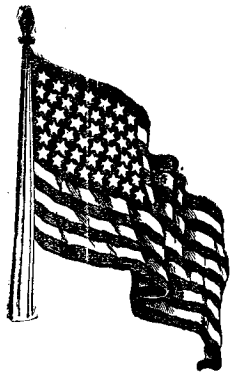
7) 4-го Июля — Фортъ офъ Джулай — день проголошенія независимости Соединенныхъ Штатовъ. Празднують во всѣхъ штатахъ.

8) Въ первый понедѣльникъ Сентября (сего года 7-го Сентября) — День Труда — Лейборъ Дей, — празднують во всѣхъ штатахъ.

9) Послѣдній четверъ въ Ноябрь — День Благодарности — Тенксъгивингъ Дей, празднують во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ шт. Вайомингъ.

10) 25-го Декабря — Рождество Христово — латинскій Кризмасъ. Празднують во всѣхъ штатахъ.

Кромѣ вышеназванныхъ праздниковъ, гдѣякіи штаты празднують: День Колумба — 12 Октября; День штатныхъ и федеральныхъ выборовъ — Элекшинъ Дей — обыкновенно въ первый вторникъ въ ноябрѣ. Кромѣ того, каждый штатъ мае свои отдѣльныя праздники.

100 Отдѣловъ Л. С. въ 1933!

Организация Лемко-Союзъ буде сильна и буде мати великій голосъ въ житью карпаторусского народа такъ ту, на эмиграціи, въ Америкѣ и Канадѣ, якъ и въ Старомъ Краю, коли буде числити:

100 ЖИВЫХЪ ОТДѢЛОВЪ ВЪ АМЕРИКѢ И КАНАДѢ!

У насъ нѣтъ ишы 40 отдѣловъ и то не всѣ они живы, а ужъ нашъ голосъ крѣпне. На нашу организацию смотрятъ наши братья изъ старого краю, они надѣются на насъ.

Не смотме на “тяжки часы”, бо чѣмъ тяжшы часы, тѣмъ больше намъ треба организациі.

1933 може быти переломовымъ рокомъ въ житью народов. Лѣпше, свободнѣйше жытя припаде тымъ народамъ, котры будутъ организованы, а котры занедбаютъ свою судьбу, останутъ лемъ матеріаломъ для другихъ. 1933 най-же буде и рокомъ роста нашей народной организации Лемко-Союза. Най въ каждой нашей американской колоніи стане его отдѣлъ. Най початокъ 1934 найде насъ въ сильной, 100 отдѣловой организации.

Чытате газету “Лемко?” Коли не чытате, предплатте собѣ и чытайте, а порозумѣте, што народна организация.

100 отдѣловъ въ 1933!

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА.

Январь

January

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 С	Н. Г. О. Г. Василія В.	14	Илярія.
2 Н	Пер. Преосв. Сильвест.	15	2. П. З. К. Павла.
3 П	Прор. Малахіи.	16	Маркила п.
4 В	Соборъ 70 Ап.	17	Антонія ав.
5 С	Нав. Бог. Феонемпта.	18	Присти.
6 Ч	Богоявл. Господне.	19	Марія и тов.
7 П	Соб. Иоан. Крестителя.	20	Севастіана.
8 С	Георгія, Эмилиана прп.	21	Агнеты д. м.
9 Н	По Преосв. Поліев.	22	3 по З. К. Винкен.
10 П	Григорія прп. и Домет.	23	Раймунда.
11 В	† Феодосія Вл.	24	Тимоѳея.
12 С	Татіаны мч.	25	Нав. Ап. Павла.
13 Ч	Ермила и Стратон. мч.	26	Поликарпа.
14 П	Отцевъ въ Синаѣ.	27	Иоанна Злат.
15 С	Павла Тив. и Иоан. прп.	28	Леонида и тов. м.
16 Н	32 по Сош. Пок. Ап. П.	29	4 по З. К. Франца.
17 П	† Антонія Вел. прп.	30	Мартины д. м.
18 В	Аѳанасія и Кир. рп.	31	Петра изъ Н.
19 С	Сич. Макарія прп.	1	Игнатія.
20 Ч	† Евѳимія Вел. прп.	2	Мат. Б. Громн.
21 П	Максима прп.	3	Власія еп.
22 С	Тимоѳ. ап., Анастасія.	4	Вероники.
23 Н	Мит. и Фарисея. Клим.	5	5 по З. К. Араты.
24 П	Ксеніи прп.	6	Тита еп., Дор.
25 В	† Григорія Бог.	7	Ромульда.
26 С	Ксенофонта прп.	8	Иоан. прп. из Маты.
27 Ч	† Перм. Иоанна Злат.	9	Апольоній.
28 П	Ефрема прп.	10	Попел. Схолястик.
29 С	Пер. моц. Игнатія Б.	11	Появл. М.Б. Люрд.
30 Н	Блуд. Сынъ. Трехъ Св.	12	Старозап.
31 П	Кира и Иоанна безср.	13	Григорія П.

Февраль

February

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 В	Трифона.	14	Валентина.
2 С	Стрѣтеніе Господне.	15	Фавстина и Юв.
3 Ч	Симеона и Анны пр.	16	Юліанны.
4 П	Исидора прп.	17	Сух. Юліанна.
5 С	Агафій мч.	18	Симеона.
6 Н	Мясопуст. Вукола прп.	19	Мясопустна.
7 П	Парт. и Луки прп.	20	Сух. Льва еп.
8 В	Феодора Стр.	21	Феликса еп.
9 С	Никифора мч.	22	Маргаръ изъ К.
10 Ч	Харлампія мч.	23	Петра Дам. еп.
11 П	Власія свмч.	24	Вигилія.
12 С	Мелетія св.	25	Матѳея ап.
13 Н	Сироп. Март. прп.	26	Запуст. Викт.
14 П	Авксентія прп.	27	Виктора.
15 В	Онисима ап.	28	Александра.
16 С	Памфила мч.	1	Альбина еп.
17 Ч	Лют. Феодора вмч.	2	Павла м.
18 П	Льва папы рим.	3	Кунегинды.
19 С	Архипа ап. и Максима	4	Вступ. Адріяна.
20 Н	1 Поста. Льва еп.	5	Иоанна вѣд. Хр.
21 П	Тимоѳея прп.	6	Фомы изъ Акв.
22 В	Найд. моц. Евг.	7	Фом. Акв.
23 С	Поликарпа свмч.	8	Иоанна Божого.
24 Ч	† 1 и 2 Об. Гл. св. І. Кр.	9	Франциски рим.
25 П	Тарасія св.	10	40 мучениковъ.
26 С	Порфирія св.	11	Суха. Григор. В.
27 Н	2 Поста. Прокоп.	12	Григорія В. пап.
28 П	Василія исп.	13	Христины.

Мартъ

March

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 В	Евдокій прмч.
2 С	Ѳеодота свмч.
3 Ч	Евтропія и ин. мч.
4 П	Гарасима прп.
5 С	Конона мч.
6 Н	3. Пост. 42 муч.
7 П	Василія свмч.
8 В	Ѳеофилякта прп.
9 С	† 40 Муч. въ Севаст.
10 Ч	Кондрата и ин. мч.
11 П	Софронія пат.
12 С	Ѳеофана исп.
13 Н	4 Поста. П. м. Ник.
14 П	Венедикта прп.
15 В	Агапія мч.
16 С	Савина и Юліана мч.
17 Ч	Алексѣя прп.
18 П	Кирила Іерусал. св.
19 С	Хризанта и Дарій мч.
20 Н	5 Поста. О.О. Уб.
21 П	Іакова исп.
22 В	Василія свцмч.
23 С	Никона и тов.
24 Ч	Захарій и Іакова.
25 П	Благов. Пр. Бог.
26 С	Соборъ Арх. Гавр.
27 Н	Квѣтна. Матроны.
28 П	Иляріона прп.
29 В	Марка и Кир. прп.
30 С	Іоанна Листв. прп.
31 Ч	Поклони. Ипат. прп.

14	Матильды к.
15	Климентя.
16	Киріяка м.
17	Патрикія.
18	Кирила Іерусал.
19	Глуха. Юзеф.
20	Евфимій д.
21	Венедикта ав.
22	Катерины шв.
23	Феликса м.
24	Гавріила.
25	Брагов. ПДМ.
26	Средоп. Еман.
27	Рунерта.
28	Св. Пон. Іоанна К.
29	Кирила.
30	Квирина.
31	Бальбины д.
1	Гугона.
2	Чорна. Франца.
3	Ришарда.
4	Изидора.
5	Винцентія.
6	Келестина.
7	Елифанія.
8	Діонисія еп.
9	Квѣтна. Мар. Кл.
10	Іезолія.
11	Льва В. пап.
12	Юлія пап.
13	Герменегильды.

Апрѣль

April

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 П	Маріи Іег. прп.
2 С	Тита прп. и Амфіяны.
3 Н	Воскр. Хр. Іоан. Д. прп.
4 П	Свѣт. Пон. Іоан. прп.
5 В	Свѣт. Втор. Ѳеод. Т.
6 С	Евтихія св.
7 Ч	Григорія св.
8 П	Иродіона и ин. ап.
9 С	Евстахія мч.
10 Н	1 Ѳомина. Тер.
11 П	Антипы свмч.
12 В	Василія прп.
13 С	Артемона свмч.
14 Ч	Мартина папы рим.
15 П	Ар. и ин.
16 С	Агапіи Хіон.
17 Н	2. Мирон. Симеона.
18 П	Іоанна Д. прп.
19 В	Іоанна Староп.
20 С	Ѳеодора Трих.
21 Ч	Януарія свмч.
22 П	Ѳеодора и Вѣт. прп.
23 С	† Георгія вмч. (на нед.)
24 Н	3 Разслаб. Савы.
25 П	Марка ев.
26 В	Василія свмч.
27 С	Симеона свмч.
28 Ч	Ясона и Сосип. ап.
29 П	Муч. въ Кизицѣ.
30 С	† Іакова ап.

14	Юстина м.
15	Анастасій м.
16	Воскр. Христ.
17	Аникита.
18	Аполонія м.
19	Георгія.
20	Ѳеодора.
21	Анзольма.
22	Сотера и Кая мм.
23	Бѣла. Войт.
24	Фиделиса.
25	Ап. св. Іос. Мар.
26	Клита и Марка.
27	Петра Кан.
28	Павла вѣд. Хр.
29	Петра из Вер.
30	2 по Воскр. Кат.
1	Филиппа и Іакова.
2	Хр. кни. Атаназ.
3	Цар. К. П.
4	Зн. св. Хр. Фльор.
5	Теодора, Виталія.
6	Іоанна изъ Ол.
7	3 по Воскр. Хр.
8	Станислава еп.
9	Григорія Наз.
10	Изидора.
11	Францишка изъ Г.
12	Панкратія.
13	Серватія.

Май

May

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 Н	4. Самар. Ерем.
2 П	Аѳанасія ВА.
3 В	† Θεодосія Печ. прп.
4 С	Пелагій прпм.
5 Ч	Ирины мч.
6 П	Іова Многострад.
7 С	Явленіе Чест. Креста.
8 Н	5 Слѣпор. Іак. Б.
9 П	† Переи. м. св. Николая.
10 В	† Симеона Зил. ап.
11 С	Мокія свмч.
12 Ч	Вознесеніе Госпдне.
13 П	Гликерій мч.
14 С	Исидора мч.
15 Н	6 Св. Отцевъ. Пах.
16 П	Θеодора осв.
17 В	Андроника ап. и Юній.
18 С	Θеодота мч.
19 Ч	Патрикія.
20 П	Талалея мч.
21 С	† Констант. и Елѣны.
22 Н	Сошестіе св. Духа.
23 П	Св. Тройцы.
24 В	Симеона прп.
25 С	Третье Обр. Гл. І. Кр.
26 Ч	Карпа ап.
27 П	Терпаюта.
28 С	Никиты еп.
29 Н	Всѣхъ Святыхъ.
30 П	Исаакія прп.
31 В	Ермія и Ермея м.

14	4 по Воскр. Бон.
15	Софій и 3 дочерей.
16	Пон. св. Д. Бл. Анд.
17	Пасхалиса.
18	Сух. Венанція м.
19	Петра Вел. пап.
20	Сух. Бернардина.
21	5 по Воскр. Тим.
22	Юлій дѣвы.
23	Дезидерія еп. и м.
24	ПДМ. Спов. вѣр.
25	Вознесеніе. Г.
26	Филипа.
27	Беды В.
28	6 по Воскр. Авг.
29	Юлія дѣ.
30	Феликса.
31	Петронели.
1	Бл. Іакова Стр. еп.
2	Маркелина.
3	Пр. Сер. Ис. Кльот.
4	Сош. Св. Духа.
5	Бонифатія.
6	Норберта еп.
7	Роберта.
8	Медарда еп.
9	Фелиціяна м.
10	Маргареты кор.
11	Св. Тройцы.
12	Онуфрія.
13	Антон. изъ Пад.

Юнь

June

РУССКІИ СВЯТА

— ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 С	Юстина мч.
2 Ч	Никифора св.
3 П	Лукіана мч. и ин.
4 С	Митрофана еп.
5 Н	2 по Сош. Д. Дор.
6 П	Иллариона пр.
7 В	Θеодосія влмч.
8 С	Θеодота Страт.
9 Ч	Кирила св.
10 П	Тимоѳея свмч.
11 С	† Варѳолом. и Варн. ап.
12 Н	3 по Сош. Д. Онуфрія.
13 П	Акилины мчч.
14 В	Елисея пр.
15 С	Амоса пр., Іерон. прп.
16 Ч	Тихона еп.
17 П	Прсв. Евхар. (на нед.)
18 С	Леонтія м.
19 Н	4 по Сош. Д., Юды.
20 П	Меѳодія свмч.
21 В	Юліана Тарс. мч.
22 С	Евсевія свмч.
23 Ч	Агрипин ымчч.
24 П	Рождество Іоан. Кр.
25 С	Пресв. Сер. І. (на нед.)
26 Н	5 по Сош. Д., Давида.
27 П	Самсона прп.
28 В	Пер. мощ. Кира и Іоан.
29 С	Петра и Павла ап.
30 Ч	Соборъ 12 Апостоловъ.

14	Василія.
15	Боже Тѣло.
16	Іоанна Редж.
17	Райнера.
18	2 по Сош. Ефр.
19	Юліанны.
20	Сильверія пап.
21	Альойзія.
22	Павлина еп.
23	Агрипины д. и м.
24	Рожд. Іоанна Кр.
25	3 по Сош. Вил.
26	Павла и Іоанна.
27	Владислава кор.
28	Иринея.
29	Петра и Павла ап.
30	Пам. св. Павла
1	Пр. Крови І. Хр.
2	4 по Сош. Даха.
3	Анатолія.
4	Θеодора еп.
5	Антонія.
6	Лукій мч.
7	Кирила и Меѳодія.
8	Елизаветы пр.
9	5 по С. Вероники.
10	7 Братѣвъ мч.
11	Гія І. пап.
12	Іоанна Гл.
13	Анаклита п. и м.

Юль

July

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 П	Космы и Диміана.	14	Бонавентуры.
2 С	† Пол. Риз. Пр. Б.	15	Генрика.
3 Н	6 по Сош. Д. Якинта.	16	6 по С.Д. М.Б.Ш.
4 П	Андрея Кри.	17	Алексѣя.
5 В	† Кирила и Меодія ап.	18	Симеона изъ Л.
6 С	† Аѳанасія Антон.	19	Винк. изъ П.
7 Ч	Ѳомы и Акакія прп.	20	Чеслава.
8 П	Прокопія мч.	21	Пракседы д.
9 С	Панкратія смч.	22	Маріи Магд.
10 Н	7 по Сош. Д. Ант. Печ.	23	7 по С.Д. Аполин.
11 П	Евфрема мч., Ольги.	14	Кунегунды.
12 В	Прокла и Иларія мч.	21	Іакова ап.
13 С	Соборъ Арх. Гавріила.	26	Анны.
14 Ч	Акилы ап., Кирика мч.	27	Рудольфа Акв.
15 П	† Волод. Вел. кн.	28	Виктора п.
16 С	Аѳинагеса свмч.	29	Марѳы д.
17 Н	8 по Сош. Д. Маринь.	30	8 по. С.Д. Руфина.
18 П	Якинта и Эмилиана мч.	31	Игнатія.
19 В	Макрины и Дія. прп.	1	Петра въ оков.
20 С	† Иліи пр. (на нед.)	2	МБ. Англ.
21 Ч	Симеона и Іоанна прп.	3	Обр. св. Стеф.
22 П	Маріи Магд., Фоки прп.	4	Доминика.
23 С	Трофима и ин. м.	5	МБ. Снѣжной.
24 Н	9 по С.Д. Бориса и Гл.	6	9 по С.Д. † Пр. Г.
25 П	Успеніе св. Анны.	7	Каеѳанія.
26 В	Ермолая свмч.	8	Киріяка м.
27 С	† Пантелеймона вмч.	9	Романа.
28 Ч	Прохора и ин. ап.	10	Лаврентія м.
29 П	Калиника мч.	11	Сусанны д.
30 С	Силы и ин. ап.	12	Кляры д.
31 Н	10 по С. Д. Евдокима.	13	10 по С.Д. Гипол.

Августъ

August

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 П	Пр. Ч. Х.	14	Евсевія.
2 В	Перен. мощ. св. Ст.	15	Успеніе Пр. Бог.
3 С	Исаака и ин. прп.	16	Іоакима.
4 Ч	7 Мол. въ Ефесѣ мч.	17	Яцка в.
5 П	Евсинія мч.	18	Елены.
6 С	Преображеніе Господне.	19	Людвика Тол. еп.
7 Н	11 по С.Д. Дометія.	20	11 по С.Д.
8 П	Емилиана еп.	21	Іоанны.
9 В	† Матѳея ап.	22	Тимоѳея и тов. м.
10 С	Лаврентія мч.	23	Фил. Б.
11 Ч	Евпла мч.	24	Варѳоломея ап.
12 П	Фотія и Аникиты мч.	25	Людвика к.
13 С	Максима исп.	26	МБ. Ченстох.
14 Н	12 по С.Д. Михея пр.	27	12 по С.Д. Юзефа.
15 П	Успеніе Пр. Бог.	28	Августина.
16 В	Пер. нерук. Обр. Госп.	29	Усѣк. гл. І. Кр.
17 С	Мирона мч.	30	Розал. Лим.
18 Ч	Фльора и Лавра мч.	31	Раймунда.
19 П	Андрея Стр. мч.	1	Брониславы, Егид.
20 С	Самуила пр.	2	Стефана кор.
21 Н	13 по С.Д. Ѳадея ап.	3	13 по С.Д. Сим.
22 П	Агаѳоника.	4	Розалии дѣвы.
23 В	Лупа мч.	5	Лаврентія Юст.
24 С	Евтихія свмч.	6	Захаріи пр.
25 Ч	Варѳоломенія и Тита.	7	Бл. Мольхіора.
26 П	Андріяна и Наталіи.	8	Рождест. ПДМ.
27 С	Пимена прп.	9	Петра Кл.
28 Н	14 по С.Д. Мойсея пр.	10	14 по С.Д. Никол.
29 П	† Усѣкновение Г. І. Кр.	11	Прота.
30 В	Александра пат. Кон-	12	Найсв. Им. МБ.
31 С	† Пол. Пояса Пр. Бог.	13	Филипа м.

Сентябрь September

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 Ч	† Нов. Годъ цер.	14	Воздв. Ч. Креста.
2 П	Маманта мч.	15	7 Стр. ПДМ.
3 С	Аноима свмч, Θεοφιλα.	16	Корнилія.
4 Н	15 по С.Д. Зн. Ф.	17	15 по С.Д. Зн. Ф.
5 П	Захаріи и Елизаветы.	18	Іосифа.
6 В	Чудо Арх. Михаила.	19	Іануарія еп.
7 С	Созонта мч.	20	Евстахія м.
8 Ч	Рождест. Пр. Бог.	21	Матѳея ап.
9 П	Іоакима и Анны.	22	Θοмы изъ Вил.
10 С	Минодоры и Митр. мч.	23	Теклы д. и м.
11 Н	16 по С. Д. Θεοдоръ.	24	16 по С.Д.П.Д. Вик.
12 П	Автонома.	25	Владислава Г.
13 В	Обр. Кр., Корнилія.	26	Кипріяна и Юст. м.
14 С	Воздвиженіе Ч. Креста.	27	Космы и Даміана.
15 Ч	Никиты вмч.	28	Вячеслава кор.
16 П	Евфиміи вмч.	29	Михаила Арх.
17 С	Софіи, Вѣры и Нады.	30	Іеронима.
18 Н	17 по С.Д. Евменія.	1	17 по С.Д. Бл. Яна.
19 П	Трофима и Саввы.	2	Ангел. Ст.
20 В	Евст. его жены идѣт.	3	Кандида и Герар.
21 С	Кондрата ап.	4	МБ. Рожан.
22 Ч	Фокии свмч.	5	Плакида м.
23 П	Зачат. І. Крестителя.	6	Брунона ав.
24 С	Теклы првмч.	7	Марка пап.
25 Н	18 по С.Д. Евфросиніи.	8	18 по С.Д. Бригид.
26 П	† Св. Ап. Іоанна Бог.	9	Людвика.
27 В	Калистрата мч.	10	Франциш. Борг.
28 С	† Харитона прп.	11	Емилиана.
29 Ч	Киріяка прп.	12	Максимиліяна еп.
30 П	Григорія свмч.	13	Едварда к.

Октябрь October

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1 С	† Покр. Пр. Бог.	14	Каликста пап им.
2 Н	19 по С.Д Кипріяна.	15	19 по С.Д. Тересы.
3 П	Діонисія А.	16	Герарда.
4 В	Іероѳея свмч.	17	Маргареты Аляк.
5 С	Харитины.	18	Луки ев.
6 Ч	† Θοмы ап.	19	Петра изъ Ал.
7 П	Сергія и Вакха мч.	20	Іоанна Кант.
8 С	Пелагиі прп.	21	Уршули д. и м.
9 Н	20 по С.Д Якова ап.	22	20 по С.Д. Корд.
10 П	Евлампія и Ев.	23	Серванда.
11 В	Филипа ап., Θεοф. еп.	24	Рафаила Арх.
12 С	Прова и др. мч.	25	Криспина.
13 Ч	Капа м., Космы прп.	26	Евариста пап.
14 П	Ефимія прп., Лукіяна.	27	Фльорентія.
15 С	Параскевы прп.	28	Симеона и Θад. ап.
16 Н	21 по С.Д. Лонгина.	29	21 по С.Д. Нарц.
17 П	Осія пророка.	30	Альфонса.
18 В	† Луки ап.	31	Вольфганга.
19 С	Іоуля пророка.	1	Всѣхъ Святыхъ.
20 Ч	Артемія вмч.	2	День Зидушный.
21 П	Иляріона Вел. прп.	3	Губерга еп.
22 С	Аверкія еп.	4	Кароля Бором.
23 Н	22 по С. Д. Якова.	5	22 по С.Д. Захар.
24 П	Ареты, Аѳанасія.		Леонарда.
25 В	Маркіян. и Мартирія.	7	Бл. Антонія Бал.
26 С	† Димитрія вмч.	8	Геоффрида.
27 Ч	Нестора мч.	9	Θеодора м.
28 П	Параскевы вмч.	10	Андрея изъ Авл.
29 С	Анастасія рим. прп.	11	Мартина еп.
30 Н	23 по С.Д. Зиновія.	12	23 по С. Д. Март.
31 П	Стахія, Нарк.	13	Стапислава.

Ноябрь November

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	В	Космы и Даміана.
2	С	Акиндина мч.
3	Ч	Акепсима мч.
4	П	Іоаникія В. прп.
5	С	Галакт. и Епистим. мч.
6	Н	24 по С. Д. Павла.
7	П	Іерона и др. мч.
8	В	Соб. св. Мих. Арх.
9	С	Онисифора мч.
10	Ч	Ераста и др. ап.
11	П	Мины, Викт. и др. мч.
12	С	Св. Іоанна милостиваго.
13	Н	25 по С.Д. † Іоан. Зл.
14	П	† Филипа ап.
15	В	Гурія и др. мч.
16	С	† Матѳея ап. и ев.
17	Ч	Григорія еп. чудотв.
18	П	Платона и Романа м.
19	С	Авдія пр., Варлаама.
20	Н	26 по С.Д. Григор. Д.
21	П	Введ. въ хр. ПБ.
22	В	Филимона ап., Кекиліи.
23	С	Амфилоха и Григ. еп.
24	Ч	Екатерины вмч.
25	П	Климента и Петра свмч.
26	С	Алипія Стовп. прп.
27	Н	27 по С.Д. Зкова пер.
28	П	Стефана прпмч.
29	В	Парамона и Филим. мч.
30	С	† Андрея ап.

14	Іосафата еп. и м.
15	Гертруды.
16	МБ. Остробрам.
17	Сальомеи д.
18	Романа м.
19	24 по С. Д. Елизав.
20	Феликса.
21	Введ. въ хр. ПБ.
22	Кекиліи д. и м.
23	Климента пап. м.
24	Іоанна вѣд. Хр.
25	Екатерины д. и м.
26	25 по С. Д. Леонар.
27	Валеріяна.
28	Здиславы.
29	Сасурѣина.
30	Андрея ап.
1	Елигія еп.
2	Бибіяны. д.
3	1 Адвент.
4	Варвары.
5	Саны еп.
6	Николая еп.
7	Амросія еп.
8	Неп. Зач. ПДМ.
9	Леокадіи д.
10	2 Адвент.
11	Дамасія м.
12	Александра м.
13	Лукіи д.

Декабрь December

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	Ч	Наума пр.
2	П	Аввакума пр.
3	С	Софоніи пр., Ѳеодула.
4	Н	28 по С.Д. Варвары.
5	П	† Савы осв.
6	В	Николая св. чудотв.
7	С	Амросія еп.
8	Ч	Патапія еп.
9	П	Гануля пр.
10	С	Мины и Іермогена мч.
11	Н	Праотц. Даніила.
12	П	Спиридона.
13	В	† Евстратія и Авкс. мч.
14	С	Тирса мч.
15	Ч	Елевоерія свмч.
16	П	Аггея пророка.
17	С	Даніила пр. и 3 Мол.
18	Н	Пред. Рождества.
19	П	Бонифатія. мч.
20	В	Игнатія свмч.
21	С	Юліана мч.
22	Ч	Анастасіи вм.
23	П	10 мч въ Критѣ.
24	С	Навеч. Рожд. Евгениі.
25	Н	Рождество Христово.
26	П	Соборъ Пръ Бог.
27	В	Прмч Стефана, Ѳеод.
28	С	Просв. Б. Н. по Р. М. Н.
29	Ч	Прп. Мак. мч. д. Виф.
30	П	Мчн. Анисіи, Пр. Ѳеод.
31	С	Прп. Меланіи.

14	Спиридіона еп.
15	Валеріяна еп. и м.
16	Евсевія еп.
17	3 Адв. Лаз.
18	Очикув. МБ.
19	Немесія еп.
20	Ѳеофила м.
21	Ѳомы ап.
22	Зенона м.
23	Викторіи д. и м.
24	4 Адв. Адамъ.
25	Рождество Хр.
26	Стефана.
27	Іоанна.
28	Дѣтей убіен. въ В.
29	Ѳомы еп.
30	Евгения еп.
31	Сильвестра.
1	Новый Годъ 1934.
2	Макарія.
3	Геновефы.
4	Вмч. Емилиана.
5	Телесфора м.
6	Трехъ Царей.
7	1 по 3 Цар. Іоан. д.
8	Северина.
9	Северина ав.
10	Юліяны и Васил.
11	Альойсіа.
12	Гигина папы рим.
13	Леонтія еп.

На 1933 Годъ

Зась Годъ Новый — кризисовый, Тридцетый и третій!
Мусите го претримати — хцете ци не хцете . . .
Хоць будуть републикане, хоць и демократы,
Треба буде, моистевы, ишы вытримати . . .

Бо якъ тотъ рочокъ перейде и приде четвертый,
То и такъ всѣ вытримаме ажъ до самой смерти.
Бо и кризись скрепируе, якъ му браке жерти,
Схудне, выхне, вымуфуге, або мусить вмерти . . .

И не робме сой ничъ съ того, будме сильны духомъ,
До часу збанъ воду носить — ажъ ся урве ухо . . .
А тымъ часомъ най керуе нами любовь братска,
Най ся тѣшитъ, а не смутить, наша Русь Карпатска!

Братья Лемкы — а ци знате, же тамъ въ старомъ краю,
Нашы братья, нашы сестры, помочы чекають!
Мы ту маме достъ способу, жебы имъ помочы —
Лемъ посмотме, подумайме и каждый най хоче!

То намъ люде — орайть скажутъ, же зме потрафили,
Што зме знали и якъ могли, ведля нашой силы . . .
А найперше нашы “Клубы” и “Братства всѣхъ святыхъ”,
Най разъ знаютъ, же ОТЧЫЗНА наша то Карпаты!

Най не будутъ нашы лемкы такы непорадны:
“Православны”, “кфтолики”, восточны — западны . . .
Кажда вѣра Богу мила, лемъ честнымъ тра быти!
Але знате, моистевы, же треба и жыти . . .

И то не каждый самъ собѣ, але всѣ въ громадѣ,
Вшиткы пхаймеса напередъ, не стойме все въ задѣ!
Бо часъ иде — скоро иде — мы ждеме на чудо . . .
Рушме-ле ся — и то вшиткы, бо намъ буде худо!

С В А Т Ъ.

Народна Організація

— Вы стоите въ Лемко-Союзѣ? — просится крайнь краяна.

— А то што зась за “сусайда?” Кельо треба платити? Кельо посмертне? Кельо хора запомога?

— Платити треба лемъ доляра на рокъ. Посмертной и хорой запомогы нѣтъ, бо то народна, культурно-просвѣтительна організація, котру организуеме для нашего народного житя, а не для посмертного.

— А што то тото народне житя?

— Народне житя, то народна газдовка. Тоты народы, што жиють народно, мають свои газдовства, свои маетки, богатства, школы, народны дома и цѣлы державы, сами собѣ рядяты въ своихъ краяхъ. Народами, котры лемъ стараются о посмертну запомогу, управляютъ сусѣде. Примѣромъ нами, карпатороссами, управляютъ польскы и чешскы, давнѣйше нѣмецкы и мадьярскы паны и прекладають съ нами зѣ рукъ до рукъ, якъ своимъ маеткомъ, живымъ товаромъ! Мы, яко народъ неорганизованный, бо темный, глупый, слухаме ихъ и стаемеса мертвымъ матеріаломъ для ихъ будовы. Не думайте, же якъ мы своихъ школъ не будуеме, то же насъ школа ничъ не коштуе. Но, насъ школа коштуе больше, якъ нашихъ сусѣдовъ, мы на школы платиме, але въ тыхъ школахъ учать противъ насъ нашы дѣти, учать ихъ противъ интересовъ нашего народа, а за своими интересами. А мы, яко народъ неорганизованный не можеме выповѣсти своей воли, бо народна організація то голова народа. Мы жиеме, ходиме по свѣту безъ головы, не видиме, не слышиме, не можеме говорити.

Народъ, то якъ и человекъ: Мае голову, руки, ноги, туловище, сердце, мы вшитко маме, не маме лемъ головы, т. е. народной организації, котра бы управляла нашимъ туловищемъ, руками, што мають робити, жебы собѣ школу не зробили — ногами, жебы насъ въ пропасть не занесли.

великы, самостоятельны народы, мають свои державы, значить державны организаци, со своими правительствами. Держава, то ничь инше, лемь народна организациа, котра старатся, робить въ интересъ даного народа, або союзныхъ народовъ. Примѣромъ Германия, Франція, Сов. Союзъ, Америка, Англія, Польша, Чехословакія и т. д. Всѣ тоты народы добылися своихъ державъ черезъ народну организацию. А тоты народы, котры не были способны до народной организаци, котры стараются лемь о посмертну запомогу, пропали, такъ пропали, якъ пропадаме мы, лемкы, котры дотеперь тоже не старали зме ся о ничь веце, лемь о посмертну запомогу. Теперь мы почали организуватися и старатися и о наше народне житя.

— Тажъ мы ніякы не лемкы, але русскы. Якъ мы будеме особно организуватися, то то буде, якъ пишутъ “сепаратизмъ.”

— То само мѣ бесѣдувалъ вашъ братъ, лемь кусъ иначе: “Я, гварить, не лемко, а украинець, бо до украинской церкви належу, а вы сте кацапъ.” Вина тому, што мы такъ бесѣдуеме, тотя, што мы темны, не розумѣме ни того слова “русскій,” ни того “украинець,” ни того “лемко.” Едному изъ насъ здаеся, што онъ зато “русскій,” бо до “русской” церкви ходить, другому ся здае, же онъ ужъ зато “украинець,” же до “украинской” церкви ходить, а ужъ “лемкомъ” ніякъ не може быти, бо такой церкви нѣтъ. И оно нѣтъ ни “русской,” ни “украинской” церкви, а была церковь христіянска, котра съ часомъ подѣлилася на православну (восточну) и католицку (западну), а потомъ засъ западна подѣлилася на протестантску и потомъ засъ на много церквей, епископальну, бабтиску, пресбитеріянску и т. д. Суть православны грекы, болгаре, сербы, ескимосы, чукчи, китайцы, японцы, але зато они не русскы. Суть католиками розмайты народы, бѣлы, чорны, але не вшиткы они украинцы, ба та и украинцевъ заледво 1 на 10 гр. католик, а рещта православны. Церковь есть **интернаціональна**, а не національна. Каждая изъ тѣхъ церковныхъ партій, отмѣнь, мае першу точку въ своей программѣ, штобы перевести на свою вѣру всѣ народы свѣта. И каждая вѣра тотя мае. И зато каждая обѣцуетъ лѣпшу “посмертну запомогу.”

Неправда тотя, же лемь “православный” русскій, якъ и

тотя неправда, же “гр. католикъ” украинець, а коли у насъ така мода называтися, то лемъ доказъ нашой темноты, изъ котрой корыстають нечестны люде. Бо съ того выходило бы, же коли бы, примѣромъ, русскій народъ принялъ другу религию, то пропалъ бы русскій народъ, нѣтъ его больше на свѣтѣ. Съ того выходило бы, што Левъ Толстой не русскій писатель, бо его православна церковь выкинула, мимо того, што онъ былъ одинъ изъ наибольшихъ въ свѣтѣ христіянъ. Съ того выходило бы, што Горькій не русскій писатель, бо онъ не лемъ православіе, але и христіянство перечить — перечить его дѣламъ, яко добрымъ. Мимо того такъ русскій народъ, якъ и свѣтъ, уважае ихъ за великихъ писателей русскихъ, великановъ русской мысли. А сколько теперь въ Россіи большевиковъ, а дуже мало межи ними проценту другой народности, они русски, бо бесѣдуютъ по русски, пишутъ по русски и т. д.

Зато, видите, религию съ народностью связывати не можна, каждый зъ насъ може собѣ быти якою хоче, съ “целибатомъ”, ци безъ, але каждый изъ насъ належить до одного народа, а черезъ свой народъ до группы, союза народовъ. Въ группѣ, въ союзѣ, такъ одинъ народъ, якъ союзъ народовъ, устроюють собѣ лекше и лѣпше житя. Чѣмъ народъ культурнѣйшій, просвѣщеннѣйшій, организованный, то онъ устроуетъ собѣ лѣпше житя.

Мы, лемкы, одна така народна группа, по своемъ географическомъ положеніи, по своей бесѣдѣ, по своемъ характерѣ.

— Што то значитъ по географическомъ положеніи?

— А значитъ, што у насъ есть свой шматокъ земли, котрый мае свои натуральны, народны границы. Наша земля положена въ западныхъ Карпатахъ, рѣка Попрадъ ограничатъ насъ изъ запада, на полночи отъ польского народа маме свою народну, натуральну границу, такую саму границу маме отъ полудня, отъ словаковъ и мадяровъ, на востокъ мы лучимеся съ нашими русскими братьями, съ украинскомъ группомъ русского народа.

— А што значитъ по нашой бесѣдѣ?

— Наша лемковска группа мае и свою народну бесѣду. Вы мусите признати и то ніякы мудрагеле не можутьъ скрыти, же мы, лемкы, бесѣдуеме не такъ, якъ украинцы, бѣлоруссы, великоруссы. Значить, маме свою народну бесѣду. Она,

тота наша бесѣда, мае тоже характеръ русскихъ, народныхъ бесѣдъ, але она мае и свои отмѣны и то достъ великы отмѣны. Всѣ другы русскы бесѣды мають свой восточный акцентъ, такъ великорусска, якъ украинска, якъ бѣлорусска, а наша, лемковска бесѣда мае ужъ западный акцентъ. Она зато ни словацка ни польска, бо въ ней и словъ и окончаній больше русскихъ, якъ польскихъ або словацкихъ, але зато нашу бесѣду ніякъ не можна взяти ни за украинску, ни за великорусску. Коли гуцульска и бойковска мова належить до украинской группы, наша лемковска ужъ такъ отмѣнна отъ украинской, же ніякъ за украинску приняти ей не можна. Вы трудно распознате украинця, изъ якої онъ части украинской территоріи, ци отъ Кіева, ци Полтавы, ци Львова, але лемка ужъ познате по его бесѣдѣ, же онъ ніякъ не може быти ни отъ Львова, ни отъ Кіева, ни отъ Москвы, а изъ Лемковины, значить съ той нашей лемковской территоріи, отъ Попрада по Сянъ и Ужъ.

Учены познають по звуку бесѣды и украинцевъ и великороссовъ, изъ якої губерніи, мы не зробиме той розлуки, не чуеме ей. Значить, што до бесѣды, мы лемкы сама своя русска группа.

— А што значить до характеру?

— Значить то, же и наша натура отмѣннѣйша отъ другихъ группъ русского народа и нашъ видъ. Если поставите великоросса, украинца, бѣлоросса и лемка, то увидите, же есть розлука межѣ ними. Посадите ихъ за столъ, иначе будутъ ѣсти, иначе танцувати, поставите на роботу, иначе робити и иначе тота работа выйде. Правда, буде то барзъ маленька розлука, далеко больша выйде межѣ русскимъ, а нѣмцомъ. Зато нѣмцы другій народъ, тоже сложенный съ такихъ народныхъ группъ, своихъ нѣмецкихъ. Каждая тота группа мае свою народну организацію, свою державу, але всѣ они въ союзѣ, а если ищы декотры не въ союзѣ, то стремлять до того союза, якъ примѣромъ австріицы, тырольцы и т. д.

И мы, лемкы, яко русска группа, само собомъ розумѣся, стремиме до союза съ другими группами русского народа.

Цѣль нашей народной организаціи сплотити, соединити нашу группу, наше племя въ одну силу.

Теперь, коли мы розъединены политично, партійно, ре-

лигійно, намъ здаеся, же мы слабы, намъ здаеся, же мы самы ничъ собѣ помочи не можеме, якъ намъ другы не помогутъ. Хоць яка маленька группа народа, коли она сознательна и организована выступитъ въ оборонѣ себе, ей побѣда певна и надъ сильнымъ противникомъ захватчикомъ. А то потому, што коли слабый бореся зо сильнымъ, то всѣ тоты, котры смотрятъ на таку борьбу слабого зо сильнымъ и то захватчикомъ, стають по сторонѣ слабого и ажъ тогда ему помогутъ.

Наша бесѣда, што мы сильны, бо мы народъ русскій, 150 миллионный, пуста, бо якъ видиме, каждый насъ тисне, кривдитъ, не боится, же мы такы сильны. Пойдутъ намъ на помочь и другы, але найперше намъ самымъ треба показати свою охоту до обороны себе, а тоту охоту можеме показати лемъ черезъ нашу народну организацію.

Если для каждого изъ насъ не вартать будучность его народа, его свобода, его право на своей землѣ 1 доляра на рокъ, штобы хоць тымъ доляромъ постояти за свой народъ, то якъ можеме ждати отъ русскихъ изъ Россіи, штобы они шли и проливали за насъ кровь?

А суть такы философы межѣ нами, што того бы хотѣли, але сами и пальцомъ бы не гнули. Штобы мы смѣли помочи чекати отъ другихъ, мы мусиме найперше сами быти готовы, мы мусиме сами найперше збудувати дашто, сами найперше подбати за себе, а втоды, коли мы сами за себе будеме дбати, то иначе будутъ говорити съ нами ци власть польска, ци чешска. Якъ мы збудуеме дашто свое, але жебы было видно, збудуеме зо своего народного сознания, то они не посмѣють намъ отняти, а если намъ возмутъ, то мы, яко народъ организованный встанеме якъ одинъ въ оборонѣ нашего добра, то и свѣтъ, культурный свѣтъ, стане въ нашей оборонѣ. Теперь могутъ насъ, лемковъ, и выдусити вшиткихъ, а никто ани знати не буде о томъ, бо и кто о насъ знае, же мы жиѣме?

Тотъ часъ недалеко, коли каждый пайменшій народецъ, каждая народна группа, буде мати свою автономію, свою республику, въ союзѣ народовъ. Ненависть межъ народами пропаде, бо каждый еденъ другому признатъ право на житя. Лемъ подумайте, ци то не глупо, жебы словакы, ци полякы ненавидѣли насъ, а мы ихъ и ницилися взаимно? Правда,

мы ихъ не нищима, бо мы не маме ніякой силы, то зато они насъ нищать, вынародовляють, пхають свои школы, свою бесѣду, свою культуру.

Коли русскій царь владѣлъ надъ Польшей, выбудоваль полякамъ въ самой серединѣ Варшавы православный соборъ, якъ бы на злость . . . Ци не само тото польске правитель-ство робить теперь, коли помагать будувати костелы среди русского населенія, совсѣмъ уничтожать русскы школы, чи-тальни и хоче насъ ополячити? Якъ робило зле царске пра-вительство, такъ робить зле польске правительство. Якъ вынародовляло насъ мадыарске правительство, такъ вынород-овлять насъ чехословацке правительство. Такъ вѣчно быти не може. Народы опамятаются, подадутъ еденъ другому руку и будутъ жити въ братствѣ и союзѣ. Того нового жи-тя научить ихъ тота всесвѣтна бѣда, котра теперь на свѣтѣ пануе. Они познають, што причина той всей бѣды ничъ ин-ше, лемъ тота незгода межъ ними. Народы позбудутся тѣхъ “учителей” и лидеров, котры сѣють межъ ними ненависть, подадутъ собѣ руку и зажіють по братски. Приде такій часъ, што буде встыдно посягати на національны права другого, хоць бы найслабшого народа. То мусить прити.

Але припустме, хоць бы оно сегодня тото право при-шло, тото право, котре ищы президентъ Вильсонъ предло-жилъ, право самоопредѣленія народовъ, справедливе. Якже мы, лемкы, будеме самоопредѣлятися, коли у насъ не буде народной организаціи? Кто скаже слово въ нашомъ имени? Будуть зновъ говорити други, або такы изъ насъ, котры будутъ тягнути каждый въ иншу страну, еденъ къ мадыарамъ, другій къ чехамъ, третій къ полякамъ, четвертый къ украин-цамъ, якъ то было по войнѣ. **Не было у насъ той мысли, што мы такъ по галицкой, якъ и угорской сторонѣ одна группа русского народа, што намъ треба разомъ ити въ одну сторону, бо коли насъ подѣлять, то лемъ для заглады едныхъ и другихъ.** И, видите, на тото пришло. Такъ угорска часть нашего краю отрѣзана отъ т. з. Подкарпатской Руси, якъ и галицка отъ В. Галичины; отрѣзана администраціино. Вся Лемковина, по одной и другой странѣ границы вычеркнена изъ политичного народного житя. На 660 сель, на полъ мил-ліона русского народа мы не маме ни одного заступника, не маме наименшого народного права.

Тотъ великій грѣхъ надъ нами стался по винѣ нашей, по винѣ нашего народного недбальства, по винѣ глупоты и зрады нашихъ лидеровъ, котры не задали собѣ столько труда, штобы подумати надъ нашимъ географичнымъ положеніемъ.

Если бы мы мали свою народну организацію, того бы не сталося. О нашомъ присоединеніи не рѣшалъ бы ни Кра-маржъ, ни Падаревскій, а рѣшала бы организація и тота наша организація могла бы довести до того, што мы были бы, яко одна группа, присоединены до сусѣдной державы, а тогда мы были бы въ силѣ выбороти свои права.

Лѣпшій случай для насъ предъ нами. Средня Европа не може выдержати того версальского подѣлу. Народы пе-реконалися, а котры не переконалися, то скоро переконаются, што при такихъ своихъ “самостійныхъ моцарствахъ” жити не можуть, што имъ треба экономичного, господарского союза и до того союза мусить прити. Отъ насъ теперь за-виситъ, ци мы въ томъ союзѣ займеме мѣсто яко членъ союза, ци яко рабъ, презначеный въ жертву. Никто нами не буде старатися, якъ сами собомъ не будеме старатися. Если мы будеме старатися сами собомъ, то будеме мати свою народну организацію, котра буде говорити въ нашомъ имени. Памятайме, што въ нашомъ имени не може говорити ни капитула, ни яка-нибудь запомогова организація, ни це-либаты, ни противцелибаты, ни КОВО, ни ОРО, а може го-ворити лемъ народна организація, выразителька мысли сво-ихъ членовъ, происходящихъ изъ той территоріи. Никому другому вѣрити не будутъ, лемъ намъ самимъ, народно со-знательнымъ лемкамъ, коли мы будеме знати, чого мы хоче-ме. А о томъ, ци мы знаме, чого мы хочеме, переконаются по силѣ нашей народной организаціи.

Читае мы карпаторусскы газеты, органы нашихъ запомоговыхъ организаціи. Я не знамъ якъ кто, але я не выйду изъ нихъ, чого они хотять для насъ? Всѣ тоты га-зеты на якихъ 90 процентовъ платять эмигранты, якъ разъ изъ той части русской территоріи, котра презначена на за-гладу, значитъ изъ Лемковины. Галицкой и Пряшевской. Ци мають они, тоты наши газеты даякій планъ, даяку про-грамму для будучности того краю? Ніякой. Всѣмъ они за-нимаются, лемъ не оборономъ своего краю. Вся тяжесть народной обороны нашего краю на Лемко-Союзѣ и газетѣ

“Лемко.” Они, тоты “панове,” попросту встыдятся своего краю и своего народа, они хотятъ быти дачѣмъ иншимъ, они встыдятся своего лемковского роду и бесѣды и учать встыдятся своихъ читателей.

— А чомъ мы маме въ Америкѣ будувати такую народну організацію, а не въ старомъ краю?

— Въ старомъ краю нашъ народъ роздѣленный и поневоленный. Въ интересѣ правительствъ, котры управляютъ нами, не наша организація, а дезорганизація, не просвѣщеніе въ народномъ духѣ, а затемненіе, не народне наше пробужденіе, а наша народна смерть. Уряды тыхъ правительствъ убиваютъ всякій зародокъ народной мысли, народной организаціи. Если мы стояли бы культурно выше, мы не зважали бы на тоты перешкоды и въ старомъ краю, взяли бы свою судьбу въ свои руки, однако вѣчна неволя зробила свое, учинила насъ неспособными до обороны, учинила насъ претрашенными калѣнками, звыроднѣла, обесчестила нашу интеллигенцію.

Ту въ Америкѣ намъ не мѣшать правительство въ организаціи нашихъ народныхъ силъ. Дальше, треба намъ знати, што початокъ освободительной народной работы у каждого поневоленного народа починался за границей, на эмиграціи. На эмиграціи перша группа найлѣпшихъ членовъ поневоленного народа завязувала першу народну організацію, перши отдѣлы для борьбы за лѣпше житя своего народа. А если взяти на увагу, што насъ лемковъ на эмиграціи есть добра половина всего населенія нашего краю, то у насъ есть велике поле для организаціи.

Въ старомъ краю мы не равны съ другими, пануючими народами. Насъ тамъ нѣтъ предъ правомъ пануючого. Ту въ Америкѣ маме равны права съ другими народами. Въ старомъ краю на границѣ межъ нами стоятъ польскы и чешскы жандармы и смотрятъ, жебы зме разомъ не зышлися, ту мы свободно разомъ можеме сходитися. И потому ту, въ Америкѣ, мѣсто для нашей народной организаціи, котра должна взяти предводительство надъ нашимъ народомъ въ старомъ краю. Наша народна организація дастъ намъ народне житя на чужинѣ и защиту для нашихъ старокраевыхъ братьевъ.

Такы “патріоты” межъ нами, котры говорятъ, што ста-

рый край ихъ ничъ не обходитъ, то народны паразиты, они горьши отъ темныхъ, неграмотныхъ людей. А такихъ “патріотовъ” больше у насъ. Безъ старого краю, безъ мысли о немъ, безъ организаціи для его обороны, мы народъ мертвый, хоць бы мы вписалися въ золоты книги, кричали непрестанно, што мы русскы, молилися по цѣлыхъ дняхъ до трираменного креста, протестовали противъ целибата, выбудували соткы новыхъ церквей, удержували тысячи поповъ, вшитко то есть лемъ вѣра, безъ дѣлъ, мертва вѣра. Дѣло, то народна организація, защита своего народа, его правъ, борьба за его свободу, ровность съ другими народами, за нашъ равный союзъ съ свободными народами.

Того хоче Лемко-Союзъ для лемковъ, для русскихъ жителей западныхъ Карпатъ за Ужомъ и Сяномъ.

Каждый эмигрантъ изъ той части русской земли, ци онъ теперъ изъ подъ имперіялистичной Польши, ци Чехословакии, онъ долженъ стати членомъ Лемко-Союза и боротися разомъ съ нами за лѣпшу будучность своего народа, за его народны права, равны съ другими.

Мы не хочеме диктувати своей воли ни польскому ни чешскому народу, мы не хочеме насилувати ихъ на русскы школы, на русскій языкъ, на русскы читальни, высылати до нихъ своихъ екзекуторовъ по остатню корову на армію, своихъ учителей по языкъ у ихъ дѣтей, мы лемъ требуеме съ ними ровности и братства и за тоту ровность и народне братство будеме боротися. Они думали, што мы ужъ мертвы, не будеме упоминатися о свои права, што мы неспособны до народной организаціи.

Покажме, што и наша маленька группа русского народа не позволитъ надъ собомъ збытковатися, покажме черезъ массовый вступъ въ Лемко-Союзъ, а докажме, што мы готовы стояти за свое, якъ стоятъ други народы.

Назадъ къ Народу

Всѣмъ намъ знамо, же вся интеллигенція наша вышла изъ подь соломянной стрѣхи. Тото столько значить, што она съ своимъ народомъ кровно связана, што она мае говорити такъ якъ народъ, што свое житя-бытя мае устроити по своему народному укладу, а наконецъ, што мае постаратися о поднесеніе простого народа.

Тото поднесеніе народа на Пряшевщинѣ взяло на себе общество им. А. Духновича въ Пряшевѣ, котре за послѣдній рокъ усилило темпъ своей работы. Обновленно и заосновано 49 читалень, въ котрыхъ обязательно сходятся два раза въ тыждень и читають въ нихъ што-тыждень около 200 газетъ. За зимній культурный сезонъ перечиталось въ нихъ 46 спеціальныхъ лекцій, сыгралось 20 театральныхъ представлений, состоялись въ нихъ 4 курса для неграмотныхъ и не знающихъ русску азбуку; имѣется и одинъ духовый оркестръ. Дуже слабо поступаеть кооперація края, вшиткого на купу маеся 4 кооператива.

Хоть сдаеся, же работа была достъ удатна, но если возьмемъ до уваги и други числа, якъ число лемковскихъ селъ на Пряшевщинѣ (есть ихъ выше 250, а съ русско-сотацкими около 300), если возьмемъ во вниманіе сколькость русской интеллигенціи и темноту народа, то несдобачки человекъ спрашиваеся, чомъ тота работа поступать такъ помаленьку?

Тота хороба мае больше причинъ, прежде всего-же от што наша интеллигенція хоть и пахне гуней, но въ прошлыхъ часахъ настолько запрыскалася пахнячими водками, же сама себе не познае, а зато и не любитъ межи народомъ провадити просвѣщеніе. Народъ есть, организація есть, лемъ работниковъ нѣтъ. Зъ того для насъ наука, же интеллигенція наша мусить переродитися, а то въ организаціи О-ва Духновича, при помочи которого народъ мусить сноситися со своими панями. Для успѣшного перерожденія я считаю не-

обхидимымъ, штобы О-во Духновича вошло въ тѣсную связь съ галицкимъ О-вомъ им. Качковского и оставило свои упованія на Прагу; штобы ажи вѣдно издавали книги для народа, якъ то дѣлали наши предки. Необходимо искоренити вѣросповѣдную ненависть, ажи въ средѣ священниковъ: униатскій долженъ узнати, што наше православное движеніе есть національнымъ, а прото яко русскій долженъ его чувства почитати и мати про нихъ зрозумѣніе, православный же батюшка долженъ признати въ нашихъ старыхъ священникахъ защитниковъ русскости, обряду восточного, то есть уважати ихъ тоже своими. Для обеспечения будущего, треба построити бурсы, где виховувалась бы здоровая народная интеллигенція, несмотря на словакизацію, на вшеліякого рода калѣченія нашей молодежи. Наконецъ наша интеллигенція должна постаратися и о томъ, штобы хлопъ нашъ малъ ѣсти.

Штобы возродился народъ, мусить найперше возродитися интеллигенція и щиро взятися за народну работу для народа. Бо то есть найпевнѣйша работа и для самой нашей интеллигенціи, для ей будущности. Если же наша интеллигенція не верне къ народу, то недалеко тотъ часъ, што народъ ей совсѣмъ откине, яко свой ненужный тягаръ. Одно спасеніе нашей интеллигенціи — назадъ къ народу!

Лешко Маковичанинъ Бехервъ.

ЛЕМКОВСКА ПѢСНЯ

Лемкы, лемкы, русскы дѣти, Трудно намъ poradити.
Вшиткы въ Союзъ ставайме Ужъ ся лемкы зо всѣхъ партій
И матери Лемковинѣ — Стали соединяти,
Загыбати не дайме! Абы могли вражимъ панамъ
Загыбае наша Мати, Свою пясть показати.
Зелена Лемковина, Ужъ ту лемкы въ Америкѣ
Бо ей гнете паньска Польша, Свой Союзъ заложили,
Тай и чешска панщина. Жебы свою Лемковину
Хотятъ паны Лемковину Всѣ разомъ боронили.
Для себе присвоити, Не турбуйся Лемковино,
Хотятъ они русскихъ лемковъ Же мы о Тя не дбаемъ,
Всѣхъ вынародовити. Ты си таку думку думай,
Не думайте собѣ паны, Же Тя панамъ не даме!
Же то можна зробити, Теодоръ Барановскій,
Бо мы лемкы барзъ завзяты Шелтонъ, Конн.

Наша фонетика

Многи изъ насъ не розумѣють, што то значить “этимологія,” а што “фонетика.” Якъ вшитко у насъ “вѣра,” такъ и тота этимологія и фонетика “вѣра.” Этимологія то стара, “русска” вѣра,” а фонетика, то нова, “украинска вѣра,” котру придумали поляки. Столько мы стары знаме о этимологiи и фонетикѣ.

Знаме ищы, што этимологіомъ пише тотъ, котрый кладе на концѣ слова “твердый знакъ.” Боже храни безъ твердого знака! Недавно пише до мене еденъ лемко: — Боже васъ заваруй писати безъ твердого знака, бо вшиткы лемкы ся отъ васъ отвернуть. То вшиткой той незгоды проклята фонетика наробила!” Не знае тотъ неборакъ лемко, же мимо тыхъ твердыхъ знаковъ, котры онъ ставитъ, онъ самъ пише фонетикомъ, правда, не украинскомъ фонетикомъ, а лемковскомъ. Найсмѣшнѣйше, коли и такы боронять той “этимологiи,” котры и русскими буквами не пишуть, лемъ “словенскими”.

Што то “этимологія?” Этимологія, то таке правописаніе, котре мае свои права и то трудны права писаня. Таке право поставлене изъ вѣка, ищы даякимъ монахомъ въ среднихъ вѣкахъ и хоць тото право нѣякъ не подходитъ теперь, коли ужъ и бесѣда змѣнилася, его держатъ, держатъ якъ вѣру, бо такъ въ книжкахъ написано. Разъ монахи въ старыхъ часахъ клали на концѣ слова твердый знакъ, то и мы мусиме. Але чомъ тотъ твердый знакъ тамъ положеный, никто изъ насъ не знае.

Плачеме мы неразъ, што Голуховскій взялъ намъ твердый знакъ, але прото, же намъ брали и берутъ русску школу, мы не плакали, ани не плачеме. А то не твердый знакъ важный, а школа, своя народна школа и бесѣда, котра лемъ одна може двигнути насъ выше и выше.

Бо лемъ собѣ подумати, же мы чогоси борониме, а сами

не знаме чого. Читати добри не знаме, а будеме учити ученыхъ, якъ они мають намъ писати.

Если китайскы массы такъ заостали отъ свѣта, мимо того, што китайцы самый скромный и самый трудолюбивый народъ, то перша причина того ихъ этимологія. Ихъ писмо найтруднѣйше въ свѣтѣ. Штобы писати по китайскы, треба учитися тысячи образковъ и разныхъ выкрутасовъ.

Мы видиме въ исторiи розвiтiя писма, што народы старались все улешкыти писмо, скоротити, штобы обыйтися о меньше буквяхъ, штобы они были приступнѣйшы для науки. Нове писмо основано на “фонетикѣ, не такъ якъ старе, на образкахъ и героглифахъ, выкрутасахъ. Учены старались вынайти значкы на людскы звуки на “фонось,” голосоь. Отъ того походить “фонетика”.

Розумѣся, што каждый народъ инакше вымавлять слова и потому для каждого народа инакша фонетика.

Если мы трималися такъ этимологiи, то лемъ по той причинѣ, што она зближать насъ съ всѣмъ русскимъ народомъ. Мы видѣли, же всѣ русскы пишуть твердый знакъ на концѣ, писали и мы и боронили го. Мы почитали гдекотры буквы, яко святы, примѣромъ “ѣ,” “ъ,” хоць мы не знали, где ихъ класти, мы клали инде и великороссы инде и украинцы инде. Теперь такъ великороссы, якъ украинцы приняли свою фонетику, для насъ лемковъ совѣмъ неподходящу. Въ нашихъ школахъ, по галицкой странѣ учать украинскомъ фонетикомъ, надъ котромъ наши дѣти намучатся больше, якъ мы даколи надъ этимологіомъ, бо тота украинска фонетика для насъ этимологія.

Этимологія значить: Инакше пишь, а инакше читай, фонетика значить, пишь такъ, якъ читаешь, слышишь. Лемко выгварятъ инакше якъ украинець и онъ не може поняти той украинской фонетики. У украинця “вилы” и “выли” то одно слово, онъ тото однако выгварятъ и однако пише: “вилы”... Мимо того, што лемковъ учать украинской фонетики, они все своей лемковскомъ фонетикомъ пишуть. До редакциі “Лемка” приходитъ тысячи писемъ, всѣ они написаны фонетикомъ, зато ничъ, же есть “ѣ,” або “ъ,” они поставлены, особливо “ѣ” не по этимологичному, а по фонетичному. И коли втоды и у насъ дойде до фонетики, если мы будеме хотѣти заховатися яко русске племя, не дамеса ополачити, або ословачити.

Недавно писаль вь редакцію "Лемка" одинь изь передовыхъ нашихъ учителей на Лемковинѣ, што робити, пише, што лемковскы дѣти мука учити украинскомъ фонетикомъ. Наша рада така, штобы лемкы старалися о свои лемковскы учебники для русскихъ школь, бо ни пряшевска этимологія, ни украинска фонетика не народна, для нашого народа штучна, обѣ они для насъ этимологіи. Намъ треба мати свою фонетику, штобы сохранили себе. Почитаніе русской этимологіи мало для насъ такъ долго змысль, якъ долго той этимологіи держался весь рускій народъ. Теперь никто на Руси этимологіи не уживае, ци то правы ци лѣвы газеты, прешли на фонетику, одни на великорусску, други украинску и этимологія николи не верне, хоцбы мы якъ тримали, съ невыгодомъ для себе.

Мы чуеме тоту невыгоду безъ "е" и мусиме писати всяди "е". "Э" намъ совсѣмъ непотребне. Ммѣсто "ѣ" намъ старчить "і", прим. "діло," "дідо," "и" останеся, прим. "пйти", "ити", "миска" и останеся "ы", примѣромъ "рыба," "дыня", "волы", "кышеня," "кый," "мы", але "они". При украинской фонетикѣ мы мусиме чытати "оны," што выгядать и для насъ и для украинцевъ смѣшно, коли мы выгваряме по украинской фонетикѣ.

Нашы народны дописувателе помагають собѣ якъ можуть, але каждый изь нихъ мае свое правописаніе. А оно, кто хоче писати на народной бесѣдѣ, мусить писати и народномъ фонетикомъ. Того не треба боятися, што наша фонетика отдалилъ насъ отъ русского народа, бо якразъ теперь отдалять насъ этимологія, бо такъ великороссы якъ бѣлороссы и украинцы прогрессируютъ, просвѣщаются, мы стоиме на мѣстѣ.

На другомъ мѣстѣ есть подана повѣданка нашого краина лемка изь Колпмантъ, "Матвій Гробар", котрый пише лемковскомъ фонетикомъ. Ниже подаеме примѣръ Стефана Кичуры изь Детройта: "Злым за добре платят", а другій примѣръ Родного Лемка изь Торонто: "Чудо Карпатской Природы". Всѣ мы, котры пишеме на народной лемковской бесѣдѣ, пишеме фонетикомъ, лемъ-же безъ ніякихъ правилъ, якъ кто хоче. Ту, вь тыхъ двоухъ повѣданкахъ ужъ есть правила.

Злым за Добре Платят

(Народна Повіданка).

Ишол Дід з луга до дому
И нюс на плечах сіно, ци солому . . .
Тяжко йому было ити
И задумал даде отпочыти . . .
Старый он уж был
И дост работы вжыл!
Сіл собі на камін тай думае,
Чом то человек так марно жыти мае? . . .
И думка за думком надходит,
Аж слухат, а под каменем штоси кричат и заводит.
Дідо надставил уха и слухат,
А з под камня ищы голоснійше штоси стукат.
Взял Дід, тай камінь отвалил,
А з под камня страшный змій голову выставил
И так до Діда каже:
"О, тепер буде діло враже!
Ты мі помог, а я тя зім, бо так вышиткы ділают,
Злым за добре ся отплачают" . . .
Дідо ся нато розлостил,
Але почал просити и ся упросил,
Повідат: "Так не мож того брати,
Перше мусиме пред суд даякий стати . . .
И шли они, шли горами, лісами,
Полями, потоками и полянами,
Смотрят: недалеко-неблизко
Пасеся на поляні старый кониско . . .
Пришли, конь поднос главу,
Двигнул свою ногу куляву,
Посмотрил сліпым оком на Діда
И просится, яка го пригнала біда?

Дідо почал свою історію,
Як то он освободил з под каменя змію,
А она, вмiсто благодарности,
Хоче го зісти в злости:
И показал на змію, поклонился низко.
Покрутил головою старый кониско,
Роспмакался и рече:
“Не чудуйся тому, старый человек!
“Я ся дост наробил,
“Старался все, жебым газдови догодил,
“Захранял му от роботы быкы и коровы,
“Робил што сил, закля был молодой и здоровый . . .
“А на старость мя выдрылил гет из дому,
“Жалуе ми наручко соломы
“И теперъ в лісі здыхати мушу,
“Отдати волкам кости, а чортам душу . . .
“И тобі, Діду, треба знати,
“Што и ты марно мусишь погыбати . . .”
Дід гварит: — Таке право не признаю,
— Бо ніт адвоката и зато не принимаю!
И шли они дальше, вандрували
И старого пса в лісі привязаного надыбали,
А коли му оповіли свою справу,
Беззубый псиско двигнул голову кудряву
И гварит: “Так мусит быти,
“Бо світ привык злым за добре платити:
“Смот Діду на мене старого,
“Служыл я вірно газдови за жита мого,
“Стерег я його добро дома и в дорозі,
“Во зливу, в жару и на морозі,
“Закля мал нюх и мог ногами рушати,
“А зато на старость ту мушу здыхати . . .
“Таке на світі право, така привычка . . .
Але смотрит Дідо: Біжыт лисичка . . .
Така собі цікава, быстра, весела,
Видно, добри ся ей жыє, не едного звела.
Дід кричыт: — Почкай ле хвилину
— Сестричко-лисичко, мам для тя новину!
Лишка зараз стала,
Бо она до повин цікава

И Дідо зачал оповідати,
А лишка слухат и почынат думати,
А коли Дід скончыл, лишка каже:
“Я добри не зрозуміла ваше діло враже,
“Мусите ми показати як то было,
“Жебы ся ми в голові выяснило.
“Мы мусиме там назад вертати
“И вшытко на місці збадати,
“Бо лем так я могу в вашой справі вырок выдати.
И вернули назад, нашли діру,
Лишка ходит, обзерат, бере міру,,
Тай гварит до змія: “Не могу вірити,
“Штобы ты в таку дірку мог влізти и там сидіти!”
А змій гварит: “О, гей, я вам покажу!”
И вліз в свою діру змій вражий,
А лишка ся зрыхтувала
И скоро тым самым каменем діру заткала . . .
Выпростился зараз Дід згорблений,
Барз был рад, же от смерти был спасеный
И втішний на лишку кричыт,
Што собі за свою роботу жычыт?
А лишка гварит: “Не дуже и не мало,
Мішок кур, або свіже сало!”
Дідо рад, обіцял ей дати
И свято постановил слова дотримати
И до лишки гварит: “Прид вечером
И почкай на мене под Кычером,
А я тобі вынесу мішок с курами,
Зо заплатом не буде клопоту з нами” . . .
Лишка так ся утішыла,
Што перше от Діда в село прилетіла
И под Кычером стала
И думала, як буде куры оберала . . .
А Дідо до хыж пришол мішок напшол
И з мішком до царку зашол,
Тай куры до мішка ладує,
Кладе и кладе, ани не рахує.
Баба глуха и сліпа при пецу стояла
И зато долго не виділа и не слышала,
Але коли наконец увиділа,

Барз ся прешрашыла,
Тай кричыт и заводит,
Што тот старый бортачыско робит?
Дідо расповіл бабі, историю з лишком,
Же за ей добро обіцял заплатити кур мішком.
Але Баба ся з Діда высміяла
И Дідови зараз таку раду дала,
Жебы до мішка двох псов завязати
И яко подарунок лишкі отдати . . .
Дідо Бабы послушал,
Дуная и Заграя до мішка повпыхал,
Дал лишкі и наказал, жебы добри уважала
И аж за селом розвязала . . .
Лишка несла, несла, аж ся змучыла,
А коли уж была под лісом — присіла,
Ци дакого не видно, ся пообзерала,
Облизалася, же добру вечерю буде мала,
И мішок уважно розвязала . . .
А з мішка два псы выскочыли
И лишкі горло под'іли . . .
И лишка уж нікому не сказала,
Яку заплату за ей труд и помочь от Діда достала . . .

Стефанъ Кичура.

Чудо Карпатской Природы

(Поезия в прозі)

Літом спал я в шопі на сіні. Час был повесенний, я мал ити чым ден до ліса. Встал я рано, вышол на двор. Было ищы совсім темно . . . Ночный приморозок щыпал мене в босы ногы . . . Я пустился до хыжы, штобы взяти топор и приготовену мериндю. Двери заскрипіли. От того скрипу обудился когут и заспівал, обудил дитину. Дитина заплакала в колыскі, мама во сні, заколысала, дитина утихла.

Я потихы выбрал сокыру зо засокырника, взял зо стола мериндю и вышол на пальцях на двор.

На землі лежала густа мгла. Видно, звонярь стал разом зо мною, бо по селі росходился глухий гул звона. От ранной студени я зробился легкий и почал скоро минати углы хыж.

Вышол я за село, на узку стежку. На траві была сильна, густа, морозна роса. Я подкотил порткы, штобы не залюпати и почал вспинатися в гору найблишчыма стежками, межами и прилісками. Почынало світати, коли я подходил к найвышшому верху горы. Стал на хвильку отдохнути. Предомном розвернулися лугы, покриты якбы мягким сивым мохом. Тишына была велика, лем серны и заяцы перебігали помеже деревами и запричыняли легкой шелест . . . Я ступил на самый верх горы и оглянулся . . . Под моима ногами ростянулося величезне, волнисте море, котре звольна хвіялося. Море из мглы. Понад мглу был чыстый, свіжий воздух. Из моря мглы выставали, як вульканічны островы, меншы и векшы кудерявы вершкы гор. За хвилину од востднього горизонта почали пребиватися через мглу, изза дальней горы, солнечны прамена. Ищы за хвилину, з пушистых перин мглы, выкотило свою голову ясне солнце и чудно освітило мглисте море. Солнце подносилося все выше и выше, а мгла сідала ниже и ниже. Мі здавалося, што не мгла осідат, а што всі горы роснут из безконечной глубины...

Солнце почало все ліпше грѣти, гмла осіла понад рікы и потоки. Предомном открылися просторы Лемковины. Было так далеко видно, здавалося мі, што вижу цілый свой дорогий край, всі нашы, притулены до Карпат земковскы села, межи синіма горами. Не было видно лем той границі, котром тоты села розрізани, на "угорскы" и "галицкы". Всі они были еднакы.

Близко мене на буку закувала зазуля, пташкы почали свою небесну музыку. Понад мене взнюсю вгору карпатский орел. Из сел роздался гул звонков и телепачов, прерывали тоту музыку выстрѣлы из пастушых бичов. Ниже мене загукала здоровым голосом губарка, ей голос отбился от верха до верха. Настал прекрасный, повесенний день. Люде в селах ожыли, высыпалися из своих хыж, в котрых остали лем газдыні варити сніданя. Дым из коминов шол просто вгору.

Я очкнулся, як бы из сна, от того очаровательного вида карпатской природы, котра так прекрасна, чудна, а так сурова для нашего народа. Взбудилося во мні безграничне чувство любви к нашим горам и к нашему поневоленому народу. Жаль мя стиснул за сердце, што народ, среди такой прекрасной природы, приваленый так тяжкым жытьом. Почул я желізну руку, котра тисне грудь и душу народа. А народ не видит, кто его тисне. В своей дитинячой наивности думат, што причина его біды, то его сусід, такый сам бідный селянин.

Науки и селянского союза треба Тобі, бідный народе, а все проче само приде.

З тяжкими думами и жалем шол я в гуц, на мѣсце работы . . . Але як тото солнце розогнало гмлу, так ясна надія и віра в свободу и ліпшу будучность нашего народа розвіяла мои черны думы . . .

Родный Лемко.

Ванцьо Дзядикъ

Котрый изъ сознательныхъ лемковъ не радъ изъ того, што нашъ Ванцьо Дзядик, сынъ нашего края, Василя Дзядика, изъ Фльоринкы, добился чемпионства свѣта? Думамъ, што каждый радъ.

Чемпионъ свѣта изъ Фльоринкы, изъ славной Фльоринкы, где почалася наша лемковска, карпаторусска исторія послѣ войны.

Не всѣ сте были въ Фльошинкѣ, а ищы меньше насъ было на славномъ вѣчѣ, котре отбылося при концѣ 1918 року, на котромъ то вѣчѣ собралося тысячи нашихъ лемковъ изъ галицкой стороны, пришла на то вѣче и делегация изъ угорской стороны, были молоды Бескиды. Розмайтѣ там судили, предлагали наши стары, ветераны патриоты: "Не признаеме польской власти надъ нами! Каждая нядь русской земли къ Россіи! Всѣ присоединяемея до Россіи!"

Кричали такъ, бо могли втоды кричати, славны точки президента Вильсона дозволяли "опредѣлятися" . . .

"Кто где хоче, може належати, або самостоятельну республику объявити. Таке право! И мы маме таке право! — кричали адвокаты, священники, учителя . . ."

JOHNNY JADICK

**Junior Welterweight
Champion of the World.**

Коли мы такъ кричали “на вѣчу,” други робили ужъ, мѣряли границы, высылали отдѣлы войска на тоты вытыченны, своими народными организаціями, границы. Мы ніякой организаціи не мали. Даже ніякой мапы, жебы зме видѣли, откаль докаль мае быти тото “присоединеніе”. — Галичина до Россіи! кричали.

Не могли наши патріоты похпатити того, што лемкы безъ своего соединенія не можуть быти нигде присоединены, яко народна группа, яко часть русского народа, што гдебы они не были присоединены, то должны быти присоединены разомъ, такъ галицка, якъ и угорска часть. Роздѣлены на “галицку” и “угорску” они присуждены на народну смерть.

При концѣ того вѣча была предложена мною резолюція, въ тымъ смыслѣ, што такъ “галицка” часть русской земли на западъ отъ Сяна, якъ и “угорска” на западъ отъ Ужа, становять одну, нероздѣлну національно и географично часть, и перше наше условіе, то соединеніе политичне той части, устраненіе панской, мадьярско-польской границы съ помежъ насъ. И тамъ была принята ухвала нашей лемковской нероздѣльности политичной. Изъ того я памятамъ Фльоринку, она все, якъ и тото постановленіе, остане въ памяти.

Въ той Фльоринкѣ родился и отецъ нашего чемпіона, Василій Дзядикъ и якъ и други наши молоды лемкы въ тотъ часъ, переважно тоты, котрыхъ было дома больше, выѣхалъ въ Америку. И якъ многи изъ насъ, тяжко робилъ Василій Дзядикъ и розмайтѣ ему велося, якъ робочому, мимо его природной, врожденной интеллигенціи и розумѣнія свѣта. Былъ и въ Когусъ и въ Монреалѣ и при “твердомъ углю” и въ Филадельфії и зновъ въ другой странѣ и зновъ въ Филадельфії, въ котрой ужъ осѣлся, што ужъ остане, най буде, што буде . . .

А ту новый ударъ, нове несчастье. Умерать ему жена, а мати дробнымъ 6 дѣтямъ. Нашъ чемпіонъ былъ при смерти матери 11 лѣтнимъ хлопцемъ.

Василій Дзядикъ былъ ищи молодой мужчина, могъ оженитися, але боялся кривду дѣтямъ зробити, бо знате, якъ то ужъ друга мати относится до дѣтей, а Василій любилъ свои дѣточки. И такъ, посвятился дѣтямъ. Мимо всѣхъ стараній и отцовской любви, тота любовь отцовска не може заступити дѣтямъ материнской любви, а кромѣ того

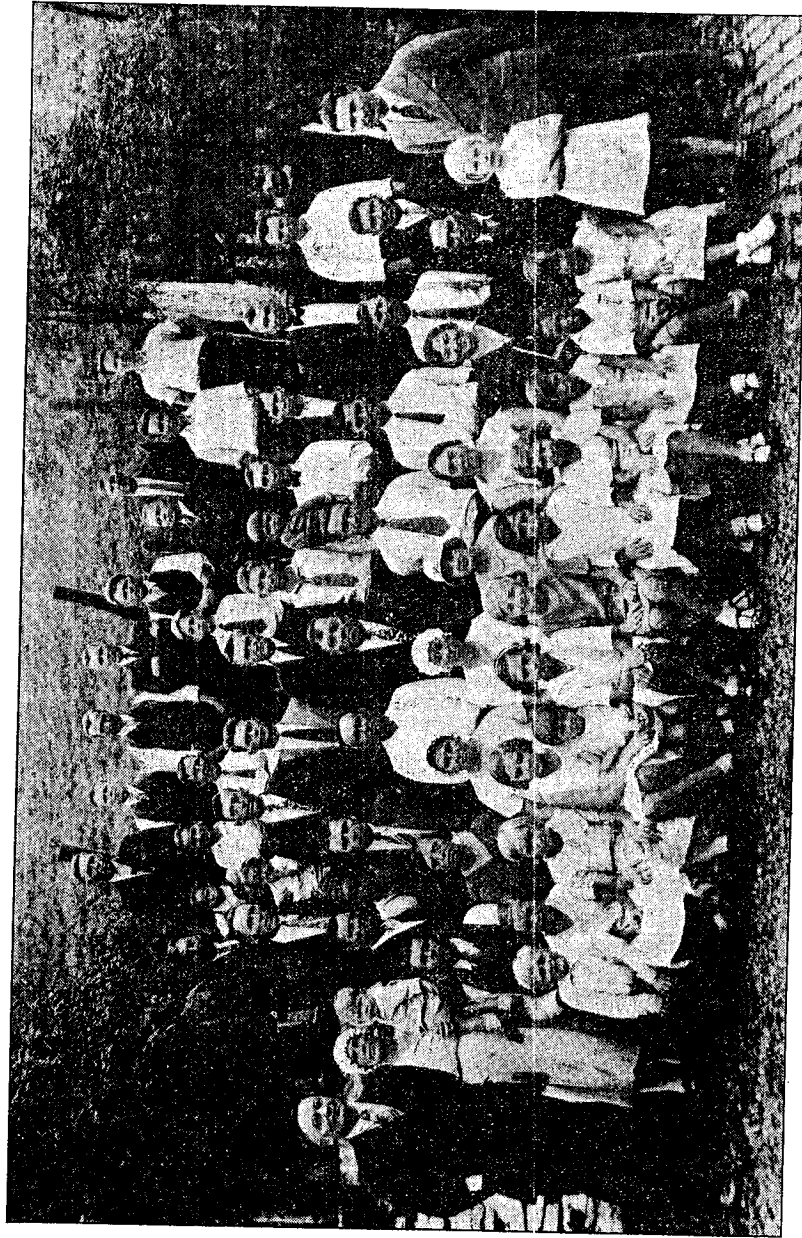
нашъ Василій долженъ былъ днями робити, лемъ што вечера могъ посвятити дѣточкамъ.

Слава Богу, што дѣти выкаралися и подалися на родичей и завчасу почали старатися сами о себе. Найстаршій Кондратъ вступилъ въ полицію въ Филадельфії, Михаилъ въ бизнесъ, Софія выдана, молодши кончатъ школы.

Середуцій, Ванцьо, ужъ отъ маленкости малъ потягъ до бокса. Видно, же ужъ за хлопця мусѣлъ отбиватися неразъ отъ злыхъ хлопчисковъ и не одному носъ розбилъ. Хоць на око не уходилъ за такого файтера, але у насъ лемковъ такъ бывать, што на око слабы люде, якразъ мощны, зграбны, звинны, а коли межи нами выйде хлописко великій, грубый, тяжкій, то го и баба набѣе. Такъ у насъ бывать, бо тяжкій чловекъ въ горы не суцій, ни до лѣса, ни на боиско, ни до косы. Коли Ванцьо малъ 15 лѣтъ, ужъ хотѣлъ помочи отцу, але где тамъ! Не могъ найти работы. Молодой и никлый на око. Ничъ не остало лемъ “файтъ.” Явился до промотеровъ, але тоты посмотрѣли на него и покрутили головами. Гварятъ, жебы го потѣшити, жебы пришоль за рокъ. Але Ванцьо не тратилъ духа. Разъ чулъ въ собѣ тоту жилку спортову, файтерску и пропало. Коли ужъ не дають ченчу, жебы данто заробити, то и такъ покажу, што я могу, яко аматоръ. И цѣлый рокъ выступалъ, яко любитель. За тотъ первый, аматорскій рокъ, Ванцьо встрѣтился съ 66 противниками и побѣдилъ 59 изъ нихъ. Послѣ того аматорского року, Ванцьо вернулъ до “профессорову” бокса. И хоць его никла постава ся имъ и теперъ не барзъ подабала, але коли лѣкаръ его обозрѣлъ, повѣдатъ, же въ томъ хлопчиску штоси есть, чого нѣтъ въ другихъ.

Коли Ванцьо почалъ, яко профессиональный файтеръ, малъ 16 лѣтъ и 96 фунтовъ ваги. Отъ того часу нашъ лемко почалъ ити вверхъ непрестанно. На 130 профессиональныхъ файтовъ, стратилъ вшиткого 12. Отъ ніякого файтера, своей ваги, николи не отказался, съ каждымъ все готовъ былъ стати до бою. Котрый изъ нихъ чулся покривденный, Ванцьо охотно давалъ ему реванжъ.

Такъ Ванцьо дошоль ажъ до Канзонери, о котрымъ говорила ужъ вся спортова Америка. При первой встрѣчѣ въ январѣ, 1932, скромный лемко вычесалъ гордого на свою славу, силу и подвойне чемпіонство талияна. Канзонери це

Отдѣлъ Л. С. ч. 17 въ Канамѣ, Па. . Фотографія снята на пикникъ Л. С. 28-го августа, 1932.

зналъ, не розумѣлъ, якъ то могло статися, што лемъ припадково могло ся такє стати. Ванцьо, якъ каждому, такъ и Канзонерому, далъ реванжъ. Другій файтъ отбылся въ юлѣ, 1932. Канзонери такъ метался, што ажъ выпалъ за рингъ. Ванцьо зимно, обраховано, певно себе, танцувалъ коло възбѣшеного таліяна, якъ веретено, якъ повѣдать Шкимба и осыпувалъ свого противника градомъ ударовъ. Таліянь видѣлъ, што то ужъ не припадокъ, а лѣпшій борець.

Трудно встрѣтити такихъ боксеровъ, якъ нашъ Ванцьо. Есть люде, што не признають такого спорта, якъ боксъ. Бесѣдуютъ, же то загрубый, нелюдксий спортъ, коли одинъ другого окладає пястями. Но такого боксера, якъ Ванцьо Дзядикъ, не можна обвиняти въ нелюдскости. Если бы всѣ такъ боксовали, якъ нашъ чемпионъ, то николи нѣякого несчестья, смертельной образы при боксѣ не было бы. Ванцьо Дзядикъ чудо зграбности, гибкости, оріентаціи, притомности духа.

Ванцьо Дзядикъ, якъ вѣдомо, отнялъ Канзонерому корону “Джюніоръ Велтервайтъ” чемпиона и тоту корону не далъ собѣ отняти въ другомъ бою. Если судити по его талантѣ, то онъ при той коронѣ не остане, а пойде выше. Здаєся Ванцьо буде старатися прибрати на вазѣ и сягне съ часомъ за велтервайтъ чемпионатъ.

Тотъ чемпионатъ ужъ малъ разъ лемко изъ угорской стороны, боксеръ Лацо. Есть и больше нашихъ лемковъ въ американскомъ спортѣ и урядахъ, но они удаляються отъ своихъ людей.

Значеніе Дзядика для насъ въ томъ, што онъ нашъ душомъ и тѣломъ, онъ чує себе лемковскомъ дитиномъ. А то заслуга въ первой мѣрѣ его отца, Василя Дзядика, сознательного русского, сознательного карпаторосса, бо- сознательного лемка. Лемъ тотъ лемко, котрый признаєся и дорожитъ своимъ найблишомъ родиномъ, Лемковиномъ, сознательный русский. Коли чуєте дакого говорити:

“Я не лемко, але “русскій” — то знайте, што то не сознательный лемко, а тѣмъ самымъ несознательный русский. Дзядики, такъ отецъ якъ и сынъ, наши, отъ души и крови, они не отступятъ николи отъ своего народа. Молодой Дзядикъ, нашъ чемпионъ свѣта, то якъ теплый лучъ солнца, въ наше замерзле, лемковске окенце.

Ваньо Гунянка.

Россія Преображуеся

Россія преображуеся на нашихъ очахъ. Изъ наибольшей, старосистемной, земледѣльской державы, преображуеся на державу земледѣльско-индустріальну. Преображуеся съ великими жертвами, бо тото преображеніе наступило революційно, скоро, за всяку цѣну. Тото видиме преображеніе, якъ будова фабрикъ, організація великихъ совхозовъ, колхозовъ, то другостепенне преображеніе, а первостепенне преображеніе, то преображеніе самого русского народа.

Хотя бы побудовали большевики всѣ фабрики, яки мають въ планѣ, то корысти изъ того не было бы ніякой, на противъ, была бы лемъ шкода, была бы громадн надлюдска работа, велики жертвы, пришоль бы упадокъ краю. Потому то такъ недовѣрчиво смотрѣль свѣтъ на тоту огромну будову въ Россіи, на т. з. пятилѣтку. Говорили западны философы:

— Тота большевица будова, то такъ, якъ будова египетскихъ пирамидъ, ніякого толку изъ тѣхъ фабрикъ, электрическихъ станцій не буде. А не буде потому, бо не буде кому въ нихъ робити . . .” Сто лѣтъ выховували Англія, Германія, Америка свои націи въ индустріальной школѣ, въ фабрикахъ и заводахъ, при машинахъ, зачѣмъ дошли до того степени индустріального розвита. А ту безумны большевики хотять ихъ догнати и перегнати за двѣ пятилѣтки.

И потому тота перша пятилѣтка въ першихъ рокахъ была смѣшна свѣтовымъ знатокамъ индустріи, мимо того, што за першій и другій рокъ она была выполнена по программамъ тѣхъ першихъ лѣтъ, въ декотрыхъ родахъ промышленности пошла далеко впередъ отъ плану. Не вѣрили.

А теперь, въ 4 року, при концѣ пятилѣтки? Видять всѣ, што продукція отстала отъ плану. Мали бы кричати о крахѣ пятилѣтки, о крахѣ всѣхъ плановъ. А однако не лемъ не кричатъ, але починають вѣрити ужъ не лемъ въ выполненіе первой, але и другой пятилѣтки, котрой початокъ выполненія мае початися съ початкомъ 1933.

Але тото ищи ничего, што планова продукція остала, а больше значеніе мае якъ поступать народъ, ци онъ самъ способный преобразитися въ такъ короткомъ часѣ изъ народа земледѣльского, въ народъ индустіальный.

И именно, тота перша пятилѣтка доказала способности, интеллигенцію русского народа.

Фабрики, заводы, то дѣла архитекторовъ, инженеровъ и простыхъ робочихъ рукъ людскихъ. Але для продукціи товаровъ въ тыхъ фабрикахъ треба ужъ великой массы способныхъ, розумѣющихъ свое дѣло робочихъ. Въ Россіи тыхъ робочихъ не было. До фабрикъ, для деликатной работы, брали народъ изъ заосталого русского села, просто отъ плуга и цѣпа. Шкрябалися по головахъ механики, много изъ нихъ американцевъ, въ такихъ современныхъ тракторныхъ заводахъ, якъ Сталинградскій, Харьковскій, або автозаводахъ, въ Москвѣ, Нижнемъ Новгородѣ. Што ту робити? Мы въ Америкѣ знаме, што значить новый, першій разъ появившійся въ фабрикѣ робочій, котрый ищи не видѣль такой работы. Сколько онъ разъ “гелла” достане, а и товариши смѣются зъ него. А тамъ дали на фабрику правѣ всѣхъ новыхъ и пару инструкторовъ. Не разъ поламалося!

Вшитко поламають и и ничъ съ того не буде! — говорили въ Америкѣ . . .

— Не можна превернути земледѣльца въ механика за пару мѣсяцевъ — говорили певны себе англичане. Нѣмцы, котры ани не припускали николи, жебы изъ русского челоука могло дашто быти, кромѣ ихъ будущего раба, челокали лемъ, коли то ужъ разъ конецъ тому эксперименту большевиковъ приде и коли отдадутъ всѣ заводы и всю Россію имъ. А оно, на чудо, пару мѣсяцевъ дашто зламали, а по пару мѣсяцахъ выпускають все больше и больше тракторовъ, автомобилейъ, аероплановъ, комбайновъ, доходятъ до плана и идуть, якъ и други. Не треба было 100 лѣтъ. Тотъ русскій, медведюватый мужикъ, за пару мѣсяцевъ знае машину лѣпше отъ американского ци нѣмецкого механика. Бо иначе невозможно, жебы оно шло. А оно иде. Иде такъ, што Россія стоитъ на другомъ мѣстѣ въ выробѣ тракторовъ и аероплановъ. Дашто поламали, то правда, але безъ того нѣтъ науки.

Американскій корреспондентъ пише своей газетѣ, што русскій народъ найинтеллигентнѣйшій народъ въ свѣтѣ. Онъ дознался о томъ тамъ, послѣ парунадцеть лѣтъ житя въ Россіи. Того не зналъ западъ, того не знали западны философы и индустріялисты. Теперь открыли тото способнѣйши американски ижинеры. Западъ недовѣрятъ, же якъ то може быти, коли русска "интеллигенція" ту, съ ними. Ба, тота русска "интеллигенція" тоже не знала своего народа, не вѣрила, ци онъ може дашто.

Зналъ его интеллигенцію Ленинъ. Онъ зналъ, до чого тотъ народъ способный.

Англійскій, міровой славы писатель, Гербертъ Веллсъ, отвидѣлъ Россію въ часъ розрухи. Отвидѣлъ и Ленина. Коли Ленинъ представилъ въ короткости планъ эликтификации Россіи, Веллсъ заявилъ, што онъ не розумѣе, якъ при такой розрухѣ, при такомъ народѣ, можна робити фантастичны планы эликтификации. Онъ не розумѣе, якъ можна говорити о "Волховстроѣ." (Перва электростанція послѣ революціи, збудована при Ленинѣ). "Волховстрой" показался Веллсу фантазіей. Розумѣеся, Днѣпрострой, еце больша фантазія. Ленинъ тогда заявилъ Веллсу: "Вамъ еце много непонятно изъ нашей дѣйствительности и плановъ . . ."

И многимъ многое на западѣ было непонятно, а найбільше непонятенъ всѣмъ русскій человекъ, тотъ простый рабочий и селянинъ, котрый теперь массово преображаеся изъ заотсталого земледѣльца плугатара, въ интеллигентного индустріяльного рабочего и изъ поневоленого темного раба, непонявшей его дворянской и поповской касты, въ учителя свѣта. Преображаеся на нашихъ очахъ. Тото преображеніе русского народа поступае скоро. И въ томъ преображеніи показуеся сила пятилѣтки, а не въ процентахъ продукціи фабрикъ.

Карпаторусскій Панъ

Юркови и Гафиі Полудамъ, родилася пята дитина, сынокъ такой якъ малюваный. Теперь Полуды, такі собѣ средни газдове, мали 3 дѣвчата и 2 сынковъ. Старшого сынка рыхтували оженити на своемъ газдовствѣ, 2 дѣвки выслати до Америки, а наймолодшого на пана.

Бо то, знате, ужъ за маленкости ся вамъ тота дитина выкарала лемъ на пана. Достъ ся му навывберали именъ до кресту, якъ бы го назвати, жебы ся потомъ не встыдало за свое имено:

— Дайме му Юрко, якъ и няньови — радила една кума...

— Ей, идте-же идте — рекла Параска. — Юрко то хлопске имено.

— Та може Янко?

— Та де застъ Янко? Та тыхъ Янковъ ужъ тельо, што хоць плоты нима городити! И тотъ глупый Янко и Күлявый Янко и слѣпому Янко имено!

— Та дайме Беля, бо и нашому учительови Беля и нотарови Беля и орсацкому Беля.

— Ей, Беля не гардѣ! Най они собѣ будутъ и Белі, але мы не давайме Беля . . .

— А якъ нашому пану превелебному на имено?

— Емилианъ

— О, видите! То панске имено! Емилианъ му дайме. Буде Емилианъ, а за маленка будеме го кликати Мильцю.

Панъ превелебный не барзь ся годили, жебы дати Милько, бо разъ съ календаромъ ся не сходило, а по друге имъ прикро было, же буде въ селѣ ищы еденъ Милько и то хлопскій сынъ. Але дали, бо кумове и кумы приперли. И росъ Милько на чудо деликатный. Кто на него посмотрилъ, то ся не встрималъ, жебы не повѣсти:

— Таякъ панска дитина . . .

Та бо и иначе го уберали, якъ другы дѣти: Майточкы,

съ котрыхъ все зо заду стырчала кошеля, якъ у паничовъ, або жидять и соломяный капелюшыкъ все на лѣто, а на зиму шапочка така, якоу у никого не было. Така съ кутасомъ на задѣ.

Ищы Милько не бесѣдувалъ, а ужъ розумѣлъ, што онъ штоси екстра, што онъ мае привилегію предъ вшиткыма дома и межы дѣтми. Каждая жена хотѣла го побавити, каждый хлопъ гусьнути въ гору, каждый му данто принюсъ, або хоць носъ вытеръ, або кошельку за майткы запхалъ. А мама! Все што лѣпше Милькови. Други дѣтиска о будучѣмъ можуть обыйтися, они не такы деликатны, а Милько мусить мати. И плекала го цѣлы два рокы и здаеся ищы бы плекала, жебы не новый гость. И такъ Милько былъ все першій.

И ховался Милько, червенѣйшій, папулятшій, якъ другы. Пришолъ часъ до школы. Няньо привюзь такы шаты зъ мѣста, якы никто въ селѣ не малъ и новы книжки, што панъ учитель казали. Не барзъ Милько учился, але учитель все малъ звагу, бо зналъ, же Юрко рыхтувалъ до высокыхъ нколъ, та кто то може знати, ци даякій инспекторъ не выйде, або Орсакій, хоць Гафія все, жебы лемъ панъ превелебный. Але кто знае, што въ Мильковой головѣ сяде. Старался панъ учитель, жебы лемъ по мадыарски даякъ научился выгваряти, хоць самъ неборакъ до смерти ся не могъ научити.

Коли Милько походилъ до сельской школы, одвезли го до Пряшова до школы и дали го до одной вдовы, што ей небощикъ мужъ былъ якисымъ паномъ въ судѣ. Юрко просилъ, жебы му дала кусъ лѣпшой оглады, жебы не было познати такъ, же съ хлопского роду, а онъ ей отвдичить.

И за пару часъ Милько набралъ такой оглады, што коли няньо и мама привозили для вдовы масло, сыръ, тай гроши, Милько все позднѣйше приходилъ, жебы не треба было на мѣсто съ нянями ити. Правѣ захватилъ Юрка, коли ужъ треба было ѣхати до дому, жебы даяку пятку достати. Лемъ вырахувалъ: “На тото мѣ треба, на тото и на тото, то разомъ зробить тельо.” Коли Юрко не малъ тельо, то мама вывязала зо шматкы, все деси мала.

Поповиче и другы паниче сторонили съ початку отъ Милька, коли довѣдалися, што онъ хлопскій сынъ. Але Милько зналъ зламат и ихъ неприязнь: Котрому купилъ

пляцка, котрому отрепалъ шаты, котрому позычилъ шустку и паниче почали относится до него ласкаво. А разъ Милько ужъ такой ласкы достигилъ, то старался не выйти изъ ней и все былъ на услугахъ.

Лемъ едно барзъ грызло Милька, а то тото, што ся звалъ Полуда. Тото не лемъ доказувало его хлопство, але руснацтво. И почалъ Милько думати, якбы то тото стерти. Такъ поверха совсѣмъ сте не познали, ци онъ хлопского роду ци панского, ци русского ци мадыарского, але якъ ся звѣдали:

— Якъ ся называшъ?

— Полуда . . . Ажъ ся Милько почервенѣлъ. Тото го грызло, такъ грызло, што ани спати не могъ. Бо лемъ собѣ подумайте: Фишкалош- Полуда, або нотаръ Полуда, панъ превелебный Полуда.. Гдежъ то пасуе?

И думалъ Милько, якъ бы то такъ змѣнити, жебы не было по хлопскы и по русскы. И придумалъ: “Polodany” . . . Ажъ ся втѣшилъ якъ то файно выходитъ! Полодани, Вали, Мигали, Коротноки, Телеки, Молчани, Апоѣи . . . Чисто панске, мадыарске: “Полодани” . . .

И заразь такой въ школѣ почалъ такъ подписуватися. Профессоре гварять: “Якъ то ты Полудо такъ подписуешся? — Бо, гварить, такъ мае быти справедливо по мадыарскы!

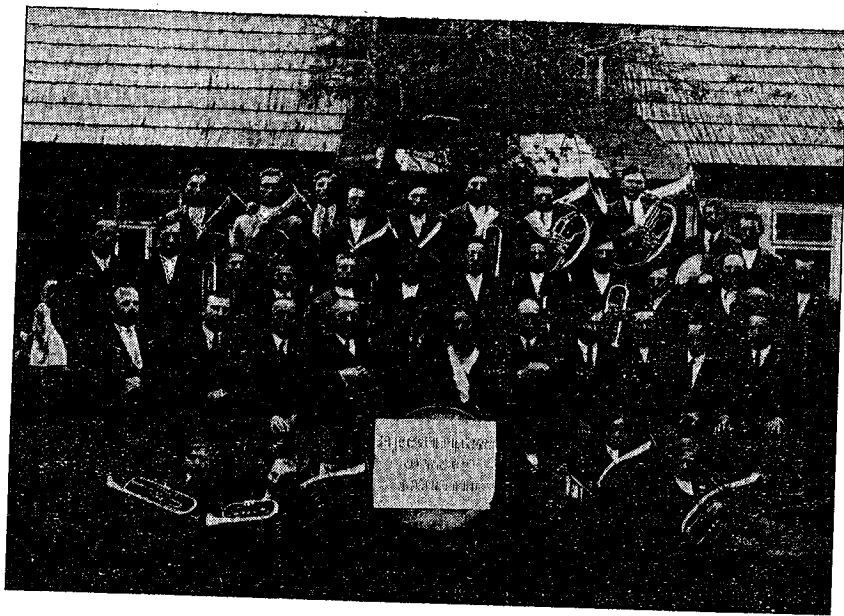
Замовкли профессоре,, а еденъ, котрый училъ историю, ажи го похвалилъ и вшиткы го записали “Полодани” и ласкавымъ окомъ на него всѣ смотрѣли. Подъ томъ новомъ фирмомъ ужъ нашому Милькови Полудѣ легко пришло добитися панства. А и языкъ выламалъ такъ, што лемъ коренный мадыаръ могъ познати, што тотъ Полодани не зъ мадыарского роду.

Скончилася власть мадыарскихъ пановъ въ Карпатской Руси. Нашого пана застали чешкы панове въ урядѣ. “Што ту робити?” — думать нашъ Милько. “Кто то може знати, якъ долго засъ чехы будутъ? Ци остати “Полодани,” ци змѣнити на “Полуданичъ?” “Полуданичъ” могло бы быти и чешске, якъ бы чехы остали, а могло бы быти и русске, якъ бы такъ автономію дали. Ищы Полодани не змѣнилъ, бо ищы все не знати, ци мадыаре не вернутъ, але думать надъ тымъ и тото го грызе.

О Юрку Полудѣ и Гафіи Полудѣ нашъ “карпаторусскій”

пань совѣмъ забыль. Отъ коли сталъ Полодани, своего села ищы не видѣль. Найбарже боится того, жебы даяка стара нонашка не назвала го Милькомъ Полудомъ.

Нашъ Полуда и “русскій” часомъ, стоитъ за “русскій восточный обрядъ,” за “автохтоновъ.” Такихъ пановъ Полудовъ въ нашей Карпатской Руси есть достъ. Они премѣнили свои имена изъ Полудовъ въ Полоданихъ, але они о стали Полудами на очахъ нашего карпаторусского народа.

Оркестръ читальни им. Качковско, въ Крыницѣ.

Безработя

Нова цивилизація, техника, машины, электричество, принесли зо собомъ выгиднѣйше житя, але принесли и велику хоробу — безработя. Около 50 миллионовъ людей въ цивилизованомъ свѣтѣ терпятъ на тоту хоробу сегодня, а по правы не видно, мимо всѣхъ старомодныхъ лѣкарствъ против той хоробы.

Лидеры державъ потѣшаютъ гражданъ, што депрессія ми не, якъ минуло ужъ много депрессій и кризисовъ въ прошлом. Якисый и ученый историкъ нашолся, котрый нашолъ въ старой египетской исторіи, што кризисы были отъ коли свѣтъ насталь. Вшитко то потѣшаня, бо такого кризиса якъ теперь, въ свѣтѣ николи быти не могло. Могъ быти голодъ, по причинѣ засухи, наводненія, неурожая, але не могло быти голода по причинѣ великого урожая. Разница межи старыми и новыми часами именно тота, што въ старыхъ часахъ запричиняль кризисъ упадокъ продукціи — въ новыхъ, запричиняють кризисъ, безработя, голодъ — ростъ продукціи.

Коли въ старыхъ часахъ зародило панамъ, въ котрыхъ рукахъ была земля, то малъ ѣсти и рабъ. Теперь, въ часѣ свободы, демократіи, уродить “пану,” а у “демократа” нѣтъ што ѣсти, бо панъ повѣсть: “Я тобѣ не дамъ, бо ты маешь свободу быти такимъ паномъ якъ и я и то бы было лемъ пониженіе для твоей чести, жебы ты бралъ отъ мене задармо. То лемъ жебранина.”

И панъ мае правду, што то велике пониженіе для здравого человекъ стояти въ “зуплайнѣ.” Пониженіе не лемъ для того человекъ, котрый стоитъ въ той “лайнѣ,” пониженіе для “демократіи,” для державы и для человекъства вообще. Тѣмъ больше то понижающе, што въ тоту “зуплайну” стають сегодня найчестнѣйши люди, найчестнѣйши труженники-робочи, котрымъ честь, добродушіе, не позволяло прихватити побольше, занятыя такимъ ремесломъ,

дѣломъ— злодѣйствомъ, ошуканствомъ, котре бы имъ принесло запасы на случай безработя. Въ той ланѣ нашлося и много такихъ, котрымъ забрали ихъ ошадности компани, банки и т. д., люде честны, працовиты. Нагналь ихъ тамъ кризись, безработя.

Розлука межи старымъ кризисомъ, голодомъ, а новымъ кризисомъ и голодомъ така, што кризись, голодъ въ старыхъ часахъ запричиняла природа, котрой человекъ не могъ контролювати. Человекъ не въ силѣ былъ отвернути посухи, граду, наводненія.

Сегодняшній кризись и голодъ запричиняють сами люде, черезъ безконтрольну продукцію и роздѣль. А человекъ тоту контроль перевести може, то въ его силахъ, якъ въ его силахъ сама продукція.

Цѣла ненормальность въ томъ, што новы методы продукціи переросли стары законы и конституціи народовъ.

Мы подобны въ 20 вѣкѣ до найлѣпшой французской кухарки, котра наварила розмаитыхъ присмаковъ, але сама ѣсти не може, бо ей жолудокъ не травить и умерать зъ голоду.

Каждому должно быти ясно, што такой человекъ, котрый сидить при обильномъ столѣ, а умирае отъ голода, человекъ хорый, або ненормальный.

Такимъ обильнымъ столомъ для американского народа найбогатша во свѣтѣ Америка, а при томъ столѣ голодають найлѣпши, найвѣрнѣйши, найчестнѣйши американски граждане, котры посвятили для богатства той Америки свои молоды силы. Даже тоты герои Америки 1917—18 року примерають голодомъ. Ци есть въ силѣ человекъ усунути тоту ненатуральность житя? Розумѣся. Усунути тоту несправедливость можуть законодатели.

Проповѣдувати людямъ, што тота депрессія, безработя походятъ отъ Бога, якъ проповѣдують “служители бога,” то насмѣшка надъ Богомъ и людами, то затемненіе народа. Бо далеко лекше роздѣлити, коли есть чѣмъ дѣлити, якъ выпродукувати, наробити. И если человекъ потрафилъ выпродукувати такую массу черезъ удосконаленіе машинъ, то онъ може найти и лѣпшій способъ роздѣла продукціи. А если дотеперь того способу роздѣла не нашли, то лемъ зато, же есть много людей пажерныхъ, “шарковъ,” по русски

“акуль,” пажерныхъ рыбъ-людоедовъ, котры захватили за много людского добра и справедливого подѣлу не хотятъ. Черезъ свой капиталъ, богатство, они держатъ подъ своей контролей законодателей, такъ што змѣны законовъ не допускають.

Намъ выпало жити въ томъ періодѣ, коли робочи борются за справедливы права. Якъ долго тота борьба буде вестися, трудно предповѣсти, однако она мусить кончитися побѣдомъ робочихъ, або упадкомъ цивилизаціи и человечества. Въ декотрыхъ краяхъ дойде до кровавыхъ революцій, въ другихъ черезъ уступки, черезъ эволюцію, законодательства, державну контроль и т. д. Коли послѣ того періода борьбы житя установится, то оно буде далеко лекше, якъ оно теперь. Законы, державна контроля, подѣлитъ людску роботу и продукцію той работы.

Люде будутъ робити меньше годинъ, меньше дней. Тоты, што будутъ робити лекшу работу, будутъ робити долшій часъ, котры будутъ робити тяжше, коротшій часъ.

Предъ молодежью будутъ открыты школы и каждый буде обязанный кончити высшу науку такую, до какой покаже способности въ нисшихъ школахъ. Работа буде обязувати каждого отъ 20 року житя до якого 40 року житя, потомъ работа для общества не обовязуе, кто выробить свой часъ, отслужить для державы, достае отъ державы пенсію до конца житя.

Чомъ не може быти каждый человекъ, гражданинъ, урядникомъ? Мы въ старомъ краю завидовали урядникамъ державнымъ, што имъ добри поводится, жиють собѣ спокойно, достають свою плацу отъ державы, коли выслужатъ означеный часъ, достають пенсію ажъ до смерти. Чомъ собѣ не могутъ люде устроити такую державу, где бы всѣ были такими урядниками той державы? Могутъ собѣ устроити и устроить таки державы въ будучности, а то потому, што больше такихъ есть, котры бы хотѣли быти такими державными урядниками. Меншинство мусить коли втоды уступить. Тото меншинство уператся за свою “свободу,” котрой уживать коштомъ большинства. А такой свободы при теперешней техникѣ, машинѣ, быти не може. Въ машиновомъ вѣкѣ и держава, устройство свѣта, мусить быти подобне машинѣ. Машина вамъ не пиде, або не зробить свое дѣло,

коли каждая частичка той машины не на своемъ мѣстѣ. И тоты части машины не можуть быти люзомъ, але мусить каждая фитувати и быти прикручена, якъ мае быти, бо машина иначе поламеся.

Не можна гнати машину паромъ, коли она приспособлена для електрики. Не можна управляти державы римскими законами въ вѣкѣ электрической машинеріи, бо то не житя, лемъ мученіе — тото житя поламеся.

Але коли человекъ зналъ сотворити тоту машинерію, онъ научится и жити при ней, онъ найде и законы, котры будутъ контроловати тоту машинерію, онъ найде лѣкарство на безроботя.

Въ будущемъ новомъ свѣтѣ — житя буде лекше, беспечнѣйше, яснѣйше.

НОВА НАРОДНА ШКОЛА
въ Ропкахъ, горлицкого повѣта.

Безъ Материнской Любви

(Нѣтъ сомнѣнія, што ниже подана исторія житя нашего края правдива. Того выдумати не можна, тото, што нашъ крайнъ описуе намъ, треба пережити. И онъ пережилъ. А досталася до насъ тота правдива исторія такъ: Авторъ той исторіи просилъ письменно редакцію, ци мы помѣстиме въ календарѣ его исторію житя. Письмо было написано латинскими буквами, невыразно. Кто знае, яка то исторія буде . . . Отписали зме ему, што якъ исторія буде интересна, то помѣстиме, але жебы постарался, штобы кто ему написалъ на машинкѣ, хотя бы и по англійски. И за пару недѣль приходитъ ниже подана исторія, написана на добромъ англійскомъ языкѣ. Однако, штобы могли всѣ наши читатели перечитати тоту интересну исторію житя нашего карпаторосса, мы перевели на карпаторусскій языкъ).

I.

Я родился въ Карпатахъ, въ 1888 року. Былъ я единакъ у своихъ бѣдныхъ, дуже бѣдныхъ родителей. Отецъ мой былъ лѣсный робочій и звычайно робилъ дуже далеко, такъ што приходилъ до дому разъ въ недѣлю, видѣти свою жену и единого сына. Мама все сварилася въ тотъ день съ отцомъ зато, же мало приносилъ заробку. Отецъ усprawедливался, што онъ робилъ тяжко цѣлый тыждень и сколько ему дали за его роботу, отдае. Мати брала гроши и скрывала.

Коли отецъ отходилъ до работы на цѣлый тыждень, говорилъ все мамѣ:

— Пильнуй и старайся о нашего маленького Федя! Ты знашь, што онъ у насъ одинъ и я хочу, штобы онъ былъ сытый и приодѣтый” . . .

Мама усмѣхнулася до него и до мене солодко и гварить:

— Та якъ бы нѣтъ? Я мамъ рада маленького Федя . . . Я бы жита за него дала . . . Правда, Федю, же я тя люблю?

— Правда, мамо — отповѣдалъ я съ слезами въ очахъ.

Але то была велика неправда. Якій бы я былъ счастливый, коли бы моя мама любила мене! Але я зналъ, што она мене ненавидить. Я зналъ, што она бере тяжко заробены гроши у отца и потомъ пропуститъ ихъ съ съ чужимъ человекомъ, по имени Андро Лямба . . . Я боялся повѣсти отцу о томъ, бо бымъ досталъ отъ мамы битку . . . Цѣлый тыждень я былъ голодный. Заходилъ до сусѣдовъ за хлѣбомъ. Не все дали. Мати не дала мѣ хлѣба, коли мнѣ хотѣлося ѣсти, а и не сидѣла дома. Она шла съ Андромъ. Я мусѣлъ отъ малenkости робити заню роботу дома и коло дому, обдертый и голодный.

Лемъ одна субота была для мене сытымъ днемъ, бо въ суботу верталъ мой отецъ изъ лѣса и мама приготавлила добру вечерю, штобы достати отъ отца тыжневый заробокъ.

Въ одну суботу отецъ проситъ матери, чомъ я такой смутный и худый:

— О, бо былъ хорый цѣлый тыждень — гварить мама. — А и ѣсти ничъ не хоче.

Коли я слышалъ тоты слова, стиснуло мнѣ горло и слезы наполнили очи и я ужъ хотѣлъ голосно расплакаться и повѣсти няньови вшитку, але зобралъ я вшитку силу, жебы не расплакаться и не повѣлъ ничъ, бо я зналъ, што зато досталъ бы страшну битку, по котрой остануть слѣды долгий часъ на моихъ раменахъ и плечахъ.

Але мати зауважила штоси въ моихъ очахъ, хотѣла перестеречи мя и коли отецъ пошолъ до работы, гварить:

— Лемъ ты гультаю дашто повѣчь отцу, то ти поламаю руки и ноги и забю ты якъ пса, а отцу повѣмъ, што ты умеръ на шарлатину . . .

Коли я сидѣлъ скуленный, обдертый въ кутѣ, она смѣялася зъ мене. Охъ, не могъ я стерпѣти ей смѣху! Што за мука то была для мене, коли она изъ мене смѣялася! Такъ мнѣ хотѣлося утѣкати даде геть далеко, въ свѣтъ за очи! Але штожъ, коли я былъ дуже слабый, такой слабый, што я бы упалъ на дорогѣ и умеръ. Але я бы не дбалъ, лемъ же я любилъ дуже своего няня. Такъ я его любилъ и мене барзъ болѣло, што его такъ кривдятъ и онукують.

II.

В одну ночь я слышалъ бесѣду моей мамы съ Андромъ Лямба. Онъ приходилъ до насъ каждый день, черезъ цѣлый тыждень и бралъ отъ мамы отцовы гроши, котры пропивалъ. О, якъ я ненавидѣлъ того человекъ! Не великий такой собѣ былъ, приземистый и носилъ бороду. Я сподѣвался, што они обое змовляются противъ няня, я боялся, што они штоси дуже злого для него приготавлиють. И разъ я подслушалъ такую ихъ бесѣду:

— Найлѣпше бы было го отрути — говоритъ Лямба. — То найлекша работа и найкоротша . . .

Я перестрашился и почалъ дрожати. Я зналъ, што то расходится о няня. Але ици лѣпше напялъ уха и слышу маму бесѣдувати:

— Я не думамъ, же трутина добра для такого. Може не зробити свое и потомъ буде клопотъ . . . Найлѣпше го убити. Найти даякого, най го убье . . . а потомъ я выйду за тебе . . .

Теперь я розумѣю о што имъ расходилося: Лямбѣ расходилося о того, жебы мама отрула няня, то онъ не буде отповѣдати — а мама тоже не глупа была, не хотѣла на себе брати убійства, найлѣпше дакто другий . . .

Теперь я порозумѣлъ ихъ плянь: Отецъ мае быти убитый, а они обое мають побратися. Пили они въ тотъ часъ до безпамятя. Мама спѣвала, танцувала, при чемъ переверталися столки.

Андро Лямба нашолъ своего пріятеля, Янка Кубика въ корчмѣ и предложилъ му 75 ринскихъ за убійство моего отца:

— Чомъ бы нѣтъ? — гварить Кубикъ. — За 75 ринскихъ убью и своего няня. —

Былъ то пиячина, готовый на всяку збродню. Крыминалу не боялся, ужъ неразъ сидѣлъ за рабунокъ, злодѣйство. Я слѣдилъ за Лямбомъ и потому подслушалъ и тоту ихъ змову. 75 ринскихъ, розумѣся, походили изъ тяжкого заробку моего отца.

— Ой, што я мамъ теперь робити? Якъ перестеречи няня? — вертѣло въ моей головѣ. — Ей, жебы я былъ великий и сильный! — Але штожъ, я былъ девятьлѣтний хлопчина, слабый, худенький, въ вѣчномъ страху, што мама мѣ

Аматорскій Кружокъ Отдѣла Л. С. въ Юнкерсь, Н. І.

ноги и руки поламе, што мя убье. А болѣло барзъ, коли мене мама била, долго болѣло. А Лямба? Тажъ онъ мя могъ тоже убить. Я не могъ посмотрѣти до его очей, таки они были страшны.

III.

Едного дня, въ субботу пополудни, коли отецъ вернулъ изъ лѣса, приходитъ на нашу обору Кубиканя и починатъ бесѣду съ отцомъ, а потомъ сварню. Вижу, иде Кубикъ, ей мужъ, съ желѣзомъ въ рукѣ. Наразъ Кубиканя почала тормоситися съ отцомъ и кричати:

— Ратуйте, ратуйте! —

Отецъ не зналъ, якъ видно, въ чемъ дѣло, але я видѣлъ, што Кубикъ летить зо желѣзомъ, тай крикнулъ такъ, што отецъ обозрѣлся и видѣлъ, што ему грозитъ и зачѣмъ Кубикъ могъ го ударити желѣзомъ по головѣ, отецъ хватилъ го за руки и одобралъ желѣзо. Я отдохнулъ лекше. Отецъ звернулся до Кубиковъ:

— Заберайтеса отъ мого дома и не показуйтеса николи коло него, бо якъ я васъ найду, то васъ убью!

Я хотѣлъ ужъ вшитко росповѣсти отцу:

— Няню, я вамъ хочю штоси повѣсти . . .

Але вышла мама, посмотрѣла на мене зо злостью и мѣ душа въ пяты пошла.

— Подте фсти, бо высыплю свинямъ! — крикнула на насъ . . .

И такъ минулъ ищи одинъ тыждень, што я ничего не сказалъ отцу, якъ мене мама морить и же его хотять убить.

IV.

Подходила ужъ зима, я мерзъ въ своихъ лахманахъ, босо. Отецъ все ищи ничего не зналъ о плянахъ мамы съ Андромъ о его убійствѣ и о ихъ любуваню. Я не хотѣлъ изъ одной стороны робити боль отцу, а изъ другой стороны боялся мамы и трималъ свою тайну.

Ужъ была зима, предъ Рождествомъ. Студня, изъ котрой мы брали воду, замерзла и черезъ ночь ледъ такъ огрубъ, што не можна было преламати. Мама гварила отцу,

жебы прерубаль ледъ. Я помагалъ няньови. Пришоль и Лямба. Штоси шептали собѣ, якъ мы обрубовали ледъ. Мама принесла великій горнецъ (котель) кипячой воды. Андро Лямба взялъ воду отъ мамы и прехилилъ горнецъ, я то видѣлъ и крикнулъ, а въ томъ моментѣ великій желѣз-ный горнецъ выслизнулся изъ рукъ Лямбы просто на няньо-ву голову, але няньо ухилилъ голову завчасу и горнецъ у-палъ на ледъ. Горяча вода обрызгла няньовы плечи и мои руки. Лямба зачалъ препрашати, а отецъ повѣрилъ, же то лемъ ненарокомъ. Я розумѣлъ, што такъ хотѣли убити его и трясся на цѣломъ тѣлѣ.

V.

Дни минали, пришоль часъ, што отецъ зновъ шоль до работы въ лѣсѣ, а я остался въ пеклѣ самъ. Лямба, якъ перше, такъ и теперь ходилъ до насъ и мама давала ему гроши, зароблены отцомъ, а мене морила голодомъ. Разъ позднимъ вечеромъ, коли я ужъ былъ въ постели, прикры-тый ряндавомъ колдромъ съ головой, приходятъ до хаты Лямба и Кубикъ. Мама деси вышла на дворъ, потомъ и она пришла и сѣла на лавку. Потомъ встала, открыла мою голову и посмотрѣла, ци я ужъ сплю. Я удалъ, же сплю, якъ забитый:

— Спать. Вы можете теперь говорити, лемъ тихо и скоро, бо якъ ся збудить, то може дашто подозрѣвати. Онъ слабый и здаеся на око глупый, але онъ хитрый и вшитко розумѣе. —

Забралъ голосъ Кубикъ и говоритъ:

— Я обдумалъ тоту справу и думамъ, же найлѣпше буде затаитися въ лѣсѣ, а коли онъ буде вертати зъ работы, тамъ его подстрѣлити. Дайте мѣ тоты 75 ринскихъ и я вамъ тоту роботу зроблю. Мѣ бы ся барзъ придали гроши.

— Та ужъ о гроши ся не бій, достанешъ — рюкъ Лямба . . .

Я почался трясти. Порозумѣлъ, же то о няня розходит-ся. Скоро они вынеслися съ хижи. Я ужъ не спалъ до рана, думалъ, якъ бы перестеречи отца, але ничего не могъ придумати. Рано я ходилъ якъ мертвый. Слѣдилъ за Ан-дромъ и Кубикомъ. Зауважилъ то Андро Лямба и гварить:

— Чомъ ты не сидишь дома, смаркатый? Коли рушишь-ся сегодня отъ дому, то я тя убью, якъ пса, памятай! Ты мене знашь. И я сидѣлъ дома, не малъ смѣлости ни самъ ити за ними, ни никому повѣсти. Сегодня розумѣю, якій я тогда дурный былъ, ци боячій. Но, я не думамъ, што я былъ дурный, я вшитко розумѣлъ, што ся мае стати съ мо-имъ отцомъ, единымъ человекомъ, котрого я любилъ. Я былъ такъ перестрашенный, стерроризованный, ослабленный, што я не малъ силы осмѣлится на даякій крокъ.

VI.

Изъ бесѣдъ сусѣдовъ я довѣдался, што мой отецъ за-стрѣленный въ лѣсѣ. Говорили и где. Але никто до него не ишоль, бо каждый боялся, што и онъ буде застрѣленный, што убійца сидитъ въ гущавинѣ. Мати пришла до дому змѣ-шана, руки ся ей трясли и дуже была нервозна, не знала што робити. Потомъ розобралася и пошла до постели, не сказавши миѣ ни слова. Цѣлу ночь я плакалъ тихо и на другій день тоже плакалъ и жувалъ солому. Не ѣлъ ужъ другій день ничего . . . Въ вечеръ пришоль Лямба:

— Ну, хлопче, якъ ся машь? Няньо не пришли ищи?

— Не пришли — отповѣлъ я тихо, со слезами въ очахъ, котры я ся старалъ затримати, але не могъ, поплыли свободно по лицу. Я не могъ больше выповѣсти слова. Онъ посмо-трѣлъ на мене немилосердно и вышоль.

VII.

На другій день я пустился глядати своего отца въ лѣсѣ, тамъ где люде расповѣдали. Не долго я глядалъ. Тѣло моего отца было недалеко отъ лѣсной дороги, въ гущичку. Отецъ лежалъ нерухомо, такой бѣлый на лицѣ, якого я его ищи не видѣлъ. На немъ его робоча, подерта, окровав-лена одежда. Я съ плачомъ положился коло него, обнялъ его за шию и заплакалъ горенко. Я хотѣлъ умерти тамъ, разомъ съ нимъ, бо на што миѣ жити? У мене ужъ нѣтъ больше на свѣтѣ человека, котрый бы мене любилъ. Всѣ мене ненавидять. Тотъ, единый мой, лежитъ мертвый.

Почало вечерѣти, миѣ зробилося страшно и я всталъ, зобралъ всѣ свои слабы силы и пустился бѣгомъ до дому.

По дорожѣ напали на меня два пса и зачали брехати на мене:

— Идите геть, гварю, я до васъ подобный, бо я тыжь не мамъ ужъ ни няня ни мамы! — Псы подошли до мене ласкаво и облизали мои руки.

Коли я пришолъ до дому, Андро Лямба былъ тамъ. Онъ посмотрѣлъ на мене остро и просится:

— Где ты, чортику, былъ? А коли я му повѣлъ, где я былъ, онъ страшно роззлостился и повѣлъ, што якъ я ищи разъ тамъ пойду, то онъ мене убье, якъ пса!

Але на другій день мимо его перестороги я пошолъ до лѣса, штобы посмотрѣти на дороге мнѣ лице мого няня. Теперь я ужъ боялся вертати, бо въ головѣ шумѣли мнѣ слова Андра:

— Я тя убью, коли ищи разъ тамъ пойдешъ. И коли я такъ задумался, што мнѣ робити, чую чужій голосъ:

Што ты ту робишь?!

— Позерамъ на своего няня. Ктоси го убилъ. Хлопъ вышолъ изъ гуща, заболоченый, обдертый, съ почерненымъ лицемъ и подошолъ ко мнѣ:

— Такъ? Ты любишь на него смотрѣти? То я такъ устрою, штобы тобѣ было лѣпше на него смотрѣти . . .

Онъ хватилъ мя въ свои руки, перевернулъ и связалъ мои ноги сильнымъ шнуромъ, такъ крѣпко, што шнуръ вѣлся въ мои ноги. Привязалъ мнѣ и руки до тѣла, обмоталъ наоколо мене и привязалъ мя такъ до дерева, головомъ на долину, такъ, жебы моя голова дотыкала головы убитого. Была то страшна тортура! То было горьше, якъ битка матери! Коли собрался ити геть, гварить:

— Ну, теперь можешь смотрѣти на твого отца, сколько лемъ хочешь!"

Теперь онъ говорилъ ужъ инымъ голосомъ и засмѣялся смѣхомъ Андра Лямбы . . . То былъ онъ. Теперь я его позналъ. Я страшно терпѣлъ, бо висѣлъ за ноги и шнуръ вѣлся до мяса. Я кричалъ изъ всѣхъ силъ ратунку! Вся кровь ударила мнѣ до головы.

Людей въ лѣсѣ не было, никто не отзывался, лемъ эхотповѣдало:

— Ратуйте! Ратуйте!

Мои ноги напухли и отъ того часу мои ноги все напухли и синявы.

На мое счастье переходилъ черезъ лѣсъ газда и слышалъ мой крикъ. Подошолъ и безъ слова, вынялъ ножъ и поперетиналъ шнуръ. Памятамъ, што онъ просился мя штоси, але я стратилъ память. Пришолъ я до себе въ чужой хатѣ, где якас добра жена намастила мои ноги и завила. Газда гварить:

— Теперь, хлопче, повѣчь намъ свою историю, а мы будеме старатися ти помочи. —

Сколько разъ я хотѣлъ вшитко оповѣсти жандармамъ, але жандармовъ я ся тоже барзъ боялъ. Я вшиткихъ боялся, никому не вѣрилъ. Теперь я постановилъ вшитко повѣсти. Гварю газдови:

— Завезте мя до жандармовъ, я вшитко повѣмъ, якъ то было. Газда запрягъ коня и повезъ мя около 10 километровъ до жандармовъ. Тамъ просилися мя по мадыарски, други толковали и я такъ расповѣлъ цѣлу свою страшну историю.

Скоро мама, Лямба и Кубикъ были арестованы и призналися до вшиткого.

И теперь я осталь самъ въ своей хатѣ, съ маленькимъ теляткомъ. Та и хату продали, зашто и якъ, не знамъ, але мѣ остало лемъ телятко.

VIII

Надъ матерью, Лямбомъ и Кубикомъ отбылся судъ. Всѣ были засуждены на доживотя. Лямба умеръ въ криминалѣ за 8 лѣтъ, Кубикъ за 17, а мати жила въ криминалѣ 20 лѣтъ. О томъ всемъ я довѣдался позднѣйше . . .

А якъ мнѣ жилося потомъ?

Тяжко было, трудно было будьколи, але лекше, якъ коло "родной" матери . . .

Я продалъ свое теля за 8 златовокъ и пустился въ дорогу. Я зналъ, што якихъ 50 километровъ дороги, я мамъ стрыка. Пришолъ я до стрыка, але стрыкъ не хотѣлъ мя знати. Посмотрѣлъ на мене грубо, непривѣтливо. Едень газда взялъ мя пасти овцы. Складалъ я центы, штобы ищи своимъ ногамъ помочи, бо болѣли ищи и были раны незагоены тамъ, где были стиснены мотузомъ. .

Коли мнѣ было 12 лѣтъ, я оставилъ газду и робилъ въ цукровнѣ, где брали до работы такихъ хлопцевъ. За якихъ

6 лѣтъ я заробилъ на шифкарту и 18 лѣтнѣй я прѣхалъ въ Америку, где ся мнѣ лѣпше жѣе, якъ въ старомъ краю.

Походилъ я и по Америкѣ. Робилъ въ лѣсахъ Висконсинъ. Была то тяжка работа, але я могъ ѣсти до сыта и говорити съ людьми, котры мене мали за челоуѣка и при томъ я забывалъ на свое минуше.

Потомъ я пришолъ до Огайо, где я встрѣтилъ людей, котрыхъ я зналъ изъ старого краю, потомъ я переѣхалъ въ Нью Йоркъ, где я встрѣтилъ дѣвчину, котру я позналъ ници въ старомъ краю. Съ томъ дѣвчиномъ оженился и жѣеие счастливо въ Пеннсылваніи съ нашими дѣтми.

Ту въ Америкѣ я довѣдался изъ писемъ о смерти своей матери. Не была она для мене матерью, не мала она для мене любви, лемъ ненависть — не малъ и я до ней любви. А мама безъ любви до свой дитины не мама. Безъ материнской любви дуже тяжко дитинѣ на свѣтѣ жити. Лѣпше ужъ совсѣмъ безъ матери, якъ при матери безъ любви. Я хочу думати, што я былъ безъ матери.

Счастливы тоты дѣти, што мають свой теплый домъ, сыты и одѣты любовью своихъ родичей. Най-же они и цѣнятъ своихъ родичей и за родительску любовь отплатятъ имъ любовью.

Я бы отплатилъ своей матери, але моя мати ненавидѣла мене — она была безъ любви материнской. Мати, безъ материнской любви не мати — и потому я выросъ въ страшныхъ страданіяхъ безъ материнской любви.

Ф. Паловець, Бристоль, Па.

Тамъ Наша Отчизна

(Для Американскихъ Лемковъ).

Тамъ де высокы горы лѣсисты,
Де подъ горами равнины, села,
А быстра вода рѣчкомъ шумить.
Тамъ то есть брате нашъ край лемковскій.
Тамъ ты родился, тамъ жилъ и росъ,
Тамъ ты оставилъ родину твою
Въ вражыхъ пазурахъ на власный льось . . .

Тамъ, де цвѣтнсты поля и луки
Витають тебе въ радости слезъ.
Де пташки любо пѣсно спѣвають
А ясны зори свѣтятъ съ небесъ;
Тамъ то есть брате твой край лемковскій,
Тамъ то и твои родненькы суть,
Тамъ опручъ бѣды, болю, печали,
Топче невинныхъ шляхецкій “бутъ” . . .
Тамъ, де въ толоцѣ пастушокъ любый,
Тай на трумбетѣ грае собѣ,
Де кырдель овецъ пасе онъ въ лѣтѣ —
Тамъ Лемковина, нашъ край тобѣ!
Тамъ чорна сотня: паны съ ксьондзами
Такъ загнуздали лемковскій людъ,
Што робишь тяжко тай все на пана,
Тамъ зноситъ народъ найтяжнѣй кнутъ.
Тамъ, де суть пышны церкви и корчмы,
Де есть іегомосьць зо жидомъ панъ,
Де лѣтомъ въ горахъ гуляе собѣ
Всяка нероба въ жупанахъ дрань.
Тамъ то есть брате твой край лемковскій,
Тамъ твоя родня зъ голоду мре,
Хоць робить тяжко съ свѣту до ночи,
Бо працю его всяка гыдь жре . . .
Тамъ, де суть школы въ бокъ похылены,
А въ ксьондза стайня — ге, ге, ге, ге!
Яка тамъ пышна и выбѣлена,
Тамъ спить и служба, — а дежбы де?!
Тамъ то есть брате нашъ край лемковскій,
Тамъ польскы паны вельможи суть,
Тамъ суть и чехы, мы имъ подданы,
Такъ они разомъ зъ насъ кровцю ссутъ . . .
Тамъ, де великы земны обшары,
Глубокы лѣсы въ десятки миль,
Де лемковъ хыжи маленькы, стары,
Што пригадують Африкы стиль.
Тамъ Лемковина, брате мой любый,
Тамъ наша земля забрана намъ . . .
Та гнетъ ужъ приде тотъ часъ отплаты:
Выйде панъ бандить изъ нашихъ странъ.

Устье Русское, центральне лемковске село въ горлицкомъ говѣтѣ.

Якъ Чорты Пановъ Взяли

(Драматичный Образокъ въ Одномъ Актѣ).

Написалъ Сынъ Лемка.

Дѣся въ читальнѣ на Лемковщинѣ, въ горахъ Карпатахъ, где лемки сходятся разомъ такъ зъ угорской якъ и галицкой стороны:

Устройство Читальни:

Въ одномъ кутѣ столъ, на немъ книжки и газеты. Лавки кругомъ стола, зъ одной стороны шафа съ книжками, на стѣнѣ мапа Лемковины и портреты. На серединѣ комнаты великій столъ.

Дѣйствующие лица:

1. Николай Журавъ, 32 л. госп. гал. стороны
2. Андрей Загуба, 31 л. " угор. "
3. Петро Кнышъ, 20 л. пар. гал. "
4. Настья Ключарь, 18 л. дѣвч. гал. "
5. Парася Стеранка, 17 л. дѣвч. гал. "
6. Яношъ Главатый, 42 л. чешк. панѣ дипл. (поваж. брюх).
7. Юзефъ Пилюля, 36 л. польск. шлях. (съ корбачомъ).
8. Васько Попыхайло, 30 л. укр. льокай пана (загакливый)
9. Николай Журавъ, тотъ самъ, Люциперъ, чортъ старшій.
10. Андрей Загуба, тотъ самъ, Антипко, чортъ подданный.

Одежа.

Всѣ зобраны, по звычайю лемковъ на галицкой сторонѣ. Андрей Загуба, по звычайю лемковъ на угорской " Люциперъ, чортъ старшій, съ медалями на грудяхъ, поясъ съ ланцуха, а на немъ колодки, чорна книжка. Антипко: Безъ медалей, ланцухъ черезъ плечо и поясъ, за поясомъ колодки, вариха, въ рукахъ вилы, еденъ чортъ чорный, другій червеный.

СЦЕНА 1: Н. Журавъ, П. Кнышъ, Н. Ключаръ, П. Стеранка.

(При столѣ зъ одного конца сидитъ Николай, подпертый на одну руку, задуманный. Въ кутѣ за столомъ сидитъ Петро и читатъ газету "Лемко," на никого не зважатъ. Дѣвчата чистятъ всьо, окна, портреты, мапу, замѣтають, а при томъ собѣ спѣвають):

Настя зачинатъ, **Парася** помагатъ:

Спѣвъ

1. Ой верше мой верше
Мой зеленый верше
Ужъ мѣ такъ не буде (2)
Якъ было перше.	3. Яничку златогазъ
Чомъ не ходишь до насъ?
Ци ся мамы боишь (2)
Ци о мя не стоишь.
2. Бо перше мнѣ было
Барзъ добри мнѣ было
Отъ моей мамички (2)
Не ходити было.	4. Мамы ся не бою
И о тебе стою
Лемъ ся преокрутнѣ (2)
Злыхъ языковъ бою и т. д.

Парася:

Настя! Ци ты знашь тоту пѣсню, што была недавно въ газетѣ "Лемко?" Я ей барзъ люблю и слова знамъ на память, лемъ хотѣла бымъ подобрати голосъ. Ноле заспѣвай, а я ти томожу.

Настя:

Котру, тоту што о Союзѣ?

Парася:

Е, тоту, тоту "Братья лемки, русскы дѣти!"

Настя и Парася: (Стають просто предъ публику)

Братья лемки, русскы дѣти
Вшиткы въ Союзъ ставайме
И матерѣ Лемковинѣ
Загигати не дайме.

Загибае наша мати
Родная Лемковина
Бо ей гнете шляхта польска,
Тай и чешска панщина.

Хотятъ паны Лемковину
Для себе присвоити,
Хотятъ они русскихъ лемковъ
Всѣхъ вынародовити.

Не думайте собѣ паны,
Же то можна зробити,
Бо мы, лемкы, барзъ завзяты
Трудно намъ порадити.

Ужъ ся лемкы зо всѣхъ партій
Стали соединяти,
Штобы могли вражимъ панамъ
Свою пясть показати.

Ужъ тамъ лемкы въ Америкѣ
Свой Союзъ zaloжили,
Штобы свою родиньку
Всѣ разомъ боронили.

Не твѣрбийся Лемковино,
Же мы о Тя не дбае,
Ты сой таку думку думай,
Же Тя врагамъ не даме.

Парася:

Але то шумну пѣсню уложили наши братья тамъ за моремъ въ Америцѣ, не правда, Николаю?

Николай:

Та не лемъ то, же шумна, але то и правдива наша народна пѣсня, а такихъ намъ треба было давно пѣсней съ народнымъ чувствомъ для нашей молодежи, штобы въ ней розвивати наше чувство, любовь и привязанность къ своему народу.

Настя:

А цижъ мы може не любиме свой край и русскій народъ, хоць мы давно такихъ спѣванокъ не мали?

Николай:

Коли бы такъ вшиткы любили якъ мы, та мы бы не такъ стояли народно, якъ стоиме, але штожъ! единицѣ чудесъ доказати не можуть, а зрештомъ о насъ ужъ ся такъ не расходитъ, якъ о нашу молодежь, котра ся може цѣлкомъ для русского народа затратити.

Парася: А то якъ?

Николай:

Въ той пѣснѣ, што Вы теперь спѣвали, есть выражена мысль, же панове, такъ зъ одной якъ и зъ другой стороны Карпаты, замышляють наши дѣти вынародовити. Зато они отбирають намъ наши русскы школы и книжки, а дають свои польскы и словацкы.

Настя:

Якъ не вынародовили насъ давно, та и наши дѣти не дадутся звести съ русской дороги.

Николай:

Легко то бесѣдувати, але треба и подумати. Давнѣйше мы были подъ Австріомъ, зато намъ не могли дати нѣмецкій языкъ, бо мы го не розумѣли. Но нѣмцы такъ само не спали, а шпекулювали, якбы насъ, русскихъ ослабити. И доконали своего, бо насъ подѣлили границомъ на двѣ части, а до того завели ненависть въ русскомъ народѣ, отчого наши народны силы ослабили на вшиткы боки.

Парася:

Та тота граница намъ ничъ не значить, бо мы ся и такъ разомъ сходиме, а и народно мы достъ ся добри тримаме.

Николай::

И то правда, же до того часу не потрафили насъ звести далеко съ правой дороги, а то лемъ зато, што мы имъ не барзъ доступны были въ нашихъ горахъ, а до того и наша тверда и загартувана натура стояла на перешкодѣ — Но наробили они великого несчестья, вражды и згрызы меже нашими братьями восточной Галичины, отчого они не здалы до соединенія, а зато слабы и они и мы.

Парася:

Якъ мы лемкы будеме ся тримати добри разомъ, та намъ и панове не порадятъ.

Николай:

Правду машъ зъ одной стороны, но жебы ся не поддати панамъ, мы мусиме взятися щиро до науки и народной работы. Видишь, давно насъ дѣлили границями, ишли на насъ съ религіомъ и заводили роздоры меже нами. Мы якъ могли и якъ зме знали, такъ зме ся боронили, но теперъ

воюють они не лемъ давныма способами, але робятъ черезъ свою школу, полячатъ и словачатъ наши дѣти.

Настя:

А школомъ можуть они намъ шкодити?

Николай:

Та лемъ якъ! Тажъ то найстрашнѣйша зброя противъ насъ. Нашъ край наибольше занедбанный, нашъ народъ мало-ученый, не може, а и не хоче порозумѣти, што въ школѣ можуть они превернути наши дѣти цѣлкомъ на свое копыто. Они ани ся не таятъ того, чого они хотять. Мы старши повымераме, а наши дѣти учать они ужъ своего языка и культуры. Языкъ сусѣдовъ зрозумѣлый, бо то не нѣмецкій, якъ давно, а што наши дѣти научатся, тымъ они и будутъ и за нами и слѣду русскости не останеся.

Петро:

(Подноситъ голову отъ газеты) Але то вера Боже, правдива народна газетка тотъ “Лемко,” ажъ мило почитати и то якъ зачне читати, та не можъ ся ани одорвати.

Парася:

Е, похваль ся Петрусь, ту ужъ дѣвчата вшытко почистили, а ты ажъ теперь протерьъ очи, ты ничъ не видишь, лемъ твою газету. (Петро встает, хоче ей обняти, але она усуватся). Шкода, жесь не правдивый кнышъ, лемъ ся такъ зовешъ, та бы ты можна было дакусь перекусити, а такъ штожъ намъ съ тебе?

Петро:

Пробачъ Парась, бо и самъ я бымъ кнышъ зѣлъ, жебысь доброго упекла, а зато ся не гнѣвай на мене, бо то каждая работа потребуе своего часу. Треба часомъ и пожартувати, а и забавитися, але треба часомъ и дашто розважнѣйше подумати, а ужъ якъ зачнешъ читати о лемкахъ тамъ въ Америкѣ и што ся робить, та ужъ и сама не попустишь, покаль не перечиташъ. То ужъ така наша лемковска натура, же што зачнемъ, то и зробиме..

Настя:

А штожъ ты тамъ таке нове вычиталъ?

Петро:

(Подумавъ). Вшыткого наразъ не можъ оповѣсти, бо суть и новинки зо свѣта и дашто съ жарту, смѣха и правды, а и о нашихъ лемковскихъ справахъ такъ ту въ старомъ

краю, якъ и въ Америкѣ. — Видно, же то правдива народна поступова газета, бо въ ней сугь ружны народны мысли и зато она такъ лемковъ пробудила и порушила, што зачали организацію Лемко-Союзъ, котра має об'єдинити вшиткы партіи нашого народа, безъ ружниці съ котрой стороны Карпатъ кто походить, яку вѣру собѣ тримать, або политику грае . . .

Николай:

И якъ же тамъ тримаються?

Петро:

Тримаються? Ищи якъ! Отдѣль за отдѣломъ, хоць пишуть, же тяжкы часы, але роботу роблять, ничь не дбають. Такой народной организаці намъ давно треба было. Но лѣпше поздно якъ николи.

Николай:

Кедь нашъ народъ порозумѣ нашу народну справу и подбать за тоту организацію, та мы еще не пропадеме народно, але то лемъ есть една наша, а може и остатня надѣя, на наше народне спасеніе. Но если занедбають справу, або не подтримають газету на початку, то и организація пропаде, а и мы ту на Лемковщинѣ зникнеме зо свѣта. Не поможе ужъ тогды ани “Святыи Боже,” бо то буде конецъ русскому народу въ западныхъ Карпатахъ.

Петро:

Вы, Николай, та якъ жебы сте все еще не довѣряли, же што лемкы зачнутъ, та и покончатъ.

Николай:

Я ужъ походилъ по свѣту, былъ я и въ Америкѣ, та и знамъ, лемкы найбільше набудували всего, наскладали гроша и наорганизували, якъ никто другий. Такъ звана Американска Русь лемками збудована. Въ насъ есть велика сила будовы и вытревалости скончити то, што зачнеме, но въ насъ бракъ силы контроли надъ тымъ, што мы зробиме. Зато другы лемковъ всяди звыпыхали, вшитко имъ забрали въ свои руки, а на остатку ихъ высмѣяли. “Ты лемку лемъ давай, а мы будеме ужывати.” И такъ забрали и купы гроша, што наостатку лемкы стратили ужъ и охоту до всякой народной работы. Но на счастье, же ся еще на часъ опамятали и зачали сами будувати организацію для самообороны и взаимной помочи. Зачали они теперь на

добромъ фундаментѣ, на просвѣщенію и сознанию и народной контроли, а зато я вѣрю, што не дадутъ ся теперь звести съ правильной дороги и не отдадутъ такъ легко въ руки тымъ, котры бы хотѣли насъ лемъ все вызыскувати и дойти якъ корову.

Петро:

Та-то-то! и найважнѣйша рѣчь есть газета. Безъ газеты, нѣяка народна работа, ани организація немислима, а бѣда въ томъ, же велика масса нашего народа есть еще не сознательна и не хоче дати ся образумѣти, а безъ розумной, охочей и щирой поддержки народной, газета може упасти, а такъ пропаде и организація.

Петро:

Не думамъ я, жебы така газета якъ “Лемко” не заслужила поддержки народной и могла упасти, тажъ ей ажъ мило въ руки взяти. Тажъ то наша наука и школа, зъ ней ся можна дуже научити.

Николай:

Чисту правду повѣдашь, лемъ же слова не значать еще, же то работа, треба дѣла, а наши люде мало интересуются наукомъ, газету мало читають зо своей охоты, а до того больша половина нашего народа есть еще въ рукахъ тыхъ, котры съ его темноты легко жиють и корыстають. Тоты то заказуютъ людянь читати, учитися и думати, а темный человѣкъ то рабъ-невольникъ и онъ слухать и вѣритъ обѣцанкамъ и грушкамъ на вербѣ.

Петро:

Може Вы, Николай и правду бесѣдуете, але я думамъ, же кто лемъ разъ або два разы прочитатъ тоту газету, та онъ все буде хотѣлъ ей читати. Въ ней есть якаси тайна притягаюча сила, въ ней есть душа народа. Пише ся выразно на нашей бесѣдѣ, вшитко есть поучаючо щире, правдиве, ажъ и наши лемковскы вершы. А и теперь есть еденъ, отъ послушайте: (Бере газету съ рукы Николая и читатъ.)

Коли Будеме Сынами Руси?

Наши лемкы наоколо ужъ ся обзываютъ,
Што день, што два, то все веце газету читають.
Бо ажъ мило и весело, “Лемка” въ руки взяти,

Въ “Лемку” есть все дашто нове, любо почитати.
И весело и радостно на душѣ ся робить,
Же ся лемко ужъ познае, до купы ся сходитъ,
На митингахъ и забавахъ, разныхъ предпріятіяхъ,
Сходимеся и радиме, та якъ родны братья.
Насъ пробуждатъ Лемко-Союзъ до житія нового
Въ старомъ краю и во свѣтѣ призывать каждого:
“Встанте лемки и лемкинѣ, пробудте ся разъ,
Въ старомъ краю и во свѣтѣ, бо ужъ пришолъ часъ!”
Въ Лемко-Союзъ всѣ ступайме, не боймеся страха!
Страхъ насъ скоро опуститъ, а преjde на ляха.
Мы на своей землѣ, ужъ тысячи лѣтъ,
А панове бесѣдуютъ, же тамъ русскихъ нѣтъ,
Лемъ поляци и словаци, самы католики,
Што руснакы померли, пропали на вѣкы.
Не померли, еще жiютъ, бо ся отзываютъ,
Бо ужъ ся организуютъ, Лемко-Союзъ мають.
Лемъ покажѣме, братья, лемки, же то и мы штоси,
И ужъ ся не опускайме, лемъ все на когоси!
Бо никто насъ не освободитъ, ани не поможе,
Ни Россія, ни Украина, ани святыи Боже,
Якъ мы сами не станеме до борьбы за право
(Силу маме, лемъ не знаме, бо есть насъ не мало)
Тогда каждый насъ похвалитъ и признати муситъ,
И такъ будеме сынами, нашой “Святой Руси” . . .

Осифъ Болдышъ.

Николай:

Прекрасны мысли того человѣка, не знамъ кто онъ такій?

Петро:

И видите Николай, ци може быти такій человѣкъ,
штобы той простой народной мысли не могъ зрозумѣти? Я
думаю, же нѣтъ!

Николай:

Не въ томъ рѣчь, жебы не розумѣти, но треба знати
же множество нашего народа не интересуется народномъ
справомъ и не видятъ и не знаютъ, што ся во свѣтѣ и наоколо
нихъ дѣе. Они жiютъ лемъ для самыхъ себе, для своей
корысти. За будущность своего народа, за свои власны дѣти
они мало дбають. Книжокъ, ни газетъ они не читають, а

зато и розумѣти не можуть. Съ такихъ людей мало помочи
и потѣхи, ани корысти своему народу не буде.

(Дѣвчата, черезъ тотъ часъ, то роблять, то слухають, а
скончивши роботу посѣдали и слухають.)

Настя:

А я думамъ, же теперъ ужъ вшитко буде лѣпше, а знате
чомъ? (Петро и Николай звертаются къ ней).

Николай:

Чомъ ты такъ Настю думаешь?

Настя:

Бо якъ пише “Лемко,” теперъ жены и дѣвчата зачинають
помагати организаціи, а и то не лемъ роботомъ, але видиме
сами, пишуть до газеты свои мысли и добру науку намъ
даютъ, же народну роботу мають робити такъ мужнины, якъ
и женщины. Перше, жена была лемъ до пеца и кочерги, по
часы ся змѣняютъ. Што не могутъ сами мужы, то допомо-
жуть имъ ихъ жены. Тажъ мужъ и жена, то една душа въ
двохъ тѣлахъ, а зато, коли ужъ и сами жены берутся до
народной работы, то знакъ, же они зачинають больше роз-
умѣти тоту справу, а зато и вшитко муситъ рушити впередъ.

Николай:

Правду бесѣдуешь Настю! Бо треба намъ вшиткымъ
знати, што женщина есть мати народа. Мати старатся жи-
тьемъ своихъ дѣтей и мужа, она выхове свои дѣти для
будучности народа. Мати мае велику вліятельну силу науки
и зато сознательна мати може вляти въ души своихъ дѣтей
любовь, чувство и привязанность къ своему народу.

Настя:

А коли берутся ужъ до работы народной и наши жен-
щины, то они потрафлять научити и тыхъ, котры еще не
розумѣють.

Парася:

Повѣдаютъ, же на женщинѣ свѣтъ стоитъ . . .

Настя:

И то не выдумка, а чиста правда. Женщина мати народа.
Успѣхъ нашего Лемко-Союза буде залежати отъ нашихъ
женщинъ.

Николай:

Дай Богъ, жебы такъ ся стало. (Отвераются двери).

СЦЕНА 2: Тоты и Андрей.

Андрей: (Входитъ, всѣ ся озирають). Дай Боже счастья на вашей странѣ.

Всѣ:

(Каждый по своему). Дай Боже, дай намъ всѣмъ разомъ.

Дѣвчата: (Обѣ до смѣху). А вы идете, та сой найдете.

Андрей:

(Витается зо всѣма, потомъ до Настьи): А Вы дѣвчата, што ту такъ завчасу робите?

Парася:

Мы пришли перше, жебы дакусь почистити читальню, тай такъ мы ту слушаемъ и бесѣдуемъ, што ся по свѣтѣ дѣе, а и о Лемко-Союзѣ въ Америкѣ.

Андрей: А вы любите слухати таки новинкы?

Настья:

Не лемъ новинкы, але пришла и газета "Лемко" и добри послухати розумной бесѣды старшихъ людей.

Андрей:

А то красно, я люблю Васъ за такой розсудокъ.

Николай:

Знате Андрей, то наши найцѣкавши и найрозумнѣйши дѣвчата въ селѣ, будутъ зъ нихъ добры женки, а и потѣха для нашего народа.

Петро: Я думам, же една зъ нихъ будемоя (усмѣхнулся).

Парася: (Смѣются). А котра ты думаешь?

Петро: Не знамъ ищы котра мя лѣпше полюбить!

Настя:

Го-го-го! О чемъ Вы тамъ зашли (махнула рукою) (Петрови): Не кричь гопъ, ажъ якъ перескочишь.

Андрей:

Я барзъ радъ, же Вы ту мате такы дѣвчата и хлопцевъ охочихъ до науки. Вы ся ту, видно, лѣпше тримате, якъ мы на нашой странѣ.

(Петро сѣдять въ сторонѣ на лавку, дѣвчата коло него, разомъ собѣ бесѣдуютъ и смѣются по тихи. Николай и Андрей при столѣ.)

Николай:

Та сѣдайте Андрей, повѣчте, што тамъ нове коло Васъ.

Андрей:

Ничого такого нового, лемъ народно якоси достъ слабо стоиме. Паны насъ дусягъ и голодомъ морягъ, а народъ ся боить дашто робити, бо знате, нѣтъ кому за нами постояти. Лемъ ся надѣеме и озерами ищы на тотъ нашъ народъ въ Америкѣ, кедъ тамъ вшытокъ ся соединить, то буде за нами кто обстати и помочи, а то додасть намъ ту вельо духа до борьбы и защиты нашей русской школы, правъ и свободы.

Николай:

То правда, Андрею, тотъ Лемко-Союзъ въ Америкѣ, то еденъ правдивый выходъ зъ нашой народной гибели и пропасти. Но зато и намъ ту не треба лемъ ся озерати и чекати съ заложеныма руками, но треба и намъ сердечно приготолитися и соединяти нашу народну силу въ организаци. О томъ побесѣдуемъ еще больше позднѣйше, а теперь . . . Я барзъ радъ, што Вы ту пришли, бо я ужъ задумалъ самъ перейти къ Вамъ, жебы ся разомъ нарадити, што мы маме робити и якъ ся тримати разомъ въ той нашой народной справѣ. Якъ знате, часъ не чекать, а ту чути, же наши шляхтиче въ союзѣ съ вашима панами, замышляють штоси нове и несподѣване для насъ, зато я придумалъ одну штуку, якъ мы можеме нашихъ пановъ настрашити або може ся и позбыти и о томъ хотѣлъ я съ вами побесѣдувати.

Андрей:

Такъ штоси и я мамъ предчутя, што мене ту тягло, а до того малъ я чудный и страшный сонъ о насъ обоихъ и зато я ту пришолъ, бо хотѣлъ вамъ го оповѣсти.

Николай:

(Усмѣхнулся). Добри, та повѣчте же Вы свой сонъ найперше, а будеме видѣти, ци вы дашто не видѣли во снѣ таке, якъ я на правду задумалъ.

Андрей:

(Зачинать, а дѣвчата и Петро встають и присуваюгся ближе). Не знамъ я акуратно, якъ зачати тотъ сонъ оповѣдати, бо ни початку, якъ ся належитъ не было, а зрештомъ знате, якъ то сонъ, зачнеся безъ початку и урве ся въ серединѣ, або зачне ся съ конца, такъ и въ томъ не было початку.

Петро: Але зато есть конецъ

Андрей: О, конецъ есть и то страшный конецъ!

Настья: Не прерывай Петре, най оповѣдаютъ.

Андрей:

Якоси то ся такъ стало чудомъ, што мы оба я и Николай мали зме барзъ высоки становиска, сидѣли мы на высокихъ, золотомъ обшиваныхъ престолахъ. Просты люде ани до насъ доступу не мали, а велики достойники носили насъ на своихъ плечахъ и цѣлували намъ руки и ноги.

Николай:

Гмъ . . . Чудный сонъ, певно зме были даякима кралями або царями?

Андрей:

Та где тамъ! Цари и крали сами ся намъ кланяли и руки цѣлували, хоць на правду мы имъ служили, бо мы тримали бѣднѣй народъ въ своихъ рукахъ, въ подданствѣ и послушенствѣ. И такъ мы были найвысшима патріярхами — епископами. Николай былъ православнымъ, а я римско-католицкимъ.

Петро:

Та епископы повинни служити Богу, а не царямъ и кралямъ.

Андрей:

Такъ насъ учить правдива Христова наука, але гдежъ днесъ правда на свѣтѣ?

Николай:

Правду волкы зѣли въ лѣсѣ, а мы служили зме не Богу, але мамонѣ, грошамъ, для богатства, для славы и почести.

Андрей:

Такъ оно есть днесъ на свѣтѣ. Не буду я оповѣдати цѣлого нашего житья, а лемъ коротко повѣсти, мы жили въ такихъ роскошахъ и наслажденіяхъ земной жизни, што ани въ небѣ такъ не може быти.

Петро:

(Смѣся). Шкода превелика, же я вамъ даякимъ слугомъ не былъ, а то не жаль было бы и жити на свѣтѣ.

Парася: Тихо Петре!

Андрей:

Не шкодуй, бо може бысь ужъ жалувалъ, бо всьо то было лемъ до часу. Зачали крали — цари воювати. Наробили бѣды, несчестья. Народъ не могъ той бѣды и войны перенести, началъ буритися и робити революціи. Началася

бѣда и памъ. Зачали валитися доловъ высоки троны и летѣти короны золоты зъ головъ. Пришолъ часъ и наши троны зачали хвѣятися. — А вшиткой той бѣды наробили большевики. Начали они учити и просвѣщати простый народъ. Народъ начиналъ одвертатися отъ насъ, не хотѣлъ насъ больше слухати и вѣрити намъ, а зачиналъ жити по своему, своимъ простымъ розумомъ.

Петро: А вамъ ся то барзъ не любило?

Николай:

А ктожъ бы на такомъ високомъ становиску могъ таке любити?

Андрей:

То ужъ певно така людска натура . . . Но штожъ было робити, треба было спасати наши становиска и высоки троны. — Познали мы ся разомъ, бо знали зме, же такъ еденъ якъ и другій съ особна оба пропадеме. Жебы зме ся могли разомъ ратувати, мы выдали декретъ будувати “Священный Союзъ” римо-католиковъ съ православными для борьбы противъ науки и просвѣщенія простого народа, противъ нищенія нашей вѣры и теперишнихъ порядковъ на землѣ.

Николай:

И якъ то мы на томъ вышли, не барзъ добри . . . га?

Андрей:

Вы знате, же цыганствомъ свѣтъ перейде, але назадъ не верне, бо правда перше ци позднѣйше все муситъ на верхъ выйти. Такъ и намъ ся урвало и дальше ся намъ не везло. Мы зачали ѣздити отъ мѣста до мѣста, отъ села до села, по обоимъ сторонамъ горъ Карпатъ, хотѣли мы учити народъ, но не было кого, народъ насъ ужъ не слухалъ, лемъ отвертался отъ насъ. Наши слова не всбуджали нѣякой вѣры и наши золоты шаты и высоки становиска, ничъ не помагали.

Николай: Но и штожъ дальше?

Андрей: (Закурюе файку). Гмъ . . . видите пропала наша слава, наши роскоши царства на землѣ, але не тратиме надѣи, ѣдеме дальше и такъ доѣхали мы, ажъ ту на найвысшій верхъ горъ Карпатъ. Ночь была такъ темна, што дальше ѣхати не можна было, а то была ужъ достъ поздна година и такъ наши слуги пристроили намъ ночлегъ въ лѣсѣ. По-

лягали мы собѣ, тай змучены съ дороги доразъ твердо заснули. (Зновъ закурюе).

Петро: А штожь Васъ загнало ажъ ту до Карпаты? Тажь тамъ треба было ратувати, где больше народа и где нищать тоту теперишню цивилизацію. Карпатскій народъ бѣдный и такъ побожный, што го не треба побожности учити, а до того то лемъ мала часточка великого русского народа — тамъ треба было спасати въ Россіи.

Андрей: Въ томъ то и цѣла штука, же тамъ ужъ не можъ было ничего зробити и мы мусѣли спасати себе Карпатороссами. Хотѣли мы организувати всѣхъ Карпатороссовъ и такъ выбити вшиткихъ большевиковъ въ Россіи.

Петро: И якже ся скончило, побилите большевиковъ?

Андрей: Та где тамъ! До того ажъ не дошло, бо коли мы такъ заснули солодко въ лѣсѣ, наразъ стался шумъ, блискавицы и громы. Отворилъ я очи — страшно, блискать, громы бють, а дождя нѣтъ, ночь темна, а видно ясно, якъ чорти лѣтають кругомъ въ повѣтрю. Позерамъ за слугами, ани имъ лѣку нѣтъ, лемъ я и Николай, оба позбераны въ нашихъ золотыхъ шатахъ, а коло насъ кругомъ стоятъ чорти. Бѣда, думамъ, но штожь робити, крестимеся и молиме, но не помагаты, они ся не боятъ, лемъ ся регочутъ. Поставили насъ обохъ въ задгузъ плечами до себе (показуе всьо) и такъ сковали ланцухами, руки и ноги до купы, а потомъ зновъ ланцухъ черезъ наши поясы. Просиме мы и молиме, ничъ не помагаты, лемъ свое роблять.

Петро: А якже сте могли ийти, ни впередъ, ни взадъ?

Андрей: Думалъ и я о томъ товды, якъ то буде, но стало ся иначе. Наразъ сталася предъ нами колода, розкročили мы ся на ню разомъ и чорти посѣдали кругомъ, стался трискъ, шумъ и дымъ, здавалося, якбы ся земля распала подъ нами. Я думалъ съ початку, што мы летиме въ яму, въ землю, але коли я ся опамяталъ, то мы долго летѣли высоко понадъ землю, понадъ горы и лѣсы. Такъ мы летѣли барзъ далеко. Наразъ видно ясность, думамъ: Ага, ужъ зме въ пеклѣ! а ту позналъ я, же то на землѣ, бо то была тота наша крижовка, ту на границѣ. Колода отустилася съ нами на землю и такъ чекаме, што дальше буде.

Петро: И што Вы ту видѣли?

Андрей: На самой крижовой дорогѣ великій огонь,

надъ огнемъ стоитъ величезный котель на трехъ ногахъ, а въ котлѣ смола зо сѣркомъ кипить, а дымъ самый чортъ не може вытримати, такъ дусить. Въ томъ котлѣ смажаты души, но то не были души, бо душу видѣти не можна, а то были люде съ тѣломъ. Думамъ собѣ, тажь пекло повинно быти ажъ деси на другомъ свѣтѣ, ци може въ землѣ, а то якъ видно неправда, бо оно такой ту есть на томъ свѣтѣ, на нашей землѣ и меже нами, на нашей крижовой дорогѣ.

Настья: А што чорты роблять?

Андрей: Чорты, то такъ подобно якъ при войску, подѣлены на компаніи и отряды. Вшиткы роблять свою роботу, едны носятъ дрова, угля и подкладають до огня, другы доносятъ смолу и сѣрку, инши приносятъ новыхъ людей, зновъ иншы мѣшають въ котлѣ и пильнують, жебы ся вшиткы еднаково въ смолѣ купали и смажыли. Страшны муки, акы тамъ люде переносятъ, такъ што я Вамъ не годенъ такъ оповѣсти словами, што я тамъ видѣлъ черезъ ночь. Каждый человекъ въ котлѣ и пищитъ и кричитъ и рычитъ по своему, такимъ звѣрячимъ преразливимъ голосомъ, што страшно слухати, а вшиткы отъ крикъ, йойкъ и зойкъ творить якуси барзъ страшну, преразливу музыку, отъ котрой ся чортамъ хоче танцувати и такъ они скачутъ, гуляють якбы до такту наоколо того, што ся въ серединѣ дѣе.

Петро: А ци люде, што тамъ были въ котлѣ, богаты и бѣдны разомъ, ци лемъ такы бѣдны якъ и мы?

Андрей: Та где тамъ, бѣдныхъ тамъ не было, бо бѣдны мають пекло ту на землѣ за житья, але суть тамъ вшиткы самы богаты, такъ духовны якъ и свѣтски велики паны превелебны.

Парася: А босоркы тыжь тамъ суть?

Андрей: Въ котлѣ я ихъ не видѣлъ, але зато понадъ котель, едны на кочергахъ, другы на метлахъ. Якъ мышпергачи лѣтали.

Петро: Вы ищы не доповѣли, што ся съ вами стало?

Настья: Та бо имъ не дашь, лемъ все прерывашь.

Андрей: Заразъ буде и конецъ. Росковали насъ потомъ обоихъ и якъ не штуркне мѣ едень до задку вилами, та

ажъ емъ обомлѣлъ. Вилы влѣзли глубоко до тѣла, але тѣло было якеси таякъ гумове, што коли вилы вытягнулъ, та не было ани ранъ ани крови. Поправилъ ищы разъ вилами, двигнулъ мене якъ перо понадъ котель и такъ помалы опустилъ. Тѣло сквершитъ и палить такъ поверха, якъ и въ серединѣ, не до вытриманя. Што я съ болю робилъ, того ужъ не памятамъ, но моя стара оповѣдала потомъ, жемъ барзъ гикалъ . . . Памятамъ, штомъ хотѣлъ ся выдерти и вылѣзти понадъ плечы другихъ до горы, а ту якъ мѣ не дастъ еденъ варихомъ меже очи, а другій вилами презъ голову и такъ попхнулъ мя ажъ на саме дно котла. Не знамъ, якъ долго ябы такъ мучился, колибы не моя стара Орина, штуркатъ и штуркатъ: “Андрей! Андрей!” и не могла ся мя знате, добудити, а коли я ужъ очи отворилъ, прошуся: “Та што ти таке?” “Цись здурѣлъ, гварить, што такъ кричишь и гикашь?” — Я знате протрищилъ очи, опамятался, цѣлый мокрый якъ мышъ . . .

Всталъ я, правѣ была полночь, переблюкса, прекрестилъ и подякувалъ Богу, же то былъ лемъ такій страшный сонъ, а не правдиве пекло. Положился до постели, але ужъ до рана не заснулъ. Такъ потомъ и цѣлый день, ледво чекалъ вечера, штобы ту перейти, думамъ, може дашто съ вами не добре ся стало, а сонъ предвѣщатъ.

Николай: А штожь ся зо мною стало — сте не доповѣли?

Андрей: Што съ Вами было, того ужъ не знамъ, бо я ужъ лемъ себе видѣлъ и въ котлѣ никого не познавалъ, но што я самъ видѣлъ и вызналъ въ томъ снѣ черезъ одну ночь, того я не годенъ Вамъ такъ оповѣсти, штобы Вы могли тото отчувати, якъ отчувалъ я. Но знамъ едно, же то, што я вызналъ лемъ во снѣ, того я не лемъ Вамъ, але ани самому чорту не жичу.

Настья: И Вы не боялися ту сами прити, презъ тоту саму крижовку?

Андрей: Якъ бымъ ся боялъ, та бымъ ту не пришолъ, але я самъ такому не вѣрю. А сонъ есть только мысль не-сознательна и человекъ ей самъ сконтролювати не може. Наслухали мы ся съ дѣтинства розмаитыхъ байокъ и тото ся намъ теперь не лемъ во снѣ, але и на явѣ привижатъ.

Николай: Правда, што человекъ чуе або думать, тото

ся потомъ снуе въ мысляхъ, такъ въ день якъ и въ ночи, въ ночи лемъ человекъ не може тоты мысли по своей воли контролювати. Но мысли людски ся якеси снують и ходять, бо и въ вашомъ снѣ есть штоси подобне, о чомъ я хотѣлъ съ вами бесѣдувати.

Андрей: Повѣдайте, а я радо Васъ выслухамъ и допоможу.

Николай: Вы знате ужъ наше взаимне народне положеніе, знате такъ само, якъ и мы ту на нашей сторонѣ, о Лемковскомъ Союзѣ, о его задачахъ и цѣляхъ.

Андрей: Такъ, я то всьо знамъ и разумѣю.

Николай: Якъ я вамъ перше вспоминалъ ужъ, же наши шляхтичи и ваши панове соединяются разомъ, и якуси нову штуку противъ насъ лемковъ замышляють.

Андрей: Але ищы не знате што?

Николай: Нѣтъ, не знамъ того, але я чулъ, же разомъ ѣздять отъ села до села, всяди нараджаются и штоси плянують. — Коли до насъ пріѣдутъ, не можна повѣсти, но зато намъ треба ся приготовить, жебы зме знали якъ ихъ принять.

Андрей: Ага, а то може я ихъ видѣлъ, зъ нашей горы, бо ѣхала якиса пышна панска карета, якихъ не видно въ нашихъ горахъ.

Николай: Може бити, же то они . . .

Настья: (Удае, же чуе шумъ на дворѣ, встает, смотритъ до оконца). Та ужъ ту есть тота карета. (Всѣ идутъ смотрѣти).

Парася: А мы, Настьо, лѣпше подме дому на вечерю (выходятъ).

Николай: Якъ такъ, та Вамъ оповѣмъ позднѣйше, я мамъ вшитко готове (сѣдають коло стола и бесѣд. Петро читатъ газету).

СЦЕНА 3: (Дѣвчата отходятъ).. **Николай, Андрей, Петро, Юзефъ, Яношъ, потомъ Васько.**

Юзефъ: (Входятъ шляхтичъ съ кнутомъ въ рукахъ, за нимъ панъ Яношъ брюхатый и розглядаются.) (Юзефъ до Ник. и Андрея). А цо Вы тутай маце?

Андрей: Якъ сами, пане, видите, маме ту читальню, маме книжки, ту ся сходиме, читаеме и бесѣдуеме.

Юзефъ: А такъ, такъ, я то южъ відзе, же то такъ выгльонда якъ чительня, алье якъе то ксьонжкі тутай читацье?

Николай: (Указуе на столъ). Та видите, што русскы.

Яношъ: (Презератъ книжки). Не плетте глупства, тажъ ту русска не ма, а Вы сте украинцы, вшецко русске большевицке.

Николай: О . . . нѣтъ панове, Вы ся барзъ мылите, бо Украина надъ Днѣпромъ, а ту вшиткы руснакы, такъ по одной, якъ и по другой сторонѣ границы, а ту на западѣ по нашой бесѣдѣ, учены называютъ насъ лемками, а то есть найстарше русске племя.

Яношъ: (До Андрея). А цо вы ту дѣлате, на тей странѣ, Вы не віте, же границу преходить не слободно?

Андрей: Я ту мамъ до нихъ потребу (указуе на Николая) и за то я пришолъ ту презъ гору, а не презъ границу. Зъ давень давна, ту границы не было и люде преходили свободно, бо то еденъ народъ. Мой отецъ походить съ той страны, а и вельо родныхъ есть въ томъ селѣ зъ нашой страны. Якижъ вы ту можете робити границы меже еднымъ народомъ?

Яношъ: А ужъ я се постарама о то, цо вы границу преходить не будете.

Андрей: Правда въ вашихъ рукахъ, та пробуйте (усуватся и чекать коло двери.)

Юзефъ: Презератъ книжки, потомъ смотреть черезъ окно и кричить зн двери): Гей Вацьку! ходзь но ты тутай!

Васько: (Входитъ, якъ звычайно льокай) Т.т . . . ту естемъ п-п-панѣ воевода.

Юзефъ: Попачъ но ты Вацьку, яке то ксьонжкі те лемкі читайомъ.

Васько: (Презератъ книжки и газеты) Т-т-та г-газета, то есть н-н-на льемковскимъ е-нзику, а-алье друкована п-п-по ммоскальску, а тте вшисткѣ к.к.ксьонжкі, то м.москальскѣе.

Николай: Брепешъ! Бо то не правда, бо . . .

Юзефъ: (Прерыватъ) Туй-туй-туй, помалютку!

Яношъ: (Подае книжечку Васькови). О чемъ она учы?

Васько: (Читатъ). Я-я-якъ завести пасѣку?

Юзефъ: Гм . . . то значи о пчулкажъ, такъ?

Васько: (Помылился). А я. т-т-такъ есть, ппипроше пппана.

Юзефъ: (Подае). А та друга?

Васько: О садовинѣ.

Яношъ: (Подае иншу). А та?

Васько: Яяякъ треба жжити, щцобы дожити 100 лѣтъ...

Юзефъ: Ага, хцомъ, відаць, длужей жиць, якъ тшеба.

Яношъ: (Подае).

Васько: (Читатъ). Годовля свинѣ.

Юзефъ: (Подае). А цужъ та за една?

Васько: То ккконститтуція гррепублики пппольской.

Юзефъ: А такъ, то оні майомъ и нанюмъ конституціе, добрже, а та цо за една?

Васько: Што ллюде ууузнали при пппомочи мммикроскопа?

Юзефъ: (До Яноша): Ого, то оні южъ і такѣ ржечи сіенъ учомъ? (До Васька): І ты мувішь, Вацьку, же то нѣ сомъ пісане икраинскимъ ензыкѣмъ?

Васько: Тттакъ есть, пппроше пппана вввоеводы, ттто сомъ вшысткѣ пппо мммоскальску пісане.

Николай: (Въ злости) Не брешъ, бо то сутъ книжки друкованы въ томъ краю, на русской бесѣдѣ и сутъ намъ дозволены читати краевомъ цензуромъ.

Юзефъ: О.то такъ-такъ А цужъ ты такъ скачешъ въ злосцѣ хлопѣ, пшецьежъ то можна помувіць и лагоднѣ, а якъ то мувьомъ, лагодне цьельонтко двѣ кровы ссье.

Николай: Теля може собѣ ссати, а онъ чловѣкъ, то най не бреше якъ собака, бо тоты книжки намъ сутъ конституціомъ дозволены.

Юзефъ: (Подноситъ руку). Тутъ-тутъ! То може быць и правда, алье пшецьежъ мы мамы и льепше ксьонжкі на польскимъ альбо на украинскихъ йензикахъ.

Николай: Украинскихъ намъ не треба, а польскихъ мы не хочеме, бо мы маме свои, на што намъ чужихъ.

Юзефъ: О . . . такъ? То якъ я відзе, то лагоднѣ съ вами нѣ порадзі. Теразь то я южъ розумѣемъ, чего вы хцецье . . . (До Васька): Ты Вацьку, ппшиньсь вшистко до йедзеня, а по йедзеню спожондзишь вшистко на ноцлець для насъ. (Вацько выходитъ.)

Николай: А што вы, панове, може думате ту ночувати?

Юзефъ: А якже! Тутай пшеноцуемы, а на ютро запровадимы у васъ нове пожондкі.

Николай: Алежъ вы панове ту ночувати не можете!

Яношъ: Мы не просимъ, можно лебо не можно ноцовать!

Андрей: Въ томъ домъ страшить, повѣдають.

Николай: Такъ, то правда, зъ вечера мы ту маме читальню, а потомъ то ужъ цѣлу ночь чорты гуляють.

Юзефъ: (Паны смѣются). Ахъ! Нье муфцье глупствъ, мы жадныхъ страхуфъ ани чортувъ сье нье боимы, а якъ пршийдомъ, то ихъ пошльемы вразъ зъ вами, глупіма лемками до самого шьекла.

Николай: Жебы сте могли, но вы сами собъ не порадите и я васъ престеригамъ, што спати ту не будете.

Яношъ: А ктожъ намъ може збранить, мы ту такъ слободны, якъ у себе дома.

Юзефъ: Такъ есть, моцомъ панье! (Съ погардомъ): “Вольнось Томку въ своимъ домку,” а пшецьежъ мы тутай на польскъей зьемі.

Николай: А я все думамъ, же вы ся барзъ мылите, але якъ не слухате доброй рады, послухате инакшой.

Юзефъ: (Въ злости) Охъ! . . . Выносцье сьенъ съ тондъ и дайцье намъ спокуй зъ вашыми страхами!

Николай: Та не будте таки противны панове, же Вамъ правду повѣдамъ, а мы и сами на часъ выйдеме.

Николай и Андрей и Петро: (Входятъ). Добра ночь панове! . . .

Юзефъ: (До Яноша, коли Андрей и Николай вышли). А то панье добродзьєю, шишекльенте сьерво, те руснакі, цалкіемъ шшесьенкньете москальофилствомъ и здае сье, же сомъ розумне, а те хамы, еще вьежомъ въ такъе глупства, якъ страхи, чарты. (Яношъ только ся усмѣхуе и свои паперы съ торбы выбирать и презерать).

Юзефъ: (По хвили) Й якъ я відзе, то тутай мамы до роботы съ москальофильствомъ. Трудно бендзьє вынародовіць штукомъ и здае сье, тшеба тылько выслаць цаломъ дивизые войска и выржонць до тла.

Яношъ: Гм . . . и якъ то дьело буде выгледать предъ светомъ?

Юзефъ: А просто цивилизовано. Сами устроимы бунты штукомъ, а потемъ повѣмы, же то “пацыфикація” была потшебна.

Яношъ: Панье воевода, препрашамъ васъ, але я уважамъ вашъ плянъ вынародовенія не цалкомъ добри.

Юзефъ: А якжежъ можна иначей добродзьєю? Ту иней рады ньема, бо то відаць завзьентосць ньеугньента.

Яношъ: Тра уживать льепше способы.

Юзефъ: Съ німі нье можна иначей порадзіць, такъ якъ робімы съ украинцамиі. Съ украинцамиі то можна порадзіць на вшисткье способы. Всунонць кілька злотыхъ и южъ купьоны. Пшыобьецаць вудкі, кьелбасы и робьомъ и шшестаіомъ на цо тылько зехцемы.

Яношъ: Характеръ украинскіхъ лидеровъ дае ся на вшитко яжить.

Юзефъ: То дячегожъ характеръ тей старорускьей людносці ма быць одмьенны, такі завзьенты и упарты.

Яношъ: Ту есть стары горскы лідь. Лідє ту жію и утримую стары свои отцовскье преданья, а зато ся такъ у купе вшецке раземъ држать. Украинцы, то ужъ слабши характеръ, податливы.

Юзефъ: Такъ, добже, добродзьєю, пшецьежъ украинцы часами робьомъ бунты і повстаня и дячегожъ бы нье можна было ужиць того самого способу і на тыхъ упартыхъ лемкуфъ, ктужы нье хцомъ добровольнє пшыймаваць нашомъ польскомъ школе, науке і культуре?

Яношъ: Препрашамъ, пане воевода, але вы мусите знать, же не на вшетко можна того самого способу ужить.

Юзефъ: Якто, панье Яношъ? А якьегожъ способу вы уживацьє, на вашей строньє?

Яношъ: А мы то ужъ не такъ-силомъ. Мы уживаме на то школу для младыхъ, свое хвалиме, а ихъ ганьбиме и то найльепша метода для младшого покольєня.

Юзефъ: А цужъ вы робицьє зе старыми?

Яношъ: Для старыхъ то мы ужъ маме таку систему, цо помалу мы ихъ гладомъ вымориме, а на ихъ мьєста насыламе нашъ словацкій и ческій лідь. А такъ по тиху и слѣду въ Карпатахъ о руссохъ не остане.

Юзефъ: Гм . . . Якъ відаць, то ваше методы льепше, хоць

правда и мы такъ по трохе робімы, алье на мнѣйшомъ скалье, алье я завше еще мысьлье, же то можна батемъ і збройомъ змусиць ихъ пшийонць нашомъ культуре.

Яношъ: Правда, вы то зможете ихъ поддать ся вашей воли, но только по верха; а у средку, въ душе, у нихъ остане только ненависть ку вамъ. На батъ и зброю, теразъ есть право, зато треба дѣлать такъ, цобы выгльедало цивилизовано, предъ свѣтомъ.

Юзефъ: Якъ сѣ здае, то ваша рада добра и о темъ еще вьенцей помувімы, и натуральне я томъ справе муше подньесць на радзье министрurfъ. — А гдзьежъ тенъ глупі Вацько, такъ длуго сьенъ забавілъ? (Смотритъ въ окно) А южъ идзье,

Вацько: (Входитъ).

Юзефъ: А гдзьежъ ты былъ такъ длуго?

Васько: Бы.б.былемъ к.к.купіць свѣжей ве-ве-вендзонкі.

Юзефъ: А кура есть?

Васько: Т.т.такъ есть, пр.пр.проше па-па-пана.

Юзефъ: Пшиньесъ вшыстко цо есть, а такъ само припъесъ фляшке коняку и кьелюшкі подай на стулъ.

Васько: (Кланяется). Д.д.добже папанье вовововоевода (Выходитъ и заразь приносить велику валізу, вынимать фляшку и келюшки и ставитъ на столъ. Юзефъ бере наливать и пють, а Васько отверненный бокомъ, крае хлѣбъ и колбасу, кладе на тарелки вендзонку и куру, но тымъ часомъ якъ робитъ, переберать и самъ ѣсть, што лѣпше, такъ што мало сѣ не задуситъ).

Юзефъ: (Наливать и подае). Такъ, то трохе подкшепимы сѣ конякъемъ, пшеконсімы и такъ на ютро забьежемы сѣ знову раземъ до працы дальшого опанованя Карпатъ, для нашей вспульней кожысці. (Подноситъ). Но панье Яношъ, нѣхъ жые наше панованье въ Карпатахъ и наше моцарство становиско

Яношъ: (Подноситъ). Наздарь! Панье воевода! (Пють).

Юзефъ: Прендзей тамъ Вацьку, подай то ѣдзенье.

Васько: (Полькаты перне то, што ѣсть, а такъ) Ззаразь бе-бе-бендзье го-го тове. (Подае накраяный хлѣбъ и вуженину и вертатся самъ, панове прекусуютъ, а Васько тымчасомъ крае колбасу и на кладать смажену куру кавалками, презентать и зновъ самъ ѣсть, што лѣпше).

Юзефъ: (Прекусивши троха). Вацьку!

Васько: (Зо страху, зновъ сѣ дуситъ, а потомъ) Зазаза-разъ бебебендзье кккккслбаса и кукуккура.

Юзефъ: (Незважаючи) Вацьку, ходзь но тутай.

Васько: (Повтераль уста, подходитъ и кланяется) Сссслу-хамъ ппанье воевовоевода.

Юзефъ: Чы ты розумьешъ добже розмове тыхъ тутай руснакуфъ?

Васько: Ттттакъ есть, ппппроше пана вововоеводы.

Юзефъ: (Смотритъ на Яноша и разомъ собѣ киваютъ головами). Слухай Вацьку Мы мамы ту для цѣбье важне справе на ютро и ѣжелі ты сѣ добже справішъ, то и похвале и награде въ пьеньондзахъ отшимаешъ.

Васько: Д.д.добже, папанье воевовоевода, я еестемъ до уууслугъ папананьскіхъ, за нашомъ ненененьке Ууукраине,

Юзефъ: О такъ, такъ, то сѣ мі подоба, а Украина то вамъ южъ давно обьещана и достаньеце ѣомъ, алье якъ тылькы тыхъ москалюфъ тутай нѣ станье. — Польеценье наше дамы тобье на ютро, а теразъ подай и куре на стулъ. (Васько утѣшенный кланяется, подае всьо на столъ, а Юзефъ зновъ наливать и пють, до Яноша): А то мамы, панье Яношъ, здрове повьетше въ тыхъ гурахъ, наветъ и жолондекъ потшебуе вьенцей. (Пють, ѣдятъ и говорятъ).

Яношъ: Ту не только здраве повьетрше. Тотъ край, тоте гори и вшицко, то есть саме богатство не нарушане. У тыхъ горахъ маме вшецко, цо е потребне. Ту есть соль, нафта, сярка, железо и вшицкье минералы.

Юзефъ: (Юзефъ сѣ увагомъ слухать, потомъ смотритъ на годинку) Ты Вацьку, тымчасомъ пшиньесъ и пшиготуй лужка, бо южъ досць пузьна годинка. (Васько выходитъ)

Яношъ: Ту маме сухе повьетрше, высокье положенье и вшелякье минеральне воды. . . . Я вамъ поведамъ правду панье воевода, мы ту нѣкьеды устроиме для себе панскій рай на земі, якьего еще жадна краина на свете нѣма. (Вацько входитъ перестрашенный, блѣдный, ледво живый — панове смотрять на него).

Юзефъ: Цо ці есть Вацьку?

Васько: (Хоче, но не може, указуе рукомъ до окна) Тттамъ . . .

Юзефъ: Тамъ . . . (смотритъ презъ окно). Цо тамъ есть?

Васько: (Силится) Ч.ч.ч.ч. . . . (полыкать слину)
Ддябблї . . .

Юзефъ: (Смѣся). Охъ цо плъецьешъ глупства, нїякихъ дьяблѹфъ нѣма.

Васько: (Засъ полыкать слину) Попопопачцьє сасасамї...

Яношъ: (Встає отъ стола иде и смотритъ, за нимъ Юзефъ и вертають до Вацька) Я тамъ ничъ не видимъ.

Юзефъ: Тамъ ниць нѣма и ниць нѣ відаць.

Васько: (Очкнувся троха) Тататамъ на рrrrrроздорожу, гггдзьє мы ѣхалї горитъ и и и они тттамъ танцццуйомъ, а а а два сссьєдзомъ въ нннашей кккарецьє.

Юзефъ: (Иде смотритъ, а Васько тымчасомъ лѣзе подъ столъ, Яношъ смотритъ и смѣся.) О то глупїй хамъ, довѣжа ещє такїмъ пшывідзі мї сьє.

Яношъ: (Показує Юзєфови на Васька подъ столъ, смѣются оба, потомъ махнувъ рукомъ). Та не тра глупого виновать, его крвѣ са бужи, а его нервы въ страху указую ему то, въ цо онъ твердо вери.

СЦЕНА 4: Панове, Васько и Чорты.

(За сценомъ даєся чути съ початку слабый, потомъ што разъ сильнѣйшїй свистъ и шумъ. Незамѣтно подшмарити на сцену, приготовлену ракету, по взрывѣ огня и дыму, на сценѣ появляются чорты. — Панове съ початку озераются здивуваны, а при взрывѣ огня и дыму видятъ чортовъ, трухлѣють, не знаютъ, што робити, а по малы потомъ оба отсуваются отъ стола и лѣзутъ, еденъ до одного, другїй до другого кута. Чорты ихъ не зауважують, лемъ спѣвають собѣ на перемѣну, и скачутъ. . . .

Люциперъ: (Спѣвають) 1. Краями — панами
Богомъ почитаный
А людми — чортами
Люциперъ названый.

Антиппко:

2. Чортъ я собѣ простый
Хоць я и кривенькїй
Но зато я собѣ
Молодецъ шварненкїй.

Люциперъ:

3. Славу, гордость, злато,
И власть людямъ даю

За роскоши земны
Въ пекло попадаютъ.

Антиппко:

4. Роботу мамъ легку,
Свѣтомъ вандрувати,
Сильныхъ мїра сего,
До пекла звлѣкати.

Люциперъ:

5. Хотятъ собѣ паны,
Роскошно гуляти,
Але зато муситъ,
Прити часъ заплаты.

Антиппко:

6. Въ пеклѣ я под котлом
Дрова подкладаю,
И варихомъ въ смолѣ
Нечистыхъ мѣшаю.

Люциперъ: (Оба чорты зачинають фучати и форкати и розглядатися на всѣ стороны). Гдеси ту паньской душечки чути. (Видятъ пановъ по кутахъ и оба регочутся долго).

Оба: Ха-ха-ха-ха! . . .

Люциперъ: (Собѣ съ утѣхи посвистує и кивать, кличє пальцемъ до себе пана Юзєфа).

Антиппко: (До Яноша) А то ты мой драгїй Яничку? Та я за тобомъ половину свѣта ходзилъ и не нашолъ, а ты ту самъ, якъ разъ на твой часъ, до насъ на гостину пришолъ. (Оба паны поскладали руки якъ до молитвы, трясутся).

А ходъ же ты ближе до мене, драга душко моя. (Панове слухаютъ и вразъ помалы, недовѣрчиво посуваются на середину сцены предъ чортовъ).

Юзефъ: (Проситъ) Паньє Люциперъ! Дайцьє намъ ещє, хоць кїлька лятъ пожиць на тымъ свѣцьє и позволцьє хоцьяжъ закончиць нашомъ працє.

Люциперъ: Ха-ха-ха-ха . . . Ваша праца на томъ свѣтѣ была легка: Ёсти, пити, гуляти и веселитися и тота праца ужъ закончена, а теперь насталъ часъ заплаты.

Яношъ: Та то намъ вшитко на свѣтѣ данє было Богомъ, а не вами, абы мы то вшитко уживали.

Люциперъ: Ха-ха-ха-ха . . . Вы Яничку ещє не знате законъ Бога и якъ вы панове могли учити, робити и испол-

няти волю Бога на землѣ? Якъ вы можете кончити роботу Бога на землѣ, коли Вы сами не знате. Богъ казалъ вамъ творити добре, а вы творите зло. (До Юзефа) Гмъ . . . А ци ты знашь Юзю, на што Богъ сотворилъ человекъ на свѣтѣ?

Юзефъ: Абы жыль и уживаль вшысткіхъ его даруфъ на зьемі.

Люциперъ: (Кивнулъ пальцемъ на Антипка).

Антипка: Ха-ха-ха . . . Неправда Юзю, не правда. Богъ сотворилъ человекъ, штобы онъ працюваль и уживаль плода своей работы для житя. Богъ далъ человекъ законъ, а тотъ законъ вы надуживали.

Люциперъ: (До Яноша) А ци ты знашь Яношку, якіи то законъ далъ Богъ человекъ?

Яношъ: Богъ человеку закона не давалъ. Лиде сами сдѣлали законъ, а Богъ далъ человеку житье и власть пановать надъ свѣтомъ . . .

Антипка: Недобре и ты повѣдашь Яницку . . . Богъ далъ человеку законъ, робити добро на свѣтѣ. Онъ далъ людямъ всьо, што имъ для того потребне, далъ житье, силы, розумъ и слободну волю, но власти пановати надъ другими вамъ не далъ.

Яношъ: А ктожь далъ власть, якъ не Богъ?

Люциперъ: (Съ погардомъ) Я вамъ далъ власть, котру вы сте панове надуживали. Я богъ мамоны, облуды на свѣтѣ. . . . Я богъ и люциперъ пекла, далъ вамъ власть, далъ вамъ славу, гоноры, сребро, злато, роскоши и наслажденія, вы то вшитко принимали и уживали, позабыли сте законъ доброго Бога, дѣлати добро, а дѣлали сте зло. Вы служили мнѣ, богу пекла, а теперъ кончится нашъ контрактъ и пришло чась заплаты:

Яношъ: Мы съ вами жадного контракта не дѣлали.

Люциперъ: Ха-ха-ха. — О то такіи дипломатъ и о томъ не знае? (Вынимать чорну книжку и преберать карты).

То вы не знате о томъ, што каждый разъ, коли вы ломали законъ Бога, коли вы дѣлали злый учинокъ предъ Богомъ, коли вы уживали моего злата, славы, гоноровъ, роскошей, земного житя и всякой свѣтовой выгоды, а въ тотъ самъ чась, вы отбериали свободу житя другимъ людямъ (выберать Юзефови нагайку зъ рукъ и показуе Яношовъ

револьверъ на столѣ), вы уживали насильства, забериали працю другихъ людей, котру сами сте уживали, а ихъ морили голодомъ и збиткувалися надъ бѣднымъ людомъ и тотъ каждый вашъ учинокъ противъ Бога, вы записували для мене. (Чортъ преберать карты): Яношъ Главатый . . . разъ . . . два . . . три . . . штыри . . .

Юзефъ: Панье Люциперъ: А чи и я тамъ записаны?

Люциперъ: А якже! (глядать) Юзефъ Пиллюля . . . разъ . . . два . . . три . . . штыри . . . пять . . . Достъ есть и для тебе, ты наветъ машъ лѣпшій рекордъ, а зато достанешъ медаль въ пеклѣ отъ мене.

Яношъ: Та мы въ томъ не виноваты, такіи теразъ цѣлый светъ, цо мощный слабого дусить, такъ и мы муселі дѣлать и слухать нашей высшой власти. Наша вина повинна быть на тыхъ, ктержи маю высшу власть, бо мы дѣлали вшитко по приказу.

Юзефъ: Т-такъ, такъ есть, панье Люциперъ. Мы тылько спелняли розказы отъ высшей влады, а самі мы нье робили ніцъ злого.

(Антипка черезъ той чась, тѣшитя, посвистуе и подскакуе собѣ съ вилами на около нихъ.)

Люциперъ: Каждый человекъ отповѣдатель самъ за свои учинки и достае заслужену заплату. Богъ далъ вамъ розумъ и волю и вы могли робити добре, а не зло для человекъ. Треба было народъ учити правды на свѣтѣ, а не тримати его во тьмѣ и вызыскувати его. Приде чась и на вашу высшу власть, бо наразъ всѣ до пекла ити не можуть, нѣтъ мѣста.

Яношъ: Пане Люциперъ! Просимъ васъ, даруйте намъ еще, а мы поправимся, дайте намъ нато часу.

Люциперъ: Теперъ ужъ поздно жаловати, всьо мае свой чась, тра было знати перше, якъ жити на свѣтѣ. Вы сте учены, мали сте розумъ, не треба было слухати другихъ, а робити добре. Вы знали, што есть добре, а што зле.

Юзефъ: Даруйце намъ панье Люциперъ, мы еще по-старамы съе вшыстко направіць! . . .

Люциперъ: Ха-ха-ха . . . Направіць? Ха-ха-ха . . .

Я вашъ богъ! Вы мнѣ, богу мамоны, богу пекла служили, теперъ вы въ моихъ рукахъ. Направы я не хочу, я

на то далъ вамъ до рукъ власть и всьо, штобы вы зле робили и служили мнѣ, богу пекла.

Юзефъ: (Розглядать за образомъ и клякать, крестится, и молится. Яношъ смотритъ, а по хвили и онъ такъ само) (оба чорты регочутся, а Антипко скаче на около и приспѣвуе):

Антипко:

Чортъ я собѣ чортъ, чортъ,
Чортъ я собѣ чорный
Зо самого пекла
Я хлопецъ моторный.

Люциперъ: Ха-ха-ха . . . Молитва ваша не молитва, то лемъ якъ “трвога, то до Бога.” Правдива молитва есть и была въ вашихъ мысляхъ и учинкахъ. Цѣле ваше роскошне житье вы мнѣ, богу пекла молилися. Вы наслаждалися бѣдомъ, несчастьемъ вашего брата, а теперъ (пальцемъ дае знакъ Антипкови) я буду наслаждатися вашима муками . . .

Антипко: (Бере свои ланцюшки и колодку, звязуе имъ руки и ноги разомъ, оба панове зачинають плакати, проситися, но не помагать, коли всьо готово, зновъ ракета, огонь и дымъ, всѣ счезають.) —

Васько: (Подъ столомъ цѣлый часъ, потомъ вызерать и смотреть никого нѣтъ, вылазитъ помалы изъ подъ стола. Найперше пье собѣ просто съ фляшки, потомъ оглядать и пробуетъ корбачъ и револьверъ, прекусить и спѣвать:)

Уууукраинно ннаша мммати
Мммы тя бббудемъ шшшшанувати
Ннне длдаме ммы тттобѣ вмерти
Бббо пппаннівъ заббрали черти.

(Бере фляшку до лѣвой, каваль колбасы до правой руки, пье и закусуе, чуетъ зновъ свистъ и шумъ, озератся, а за нимъ зновъ чорты собѣ танцуютъ. Чорты вошли еденъ съ одной, другой съ другой стороны танцюючи. Васько трухлѣе и такой съ фляшкомъ и колбасомъ въ рукахъ упадатель на колѣна предъ чортами. Чорти лемъ собѣ под-скакують наоколо него.)

Люциперъ: Ха-ха-ха-ха. А ты Ваську думаль, же и чортамъ ужъ конецъ, га? . . . ха-ха-ха. —

Васько: Ппанове чччорти! Ддаруйте мммені бббід-ному чччоловікови! Я а а ллишень бббувъ ль-ль-льока-йемъ, у пппанівъ ннна сллужббі . . .

Люциперъ: Кто панамъ служить, тотъ мнѣ служить. (Съ гордостью) Я богъ земли и пекла.

Я даю панамъ власть надъ другима. Ты служилъ имъ, они служили большимъ. Ты былъ зрадникомъ твоимъ братьямъ, бо ты продавалъ ихъ за гроши панамъ. Ты такъ само уживалъ мое добро и роскоши на землѣ. За гроши, золото, горилку и колбасу ты продавалъ твоихъ братьевъ, твой народъ, ты робилъ ненависть, незгоды и зло твоему народу, зато нѣтъ тобѣ ту мѣся больше на землѣ, а съ тобомъ пропаде съ лица землѣ и твоя “паньска самостій-ність.” — (Дае знакъ).

Антипко и Люциферъ: (Берутъ его еденъ съ одной, другой съ другой стороны за руки, такъ што обѣ руки съ фляшкомъ и колбасомъ до горы меже чортами до публики. Взрывъ ракеты, дымъ, занавѣсь).

КОНЕЦЪ

Сынъ Лемка.

О Лемкахъ Бесѣда

Не знатя якъ выйде, што съ того буде,
Повѣдають, же лемкы незалежны люде!
Бо то гварять: Ни не рускы, ни не украици,
Не можь съ лемками выйти на нѣякы кінці!
То такы чудакаы ся поробили,
А недавно ици такъ тихо сой жыли,
Никто за нихъ не зналъ, што то за людина,
А теперь ся порушали! О матко едина!
Теперь всяди, где ся звернешь, за лемковъ бесѣда,
Едны гварять, же то добри, другы гварять бѣда!
Але то ся вшитко прейде и вшитко ся вытре,
И до лемковъ, якъ другыхъ, гнетъ каждый привыкне:
Бо то зъ дѣда и прадѣда есть лемковске мено,
Лемъ же дотля оно было неоголошено,
Бо даколи мы сидѣли и ничъ не гварили,
А панове якъ насъ хтѣли такъ насъ и дѣлили:
Половину паны польскы, чешскы половину,
На двѣ части розрѣзали нашу Лемковину,
Тай ици насъ подѣлили на партіи и вѣры,
Жебы зме ся дерли, били, сварили безъ мѣры.
Але мы ся спамятали, почали думати,
Лемко-Союзъ въ Америкѣ организувати
И мудрѣйшы ужъ ся горнуть до одной купы,
Едны гварять, же зме мудры, а другы же глупы
Най сой гварять, такъ якъ хотять, никто имъ не сперать,
Най лемъ Союзъ нашу силу до вѣдна позберать,
Такъ во свѣтѣ въ Америкѣ, якъ и старомъ краю,
А втоды ажъ всѣ народы насъ лемковъ признають.
И теперь ужъ каждый видить, не можь затаити,
Же лемкы хтятъ таякъ братья зо вшиткыма жыти,
Але хотять и для себе яке право мати,
Не позволять на всѣ страны себе розберати.
А якъ робить надъ нами збытка ледаякій паничъ,
Не признае нашихъ границъ, лемковъ мае заничъ,
То треба го проучити хлопскымъ параграфомъ,
Хочъ есть попомъ, редакторомъ, шляхтичомъ, ци графомъ!

Осифъ Болдышъ.

Марко Богачъ

(Повѣсть Ваня Гунянки).

I.

Хоронили Марка Богача, першого газду въ селѣ. Хоронило его 3-хъ священниковъ и то на первомъ мѣстѣ на цминтарѣ, недалеко небощика отца духовного, подъ самымъ головнымъ крестомъ.

Люде собѣ на тото кривдували, бабы и теперь, на похоронѣ позерають една на другу, мругають штоси и розумѣются видно, декотры, котры не розумѣють мруганя, шепчуть. Видно, не подабатся имъ, же Марка ховають съ такомъ парадомъ и то на первомъ мѣстѣ на цминтарѣ.

— Якъ бы такъ бѣдний, то бы го даде подъ лѣсъ вывлекли — шепнула Матрона Катренѣ.

— А панъ превелебный ани бы не покропили — тюкнула до уха Матронѣ Катрена.

Позрѣли на нихъ грозно панъ превелебный и Матрона съ Катреномъ, якъ бы ничъ не было, зачали варгами преберати и креститися.

Цѣлый парастасъ спѣвали надъ гробомъ и то якъ спѣвали! Никому ици въ селѣ такъ не спѣвали. Тоты два духовники, што приѣхали зъ дальша на похоронѣ Марка Богача, то вамъ мали такы голоса, што якъ заспѣвали, то бѣдного кантора нигде не было. Але же онъ тыжъ ся не давалъ, спасалъ свой гоноръ, то все зачиналъ, а потомъ кончилъ. Ужъ вшиткы престали спѣвати, а канторикъ ажъ втоды собѣ затыгъ, такъ затыгъ, што ся плакати хотѣло. И лемъ втоды го было слышно.

Проповѣди были двѣ. Одна о заслугахъ Марка Богача за житя, а друга на тему, што уготовалъ Господь для праведниковъ. Обѣ проповѣди были такъ горячи и преконуючы, што Матрона съ Катреномъ престали на себе позерати

и што хвиля вздыхали и крестилися. Каждому пришло на мысль: Ой, Божичку, жебы то мѣ такой похоронъ и такую проповѣдь по моей смерти . . .” Але каждый зналъ, што на такой похоронъ и на такую проповѣдь го не стати.

— За такой похоронъ и такую проповѣдь треба заплатити, а такъ заплатити може лемъ Марко Богачъ. И хоць небоцикъ Марко Богачъ грѣшилъ въ житю. а наконецъ согрѣшилъ найтяжше, бо наложилъ на себе руки, при такихъ молитвахъ, спѣвѣ и проповѣди его душа муситъ быти спасена — думали бѣдны. —

А треба вамъ знати, што Марко Богачъ повѣсилъ (тото слово лемъ шептали). Повѣсилъ въ саму службу божу, коли всѣ были въ церкви. Зашто и прошто го злый духъ опуталъ, размайтѣ бесѣдували. Што на томъ правды было, дознаемся дальше.

Лемъ едно ся люде помылили: Же душа Марка Богача пошла до неба, успокоилася. Но! Робилъ Марко Богачъ людьомъ шкоду за житя, але мало што меньше наробилъ той шкоды по смерти. Не могли ниякъ тому помочи ни духовники, ни самъ бискупъ. Такъ, самъ бискупъ приѣхалъ до села печатати гробъ Марка Богача и ничъ не порадилъ. Порадилъ ажъ бача.

II.

Мелянка тыралася помежи людей. Ей отецъ былъ коморникомъ на поповскомъ грунтѣ. Мелянчина мама умерла завчасу, обрывалася разъ, штоси такъ наремно двигла, што ся въ ней штоси урвало. О докторахъ ищи втоды въ нашихъ горахъ не знали ничъ, а хоць дакто и зналъ, то имъ не вѣрилъ. На другомъ селѣ была баба, котра лѣчила пару селъ. Смарувала, давала пити зѣля и загваряла. Кому тота баба не помогла, то ищи, якъ могъ хорый ходити, або го было кому завезти, то шолъ, або го везли до бачи. А якъ ужъ бача не помогъ, то не было ратунку. Такъ и для Мелянчиной мамы не было ужъ ратунку, бо до бачи ити не могла, а завезти не было кому, бо грайцара при душѣ не было. Што баба доходила, то лемъ за даяку куру, зерно, лаху, што было въ хыжѣ. По пару мѣсяцахъ Мелянчина мама умерла. Хоронили за патентомъ. Остала Мелянка, два рочна дитѣна, съ няньомъ Сандромъ. И хоць Сандеръ робилъ днями и ночами, въ день попу, а въ ночи собѣ, житя

зробити не могъ. Въ день треба было отробити хижку, въ котрой коморувалъ и тотъ бережокъ, на котромъ “сидилъ” и “сѣялъ,” а въ ночи треба было на томъ бережку робити, жебы ся дашто уродило для житя. Розумѣся, што корову утримати не можна было на томъ бережку, та лемъ козу Сандеръ трималъ, жебы для дитины была капка молока. Самъ постилъ. Не чудуймесь, коли Сандеръ выбилъ изъ силъ и умеръ. Хоронили го тыжъ за “патентомъ.”

А може дакто не знатъ, што то “патентъ?” Патентъ, то цисарскій дарунокъ, привилегія: У насъ жилъ старый Долинякъ, котрый служилъ цисарови и стратилъ ногу въ прусской, ци италіанской войнѣ. Долинякъ досталъ зато цисарскій патентъ, пять до шесть ринскихъ рочно. И того му люде завидѣли.

Такой цисарскій патентъ-привилегію достали и вшиткы бѣдны по смерти, такы бѣдны, котры не могли заплатити за похоронъ. Платилося вшиткого двѣ коруны. Умерлого приносили подъ звонницу, до церкви го не можъ было внести гробаръ приносилъ до жмени глины изъ цминтаря, тай положилъ на трумну. Коли пану превелебному было подорозѣ, то томъ глиномъ запечаталъ гробъ подъ звонницю и потомъ однесли добры люде на цминтаръ. Было то велике “добродѣйство” отъ цисаря для бѣдныхъ, бо лемъ подумати, якъ бы не тотъ “патентъ,” то бѣдный чловекъ бы мусѣлъ на верхъ земли лежати.

Похоронили Сандра, а маленка Мелянка, всего 7 рочна, остала на свѣтѣ. Такимъ дѣвчатомъ ужъ ся можна спомочи, то ся не чудуйте, што ся руки по ню вытягли и не треба было велького милосердія, штобы будь-котра газдыня приняла Мелянку до себе. Найблишша онашка мала до 30 гусей, а ту дѣвчатъ не мала, тай и взяла Мелянку до себе, за “свою.” Якъ ся жило нашой Мелянкѣ у своей онашкы, лѣпше не писати, бо што тамъ ся будеме мѣшати до бабскихъ бойокъ. Достъ же Мелянка подросла и вышло зъ ней шумне дѣвча, хоць все смутне, бо не могла ровнатися съ другима, газдовскимъ дѣвчатми. Ни той одежи, ни того гонору. Яко-си разъ панъ превелебный прикликали Мелянку и гварять, же панъ превелебной треба дѣвчате, ци бы она не пришла. Втѣшила Мелянка, бо ужъ ей барзъ твердо приходило у онашкы, а и иначе ужъ будутъ и други на ню смотрѣти:

Якъ служить, то служить, але служить на фарѣ. На таку службу ужъ и смотрѣли инакше. Хоць нонашка барзъ вельку бѣду робила, але трудно было съ паномъ превелебнымъ воювати, такъ што Мелянка прешла на фару.

Служила Мелянка на фарѣ 3 роки и дослужилася сынка. Розумѣся съ фары ей ищи до того выгнали и вшитки нѣомъ помитували. Приняла ей на коморство стара Матрона, котрой люде побоювалися, бо штоси знала. На кого Матрона была зла, то му такъ поробила, што ся му ничъ не карало: Молоко ся тягло, мышы зерно зѣли, захорѣлъ будь-кто дома и никто не могъ помочи лемъ сама Матрона.

У той то Матроны жила Мелянка, зо своимъ маленькимъ сынкомъ Маркомъ.

III.

Слабо росъ Марко, але росъ и крѣпнулъ, бо крѣпнути мусѣлъ. Знате, якъ то до такого вшиткы штуркають и коли нема силы отштурнутися, пропаде, або му око выбють, або слуху позбавягъ, або кулявымъ зробягъ. Тажъ Марко не малъ няня. Тажъ то бонкъ!

— Ты бонку! — кричала неразъ Матрона и штуркнула.

— Ты бонку! — кричали злы дѣтиска и каменями за нимъ метали.

А и Мелянка, хоць родна мама, неразъ хоць ничъ не былъ виноватый, потрясла Маркомъ, по головѣ вдарила и зо злостью и плачомъ нарѣкала: — Волѣлъ есь ся на свѣтъ не родити! Цѣле мое житя змарнене . . .

Марко чулъ, што никто го не любить, никто му доброго слова не повѣсть, никто бы не дбалъ, хоць бы доразъ пропалъ. Ужъ замаленка порозумѣлъ, што якъ собѣ самъ не поможе, то му никто не поможе. И ужъ замаленка зачалъ собѣ самъ помагати. Не можъ было при Марку лишыти дашто незамкнене, бо заразъ збабралъ молоко, отпилъ зметанку, зазрѣлъ до дѣжки, до сыра, вшиткого скоштувалъ. Матрона ужъ хотѣла ихъ выгнати обое за квару Марка, але упросила Мелянка и шкodu отробила. И ужъ отъ маленкости Марко досталъ привычку сховати дашто, бо неразъ былъ голодный, барзъ голодный. Зато любилъ забезпечитися, коли ужъ пришолъ до розуму. Будь-коли нашли за Маркомъ схованы окрайци хлѣба, яйца, ябка, грушки, даде въ сѣнѣ, подъ сподками. Зналъ ужъ Марко и продати будь-што

и центы сховати. Центамъ отъ дѣтинства ся тѣшилъ. Коли видѣлъ грайцарѣ, то ажъ ся му очы засвѣтили. А коли ужъ ся му цѣлкомъ розумъ выяснилъ и позналъ силу центовъ, што за цента, за гроши, можна достати вшитко, што лемъ хоче — Марко ищы лѣпши полюбилъ центы. И во снѣ центы видѣлъ.

Ужъ за хлопця Марко могъ зробити будь-што таке, што другий хлопецъ, хоць бы му руки поламалъ, не зробилъ: Таку вамъ боденочку на ягоды зробилъ, што якъ маленка “паннуса” видѣла, то плачучи пришла до панѣ превелебной, же она хоче боденку. Марко нарокомъ ей показалъ и хоць бы хотѣла забыти, то Марко, лемъ ей видѣлъ, та показалъ боденку, а “паннуса” въ плачь: “Мамо, я хочу боденку!”

Радъ нерад, панъ превелебный мусѣли боденочку купити: — Та дай ей тоту боденку, Марку — просягъ панъ превелебный.

— Та мѣ, пане, дають за ню двѣ шусткы . . .

— Кто ти дае двѣ шусткы?

— Та Ицко.

— Та я ти дамъ шустку, хочешъ?

— Та ужъ, якъ отъ пана превелебного, возму. И тѣшылися оба. Панъ превелебный тѣшылся, што хлопчиско лѣпше продасть ему за шустку, якъ Ицкови за двѣ, што его люде лѣпше уважають, якъ Ицка. А Марко ся тѣшылъ, што ошукалъ иегомосьця, бо Ицко му давалъ лемъ дудокъ, а онъ досталъ шустку.

Але то на той боденочкѣ не скончилось: Скоро Марко приносъ и маленку колыску, прайникъ, сито и т. д.

— Марко мае гроши — бесѣдували его ровесники и ужъ инакше ся съ нимъ обходили. Ба, Марко скоро купилъ ягничку, потомъ козлятко, въ осени продалъ. Ужъ и Мелянка и Матрона престали го бити:

— Марко мае грошы. — Стара Матрона повѣдала:

— Тотъ хлопчиско буде богачомъ.

Раз якоси Матронѣ треба было конечно пятку, бо каждый рокъ о томъ часѣ давала за душами и робила маленку почестну, а того року такъ пришло тяжко, што не было:

— Марку — гварить — позычь мѣ пятку . . .

— А який процентъ дате?

Отъ того часу маетокъ Марка росъ. Росъ въ день и

въ нощи: И гроши росли и ягнятка росли. Съ початку хлопци почали называти Марка богачомъ, а потомъ ужъ не лемъ село, але и цѣла околица знала Марка лемъ яко Марка Богача . . . Правда, не любилъ го никто, ни паробкы, ни дѣвчата, але побоювалися го, бо Марко зо вшиткыма знался и съ жандармами и секвестраторомъ, будь-коли го видѣли, же имъ далъ выпити, хоць онъ на будь-кого не втратился.

IV.

Коли Маркови пришолъ часъ женитися, то ужъ добри былъ опѣренный. Такъ, якъ бы даякій банкеръ въ селѣ. Едны позычали гроши, другы давали ховати. Кто позычилъ, платилъ процентъ, самъ не зналъ якій, а кто далъ сховати, то краснѣ дякувалъ за сховку, часомъ ищы отвдячилъ. Бо то, видите, въ дома гроши тримати страхъ. Продалъ газда волю, бо паши наразѣ не было, треба было притримати гроши, та лемъ до Марка. А Марко ужъ претрималъ и коли вамъ треба было, могли сте взяти. Никому живому centa не присвоилъ. Правда, повѣдали, же небощикъ Осифъ Дурбакъ далъ му сховати пару стовокъ за быкы, а потомъ въ лѣсѣ дерево го убило. Ходила вдова за грошми до Марка, але Марко перехрестился:

— Боже хранны Не давалъ мѣ Осифъ нѣякихъ грошей..

И ктожъ то може знати? Осифъ за житя былъ человекъ молчаливый, а якъ по смерти можна ся отъ него правды довѣдати? Продала вдова на похоронъ корову, а тото ужъ никто николи не выяснилъ, што ся стало съ волами.

Ищы едно достъ было не ясне, якъ Марко пришолъ до грунту и то до доброго грунту:

Позычилъ Ваньо Глива отъ Марка сто ринскихъ, будинки претрясалъ и бракло гроша. До рока, якъ ся згодили, отдати было трудно. Газда умеръ. Якъ то ся стало, не знати, але о рокъ Марко зогналъ вдову и дѣти зъ газдовства, а самъ засѣлъ грунтъ и будинки. И теперъ лемъ треба было Маркови избрати жену, таку газдыню, жебы была той самой натуры. Марко зналъ, што жена може донести, або рознести. Зналъ, што покорна, послушняча жена, права рука, а увера, самостоятельна, не принесе му счастья. Чулъ Марко неразъ

въ церкви: “Жена да повинуется мужу своему и господину . . .” Але не каждая жена уважать тоту науку, не все слухать мужа. А кельо разъ ся така трафить, што мужомъ колотить, нѣякого респекту не чуе. И зато Марко глядалъ жены съ “респектомъ.” И нашолъ: Юлька Заводова была така. Робила за хлопа и за жену. Правда, не дочула, бо старый Завода вдарилъ ей разъ за ухо, коли пришолъ зъ ярмаку, зерно заляло. Сухе зерно, въ гридѣ. Лія пришла нагле, Юлька почала до копъ складати, не дала рады.

Але зато ничъ, же не дочула, бо ани не треба было бесѣдувати до ней, старчило мругнути, Юлька ужъ знала, што Завода хоче. А зато, же кусъ приглуха была, Завода обѣцялъ Маркови пару воловъ, корову, пять стовокъ готовки и весѣля. А кромѣ того Марко малъ и другий плянь. Былъ у Заводы ищы еденъ сынъ, але достъ хирлявый и дурноватый, а грунтъ найлѣпший въ селѣ.

Коли Заводу Богъ покличе, то маетку зо собомъ не возме! — думалъ Марко.

При такихъ рахункахъ, мысляхъ и надѣяхъ, Марко оженился съ Заводовомъ Юлькомъ. Самъ Завода былъ барзъ тому радъ, бо и онъ любилъ богатство.

Ба, та кто бы не любилъ богатства? Бѣда лемъ тота, же одному счастья и богатство, хоць ся барзъ не наробить, а другий, хоць бы зробилъ руки по локти, богатства не доробится.

V.

Бо повѣдатеь будь-кто: “Та нашто мѣ богатство? Ци я дашто до гробу зо собомъ заберу?” Не вѣрте му. Онъ лемъ такъ повѣдатеь, а инакше думатеь. Онъ хоче богатство мати, бо не знатеь, якъ далеко до смерти. А ту видитеь, же бѣдны бѣдуютъ, пропадаютъ, голодуютъ, ходятъ босо, мерзнутъ, хорѣютъ частѣйше якъ богаты, абходятся лѣпше съ богатыма: докторе лѣпше лѣчатъ, адвокаты лѣпше боронятъ, суды лѣпше судятъ, профессоре лѣпше учатеь, попы лѣпше сповѣдатеь, лѣпше крестятъ, лѣпше ся молатъ и лѣпше хоронятъ богатого, якъ бѣдного. Най же никто не говоритеь, што не стоитеь о богатство.

Подумайте лемъ собѣ, што вы не мате сегодня ничъ:

Ни грунта, ни гроша, ни хижи, не мате ничъ и роботы не мате и никто вамъ не дастъ ѣсти, ни преспатися у себе. Бо чомъ-же дакто обовязанный вамъ помочи? Чомъ сте вы такъ не робили якъ онъ, што мае? Може вамъ хижа сгорѣла, грунтъ ищи вашъ дѣдо пропилъ, або попросту васъ отчимъ выгналъ. Та штожь то дакого обходить? Може сте въ Америкѣ, та сте робили. Заробили, купили гавза, вышколували дѣти. Але пришло безроботя, сквитували васъ. Гавзъ былъ недоплаченный. Забрали вамъ. А може сте мали отложены центы въ банку, пропали вамъ.

Но и кого то што обходить? Чомъ вы бесѣдуете дакому, коли каждый ся отъ васъ оберне и вы стратите всякій гоноръ, честь, бо вы бѣдный. Ваши знакомы, родина, товариши, отвертаются отъ васъ, утѣкаютъ предъ вами, боятся, жебы сте имъ не гварили о дашто, не просили дачого. И тото Марко зналъ. Онъ дознался тото ищи за дитины. Онъ видѣлъ, якъ его маму заничъ тримали, якъ ньомъ погоржали. И зато ищи въ маленкости набралъ того розума, што якъ самъ не добудешъ, не выдрешъ, якъ не будешъ богатымъ, то ты муха. Горьше мухи. Штожь муха! Цѣлый свѣтъ ей! Тобѣ до вшиткого засье, бо вшитко чуже, не твое. Ты мусишь мати свое, жебысь могъ повѣсти: “То мое и каждому до того засье!” Такъ якъ тобѣ теперъ бесѣдуютъ. А штобы ты тото могъ повѣсти, мусишь мати “свое,” мусишь го вельо того своего мати, барзъ вельо, бо ты не можешъ знати, кельо може тобѣ даяка заверуха забрати, може градъ збити, може згорѣти, може война зничити, можуть адвокаты, або докторы забрати, можуть злодѣе окрасти. Нѣтъ границы тому “свому.” Бо ты машъ примѣры. Жиль у насъ газда барзъ богатый, вшиткого малъ достъ и все ищи ся му родило и вшитко каралося такъ якъ никому въ селѣ. — Роспилася му жена, покалѣчилъ его песь жыда, побилъ сынъ жандарма, зламалъ конь ногу, згнилъ на полю хлѣбъ и вѣрте не вѣрте, нашъ богачъ зышолъ наничъ, просилъ хлѣба.

Ба, што тамъ, такой сельскій богачъ! Недавно богачъ на цѣлый свѣтъ, шведскій магнатъ швабликовъ, много-миллионеръ Кройгеръ, або такой чешскій Батя. До 40 тысячъ людей у него робило, по 150 тысячъ паръ обуя денно робилъ. То вамъ швецъ, не такой якій-нибудь партачъ. И што

ся съ ними стало? Задусилися зо страху предъ бѣдомъ.

Якъ видите, нѣтъ границы вашему богатству, коли бы сте могли повѣсти: “Ужь мамъ достъ!”

Меллонъ ужъ старый человекъ, мае два разы тельо богатства, якъ всѣхъ надрукованныхъ американскихъ грошей. Его стати на 8 биллионовъ долларовъ. Онъ вамъ не повѣсть, же мае достъ. Онъ мае ищи страхъ, же му не старчитъ до смерти . . .

VI.

И нашъ Марко былъ той натуры, якъ и други люде, што му все мало было и все малъ страхъ, што му може даколи бракувати. И зато уважалъ, такъ рахувалъ и шпекулювалъ, жебы му все прибывало, а николи не убывало. Але часомъ приде и на такого, найлѣпше обрахуваного, што му убуде. Бѣдного такъ не грызе страта, якъ богатого. Марка страшно грызла найменша страта. Ажь ся му въ головѣ мѣшало. Никто въ селѣ не грызся такъ, коли му дашто пропало на полно, не уродилося, заляло, якъ Марко. Мала зо себе и Маркова и челядь и сусѣде, коли Марко малъ страту. На кѣмъ лемъ могъ, то отбивалъ свою страту, ищи и на живинѣ. Разомъ съ богатствомъ росла Маркова честь, слава и повага въ селѣ, росъ и страхъ предъ нимъ. Бо было кого и боятися. Село ужъ мало не еденъ примѣръ, же кто съ Маркомъ задеръ, то помяталъ, покаль лемъ жилъ. Боже храни, жебы Марко видѣлъ дачю живину на своемъ, Боже храни, жебы дакто преѣхалъ, або прешолъ черезъ его. Але найбы кто отважился не пустити Марка черезъ свое. Тотъ помяталъ! Справедливости на него сте не нашли, ни въ громадѣ, ни въ повѣтѣ. Въ громадѣ боялися го, а въ повѣтѣ уважали. Уважали, яко “доброго господаржа” и поляка. Хоць бы вамъ языкъ поламалъ, то сте такъ не могли по польски говорити, якъ Марко. Марко и до якого “звонзку” належалъ и до “кулка рольничего” въ мѣстѣ.

Само собомъ розумѣся, што лѣпшого человека не было въ селѣ на вѣта и Марка выбрали вѣтомъ. Теперъ ажь его богатство почало рости, а съ нимъ честь, слава и повага. Што Марко повѣлъ, то было святе. Хоць бы 11 радныхъ повѣло “не такъ,” то Марково “такъ” преважило.

— Треба продати лѣса — подноситъ Марко на радѣ.

— Шкода — гварить Демко — лѣсъ молодой.
Марко позрѣлъ на Демка:
— Якъ я гварю, же треба продати, то треба!
— Та треба . . . притакнули вшиткы.
— Продаме Моськови — гварить Марко.
— Шмуль вѣце дастъ — гварить Петро — и онъ жиди-
ско справедливѣйшій, не знищить такъ.
— А я гварю, продаме Моськови.

VII.

Не выходило ужъ Маркови и такъ жити, якъ други люде жиють. Дотеперь въ селѣ правѣ вшиткы хыжы были курны. Вшиткого еденъ американъ побудувалъ хижу съ коминомъ, але не долго въ краю забавилъ, замкнулъ и выѣхалъ назадъ, съ цѣломъ родиномъ, въ Америку. Не могъ знести сельскихъ порядковъ и старокраевой бѣды. Другій збудувалъ хыжу съ коминомъ Марко. Для себе отдѣлилъ въ будинку спеціальну издебку съ кафльомъ, съ котрой вырѣзалъ оконко до кухни, такъ якъ на клѣбаніи. Видѣлъ, што на клѣбаніи есть таке оконко съ дверками, черезъ котре іегомосьцьови подають ѣсти. То ся му дуже сподобало и Марко собѣ неразъ думалъ, же якъ буде нову хижу будувати, то собѣ такъ само урядить и теперь собѣ такъ урядилъ и отъ того часу Марко ужъ не ѣлъ съ челядьомъ, въ кухнѣ. Юлька все прирыхтувала му дашто лѣпше и подавала на тареличкахъ съ квѣтками черезъ тото оконко. И помалювана была Маркова издебка инакше. Коли кухня была побѣлена, Марковъ “покой” былъ помалюваный на сино съ квѣтками. Такъ само, якъ у пановъ и на клѣбаніи. И окна съ поля, вшиткы были бѣлы, а окно до Марковой издебки было сине. Въ серединѣ на стѣнахъ висѣли образы. Франць Осифъ въ позлачаныхъ рамахъ, Матка Боска, крульова польска, съ корономъ и св. Николай Чудотворецъ. Были кресла, едно мягке, на котромъ сидѣлъ Марко.

Кто приходилъ до вѣйта, снималъ шапку въ сѣняхъ, втералъ долго ноги, потомъ кашлянулъ, а такъ пукалъ до дверей. Боже храни, жебы кто забылъ запукати, бо Марко го доразъ цофнулъ. Казалъ собѣ гварити “пане.” Забылся газда часомъ и не повѣлъ му “пане Марку.” Марко червенѣлъ:

— Ты не знашь, якъ ся належитъ говорити, якъ честь отдати? Та мѣ панъ староста, іегомосьць пане говорятъ, а тобѣ я простой Марко? Не выходило Маркови и въ церкви ніякъ сидѣти тамъ, где сидѣли други газдове. Отъ того терпѣла его повага. Кто лемъ посмотрѣлъ, то доразъ видѣлъ, же Марко не тотъ, што други. Газдове вшиткы ищы въ гунькахъ и вшиткы тоты гунькы шиль еденъ кравецъ Кирій. Маркову куртку шиль ужъ польскій кравецъ въ мѣстѣ. Цѣлкомъ му не выходило разомъ съ другими въ церкви сидѣти. Разъ, предъ Великодными святыми Марко вышолъ на клѣбанію и расповѣлъ іегомосьцьови, же тамъ въ лѣвомъ “клиросѣ” есть ищы мѣсто на одну лавку, онъ бы поставилъ тоту лавку для себе. Панъ превелебный ничъ противъ того не мали, лемъ жебы Марко купилъ нову “плащаницу.” И Марко купилъ плащаницу и поставилъ лавку. Въ одну недѣлю отбылося посвященіе Марковой плащаницы и лавки въ лѣвомъ клиросѣ. Отець духовный повѣли втоды казаня, въ котромъ вычислили заслуги Марка Богача для церкви и торжественно посадили его въ лавку въ лѣвомъ клиросѣ.

VIII.

Пару словъ о родинномъ житю Марка Богача. Якъ ужъ знаме, оженился нашъ Марко съ Заводовомъ Юлькомъ, покорномъ, працовитомъ, слухнячомъ. Марко былъ и для ней панъ. Юлька была вѣце челядникомъ, якъ женомъ, але того для богатства треба было. Марко не могъ будь-коли доглянути газдовства, не то дашто зробити. А ту три грунта ужъ пресли до Марка Богача, три грунта треба было засѣяти и зобрати зъ нихъ. Правда, безъ работника Марко не бѣдувалъ. Правѣ половина села была у него задолжена и кромѣ процентовъ, яки каждый платилъ, мусѣлъ отробити столько дней, сколько згодился. А штобы чужій работникъ або челядникъ дашто зробилъ, треба было съ нимъ робити, припильнувати. Того вшиткого пильнувати мусѣла Юлька. И до того и двое маленькихъ дѣтей мусѣла обыйти, для всѣхъ ѣсти наварити, для Марка особно и для челяди особно. Скоро Юлька постарѣла и ужъ и совсѣмъ оглухла. Николи Марко не повѣрилъ, коли скаржилася на даякій боль, гналъ до работы, побилъ будь-коли. А ту ищы ей жены почали доно-

сити, же Марко съ Параскомъ штоси мае. Грызлася Юлька, плакала часто коли мужъ не видѣлъ, бо при мужу и поплакати боялся. Марко, якъ-бы старался позбыти жены, якъ бы чекаль ей смерти.

— Же тя ужъ разъ фрасъ не возме зъ моихъ очей! — кричалъ Марко будь-коли. — Ты до ничего ужъ не суца, ни дома ни межи люди

Та ци Юлька была тому виновата? Мучилася бѣдна долго, постарѣла скоро и умерла, а Марко ажъ теперъ нашолъ собѣ ажъ на другомъ селѣ, молоде, шумне дѣвча. Не хотѣло оно ити за Марка, але родиче присилили. Было то ужъ въ часѣ войны и о будь-якого женяча было тяжко, не о такого Марка Богача, подъ котрого рукомъ было пару селъ, котрый былъ правомъ рукомъ уряду, якъ-бы комиссаромъ даякимъ. Што Марко повѣлъ, ци при реклямаціи, ци при реквизиціи, тото было святе. Повѣдали, же далъ и велику позычку державѣ на войну. Але бо и стоялъ за Австрію! Боже храни, якъ бы дашто слышалъ, же дакто дашто повѣлъ противъ уряду, цисаря, австрійского войска. Доразъ го брали. О, взяли на околицу люда въ криминалы, до Талергофу, а вшитко черезъ Марка. Кто лемъ кусъ дашто спротивился заразъ брали. Часомъ и не спротивился, але такъ дашто не сподабался Маркови, ужъ го брали. А жены ужъ мали отъ него! Марко такъ хватилъ цѣле село, тай цѣлу околицу въ свои руки, якъ даякій шляхтичъ за панщины. Никто не осмѣлился и слова повѣсти, лемъ каждый слухалъ и робилъ такъ, якъ Марко приказалъ.

Ужъ барзъ тяжко было жити въ четвертомъ року войны, народъ почалъ голодувати. Забрали статокъ, заберали зерно, бандурки, потраву. У кого была даяка живина запрячи, то мусѣлъ ѣхати на форшпаны. Вшитко брали, а ничъ не давали.

Но, давали. Деси при концѣ войны присылали до громады соль и цукеръ. Але што съ того дакто досталъ? Кому Марко хотѣлъ, та далъ дашто и то звычайно тому, што му менше треба было, а тому, што треба было, што бѣднѣйшій, не дали ничъ. Повѣдали, же Марко продавалъ жидамъ до мѣста.

IX.

Подъ осень 1918 почали вертати изъ войны стары и молоды. Инши то ужъ люде были, якъ предъ 4 роками. Та и тоты, што съ Талергофу вернули, были иншы люде. Ужъ не тоты покорны, глупы, боязливы. Особливо молоды ужъ совсѣмъ иначе смотрѣли на свѣтъ, иначе смотрѣли и на Марка. Разъ хлопци го деси и побили достъ тяжко. И ничъ имъ не было зато. Ходили жандармы, довѣдуватися, але якъ разъ деси въ ночи хватили одного жандарма, то не лемъ му одобрали карабинъ, але го зоблекли и такъ голого выступили. Мстили за войну, за Талергофъ, за кривду своихъ родичовъ.

Маркови трудно было дагде выйти, бо хлопци кричали за нимъ: “Панскій лизунъ, панскій шпиегъ, зрадникъ, кровопійця!”

А ту до того вшиткого и богатство топилося: Позычены гроши урядови на войну, пропали. Та то бы ицы ничъ, бо Марко малъ межи людми гроши достъ. Але што-жъ съ того, коли гроши стратили всяку вартость. Короны стратили вартость, а потомъ пришли марки, тоты ицы больше стратили вартость. Позычилъ Марко примѣромъ 5 стовокъ Демкови. Гроши зышли такъ наничъ, што Демкова продала двѣ куры и отдала Маркови долгъ. Петро продалъ теля и вынтабелювалъ Марка зо своего грунту, Семанъ досталъ зъ Америки 5 долларовъ и отдалъ долгъ и т. д. За еденъ рокъ цѣле село освободилося отъ Марка, а Марко за тоты гроши и добру корову не могъ купити.

Того-то Марко ніякъ прежити не могъ. Ужъ му свѣтъ былъ немилый, стратилъ цѣль жита.

Цѣль его жита было богатство, гроши. Гроши стратили свою вартость, стратилъ вартость и Марко разомъ съ грошми. Онъ то розумѣлъ, чулъ. Гроши давали ему славу, честь, силу и повагу. Съ грошми упала его слава, честь, сила и повага. Люде, вмѣсто кланятися, посмѣхувалися зъ него. Марко престалъ показуватися межи людей. И тота лавка въ лѣвомъ клиросѣ стояла порожна. Марко не малъ смѣлости зайти въ церковь. Што разъ менше выходилъ зо своей издебки съ оkenцомъ, а потомъ ужъ цѣлкомъ не выходилъ, замкнулся и не показувался никому на очи. На оkenце подавали му ѣсти. Зненавидѣлъ цѣлый свѣтъ, власны

дѣти и жену. Жена роспилася и распустилася. Въ недѣлю предъ Спасомъ, коли люде были въ церкви, Марко вышолъ на обору, пороззерался, зашолъ до стайнѣ, до колешнѣ, вытягнулъ зубъ зъ бороновъ, вернулъ и забилъ въ своей издебкѣ до трагаря. Вышолъ ищы разъ и вернулъ съ постронкомъ.

Коли люде вышли съ церкви, нашли Марка Богача ужъ зимного.

Х.

Деканъ пустилъ телеграмъ до бискупа, до Перемышля, што повѣсился, въ припадку помѣшаня, Марко Богачъ, добрый и богатый газда и просилъ о позволеніе хоронити его съ всѣми христіанскими обрядами. Такой того дня пришло позволеніе и поховали Марка Богача съ великими почестями и т. д. На похоронъ Марка Богача пріѣхалъ самъ деканъ зо своимъ зятюмъ. Похоронили его подъ самимъ великимъ крестомъ, о бокъ съ небощикомъ отцомъ духовнымъ, котрый купилъ отъ Марка першу боденку и далъ му першу шустку.

Лемковино, Цвѣтку Ты Нашъ!

Лемковино, цвѣтку милый,
Краю нашъ коханный!
Ой, якій ты вынищенный,
Здертый, спльондрованный!

Змарнували тебе паны! —
Житя отбирають;
Ой, ты любя Лемковино,
Зглады ти жадають!

Мучила насъ катувала
Небошка Австрія:
Але не такъ тяжко, якъ то
Тота панска змѣя!

Дѣти наши пропадаютъ
Безъ науки, хлѣба:
Тамъ, де было давно лѣпше,
Теперь горька бѣда!

Граблять тебе Лемковино,
Паниска лукавы,
Берутъ твои поля, лѣсы,
Безъ всякой обавы! . . .

Лемковино моя мила,
Ты лемковскій люде!
Докаль же намъ такъ терпѣти,
Докаль же такъ буде? . . .

Еднаймесь, братья лемкы,
Свой край ратувати
И заставме лютыхъ пановъ,
Рахунокъ здавати!

Най не буде между нами
Ніякой розлуки,
Православный, ци католикъ, —
Будме одной думки.

Разъ мы лемкы годны житя,
Треба лемъ подбати,
Той “гадинѣ,” што жалить насъ,
Разъ голову стяти!

Намъ на помощь придуть братья
Отъ Восточной страны,
Освободять насъ изъ кайданъ
И погоять раны! . . .

Фльоринчанъ.

Думка о Родинѣ

На Лемковинѣ лонѣ природы,
Между лѣсами на цвѣтныхъ поляхъ,
Де шумять рѣчки: Мостиша, Склярка,
Я выросъ счesливый, якъ божій птахъ.

На седмомъ року въ школу поступиль
И думокъ я тамъ новыхъ набралъ,
Та всьо для мене тамъ ся змѣнило
Коли то я ужъ дорослымъ сталъ . . .

Я ясно видѣль и порозумѣль,
Што поля, луки, ланы, лѣсы,
Належатъ до тыхъ, што дармо ѣдятъ,
Што здирствомъ жыють, неначе псы.

Изъ бѣды пошолъ я геть за море,
Де “вольно” люде собѣ жыють;
Але и ту я знайшовъ тыжъ горе —
Ой, горе, горе, бѣду и смуть!

Ту я ужъ поля не вижу нѣкакъ,
Лемъ саме мѣсто якъ море шумить,
Ту я оставилъ здоровя, силу,
Въ дымныхъ фабрикахъ, ужъ много лѣтъ.

Ужъ силы мои слабнуть, трепечуть,
Очы слезами лиются, страхъ,
За сердце тисне, якбы клѣщами;
Старость приходитъ, а зъ нѣомъ и жакъ!

Спомнулъ я тебе, о Лемковино,
Горемъ пририта, колыско моя,
Неразъ я птахомъ погналь бы къ тобѣ,
Та въ тебе сама така доля.

Ты обмотана паразитами,
На тобѣ паньска лапа тяжыть . . .
О, Лемковино, краю мой родный
Коли обтрясешъ ты тоту гыдь? . . .

Фльоринчанъ.

Отважный Сынъ

Пришолъ вѣтовъ сынъ до корчмы —
Его няньо ужъ тамъ былъ;
А тамъ Ваньо Антошовскій
Штоси пановъ плюгавиль.

Гварить: “Паны накы, такы,
Дармо хлѣбець нашъ ѣдятъ,
Царство Боже обѣцують,
Сами въ него не вѣрятъ.”

А слухаль вѣтъ, тай до Ваня,
Цупъ о землю му керщомъ —
— Што ты машь ихъ плюгавити?
Хочешъ може палицомъ? . . .

Ты на ксьендзовъ порывань ся? —
Ты смаркачу, ты дурню! . . .”
Але Ваньо неждаль дуже:
Бухъ, за ухо! Такъ дуркнуль,

Што вѣтъ ажъ ся въ кутъ заточыль —
Сынъ ужъ видить, што не “шпасъ,”
Скочыль заразы, тай до Ваня:
— Ноле вдаръ-ле ищы разъ! . . .”

Вѣтъ ужъ съ кута сталъ на ноги:
— “А ты дурню, што зробиль? . . .”
А Ваньо засъ якъ не махне,
Въ самы зубы прилѣпилъ!

А сынъ стоитъ, ажъ носинѣль,
Бо то былъ ужъ важный часъ . . .
— “Ехъ, я ищы затримамся,
Але спробуй ищы разъ! . . .”

Товды Ваньо съ права, зъ лѣва!
Вѣтъ ужъ кричыть, якъ на дивъ
А сынъ: — “Наню, ходме до хыжъ,
Бо онъ бы васъ ту забиль . . .

Фльоринчанъ.

Веселый Смутокъ

Наробился газда тяжко въ полю,
Повечерявши лягъ спати и спить,
А его жена, такъ съ доброй волѣ,
По середѣ noci трясе, будить:
— “Чуешь ты старый, маламъ сонъ тяжкій
Приснился деси страшный гнѣцоухъ
И притись мене не могламъ стрясти,
Ужъ ся здавало, же пуцу духъ . . .
Мужъ обернулся въ другу сторону
И гварить: — “Стара, цыт-ле и спій,
Гнѣцоухы твои то лемъ марево,
Што то часами приходитъ въ снѣ.”
Але та жена тручатъ нимъ дальше:
— “Слухай любенькій, то нее жарть
По тымъ ся снило, же ктоси мене
Якъ бы цѣлувалъ, тиснулъ за каркъ.
— И то марево, моя любенька,
Ты въ своей хыжы беспечна — спій!”
Старый потягнулъ ковдру на себе,
Тай здоровенько собѣ хропивъ.
Та жена дальше будить ужъ съ плачомъ:
— Ты мене ніякъ не любишь, нѣ?
Тобѣ мя нежаль, бо спишь якъ здохлый —
Ой, я бѣдненька, не жити мѣ!
— “Та цытъ голубко, моя кохана,
Я люблю тебе понадъ тотъ свѣтъ,
Але та спій же — отъ якъ сплакана,
Тажъ страховъ въ хыжѣ ніякихъ нѣтъ! . .
— Страхи, не страхи, а такой страшно,
Бо мене може не любишь ужъ . . .
— Та цытъ же бабо, таке не думай,
Спи и головы своей не сушь
За жадны скарбы тебе не далбы
Лемъ спій-же люба, ой, спій-же спій.
На рано вчасно мушу вставати,
Обыйти статокъ, вывезти гній! . . .

Статокъ, не статокъ, ты мой голубе,
Я твоя жена, а ты мой мужъ—
Якъ бы такъ грошей даль кто зъ миллионъ,
То ты бы певно продалъ мя ужъ?
Але та слухай, не будь бортакомъ:
Ябы вернула до тебе засъ,
Миллионъ грошей могъ бысъ сховати
И свою стару тыжъ назадъ машъ!
— “Ой, ты, папудзьо, та стулишь пыска!
Кто бы за тебе даль такой грошъ? —
На миллионы себе рахуе
А не вартае за здохлу вошь!”

Фльоринчанъ.

Ошуканный Свѣтъ

Такой тотъ свѣтъ ошуканный, не можъ на немъ жыти,
Мусить бѣдный народиско зъ голоду гынуги . . .
А кто тому виноватый? Едны гварягъ каре Богъ,
Други засъ намъ бесѣдуютъ, же антихристь перемогъ.
Отмолити на па каже наши тяжкы грѣхи
А то ничъ намъ не помагать на глодны брѣхы.
Тажъ ту Богъ далъ всего достъ, што людямъ потреба,
А ту бѣдныхъ и голодныхъ женуть ажъ до неба . . .
А сами засъ не хтятъ ити и тамъ царствовати,
А ту хотятъ нанувати и роскошувати . . .
Бѣднымъ царство обѣцуютъ ужъ тысячи лѣтъ,
Тому царству ни початку ани конца нѣтъ.
А оно, ту, то то царство, посреди народа,
Лемъ-же оно не для вшиткыхъ, лемъ для кого мода.
Але народъ возме въ руки царствомъ управляти
И скончатся его муки, якъ пропадутъ каты,
Што насъ мучатъ такъ во свѣтъ як в нашихъ Карпатах...
Хлѣба много есть по свѣту, не презрѣти окомъ,
Они нашъ хлѣбъ и продукты мѣшають съ болотомъ.
Они видятъ вшитко грѣшне подъ большевиками,
А не видятъ ицы горше попередъ носами . . .
Што ся водить теперъ въ свѣтъ? Кто ту виноватый?
Ци то виненъ, котрый бѣдный, ци тотъ, што богатый?

Осифъ Болдышъ.

Екзекуторъ на Селѣ

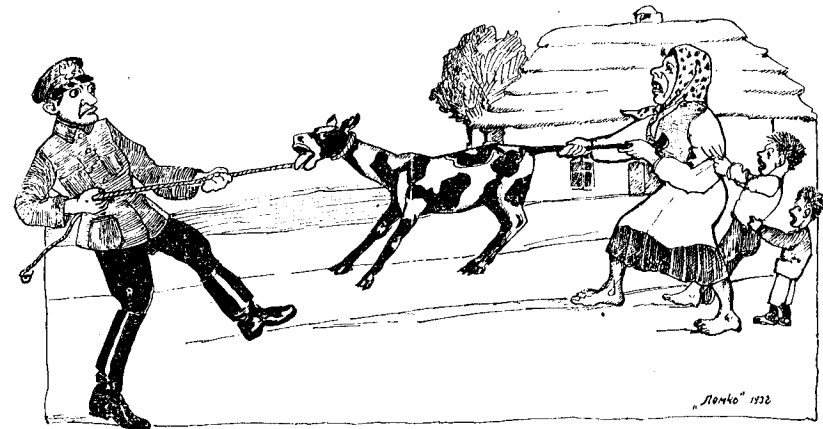
(Правда правдива).

Въ тяжкы часы кризисовы
Податокъ пришолъ стягнути
До одной худобной вдовы —
Екзекуторъ “повятовый” . . .
Вдова барзъ худобна была,
А и двое мала дѣти —
Хоць якъ сомаръ все робила,
Не могла ихъ приодѣти.
Заробила часомъ пятку;
Тра было ѣсти купити
Дѣтямъ, собѣ и телятку —
Каждый преця хоче жыти . . .
А трафилося хоць-коли,
Же лемъ разъ въ день зъ дѣтми ѣла
Постны грульки и безъ соли . . .
Така часомъ бѣда была!
А но кризисъ! не порадить . . .
Вшиткы терпятъ, вшиткыхъ гнете;
Нарѣкають люде, всяди: —
Бѣда, планно! теремтете!

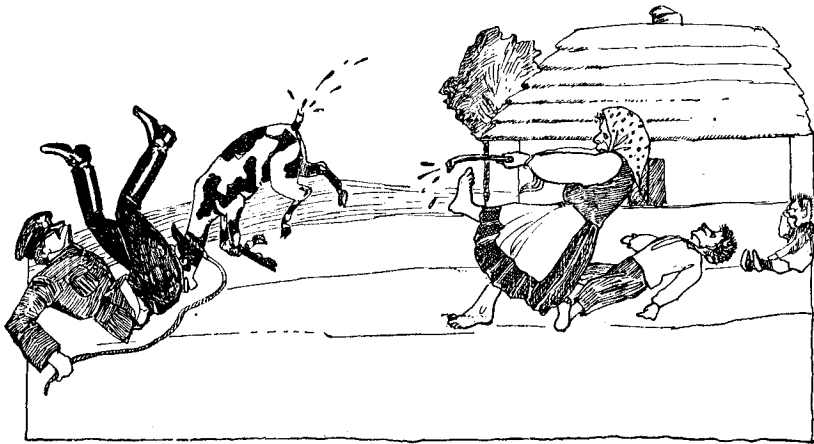
* * * * *

Якосикъ разъ въ передновокъ

Десь-коло Зеленыхъ Святокъ
Пришолъ въ село “панье дзейку”
Екзекуторъ по податокъ.
Секвеструе — де што може: —
Ту кониска, тамъ корову —
До каждого зашолъ въ селѣ,
Не минулъ и бѣдну вдову!
Але вдова ничъ не мала,
Лемъ двоухъ хлопцѣвъ и телятку:
“Што ту взяти пане съвенты?
Ту не буде вшитко гладко!
Дѣти въ плачъ — ай баба кричить,
Екзекуторъ теля имать —

Тягне мотузъ — теля бечить —
 Вдова теля за хвостъ тримать.
 Тримать зъ дѣтми якъ лемъ може —
 Екзекуторъ тыжъ хлопъ тугій . . .
 Теля бечить — не дай Боже . . .
 Баба шарпла разъ и другій.
 Сильный хлопъ былъ екзекуторъ,
 Ай баба не слаба была . . .
 Теля зъ мѣсця ани рушитъ,
 Бо ту сила — и тамъ сила!
 Тягне баба ужъ зо злостьюмъ

И такъ шарпла хвостъ телячій,
 Ажъ урвала разомъ зъ косцьомъ
 Же ажъ сикла кровь горяча . . .
 Екзекуторъ ся копыртнулъ
 И задеръ ноги до горы . . .
 За годину го отвезли
 На телѣзѣ до доктора!

Коваль въ Небѣ

(Народна Повѣданка.)

Давно тому, за нашихъ ищы прадѣдовъ, жилъ собѣ въ одномъ селѣ на нашей Лемковинѣ, бѣдный коваль. Не былъ онъ ищы такой старый, бо ледво доходило му 50 лѣтъ. Его жена была старша отъ него. Дѣтей у нихъ не было, Маль тотъ коваль пару морговъ, може дасъ десять, своей земли и тоту земличку все обое въ порядку обробили. Мали маленку хыжку и стодолу, по ковальовымъ небощичку няню. Кузню ужъ самъ коваль збудоваль, за свого газдовства. А же былъ лемъ онъ еденъ коваль на цѣле село, то всѣ несли до него роботу: Мотыкы, кромпачы, плугы и возы коваты и вшитко, што на газдовствѣ потребно было.

Коваль былъ дуже богобойный человекъ, а жена ищы богобойнѣйша. Съ никѣмъ николи не сварилися, ани не жадали ничѣго, а сами, кого лемъ видѣли въ потребѣ, помагали. Были газдове, што отганяли отъ обыстя бѣдныхъ, чували ихъ псами, а коваль каждого бѣдака пріялъ, подѣлился съ нимъ што лемъ малъ и переночоваль. За тото каждый бѣдакъ, подорожный, повѣлъ му, коли отходилъ: “Боже вамъ заплатъ за ваше добре сердце и добры учинкы!”

А коли въ своей кузнѣ зробилъ даяку роботу дакому, то якъ видѣлъ заможнѣйшого, то бралъ даяку заплату, хоць не велику, другій коваль би три разы столько взялъ за таку роботу. А коли зробилъ дашто бѣдному газдови, та не взялъ ничъ, лемъ за “Боже заплатъ.” Тоты слова го лѣпше радували, якъ другого дукаты.

И такъ тотъ коваль робилъ въ своей кузнѣ бѣднымъ людямъ за “Боже заплатъ,” ажъ постарѣлъ цѣлкомъ. Назбералося му тельо того “Боже заплатъ,” што го самого переважило.

И одной ночи малъ онъ чудный сонъ: Приснился му ангель, котрый говорилъ до него: “Муже праведный! Я по-

сланный Господомъ Богомъ на тоту землю, абы тобѣ возвѣстити, што за живота до неба будешь взятый, за твои добры учинки!"

Коли коваль пробудился, ангела не было. Коваль почаль молитися. Женѣ не признался ничѣ о томъ снѣ.

Минуло пару дней. Въ одну ночь коваль спалъ въ столѣ на мѣшку набитомъ зо житномъ соломомъ. А треба знати, што онъ спалъ все съ молоткомъ. Такій былъ у него звычай, така привычка, што все ходилъ и спалъ съ молоткомъ. Коли такъ твердо заснулъ на томъ соломянику съ молоткомъ, пришло двоухъ ангеловъ и забрали го разомъ съ тымъ мѣшкомъ и молоткомъ и понесли го ажъ предъ небесну браму, за котромъ стоялъ св. Петро. Дуркають ангелы до брамы. Петро отворилъ маленке окенко и видить двоухъ ангеловъ и челоуѣка съ мѣшкомъ и молоткомъ и звѣдуеся ангеловъ:

— Што-то за челоуѣкъ?

— А то праведный коваль съ тамтого свѣта — повѣдаютъ ангелы. Святый Петро зазрѣлъ до книжокъ, ци тотъ коваль заслужилъ на царство небесне. Вынашолъ всѣ добры его учинки, а ни одного злого и заразы отворилъ небесну браму и впустилъ го до середины. Посадили коваля на едно мѣсце, але скоро пришоу самъ Господь Богъ и взялъ го на друге, высше мѣсце и повѣдать му:

— Ты былъ такій праведный на землѣ, штось собѣ заслужилъ на лѣпше мѣсце коло мене. Изъ того мѣсця ты можешь смотрѣти на небесне око и будешь на него всьо видѣти, што ся на землѣ дѣе.

И сѣлъ коваль на указане Богомъ мѣсце и позералъ на земличку, што тамъ люде робятъ, якъ кривдятъ еденъ другого, якъ бются, забивають, окрадають еденъ другого.

Смотрить коваль зъ неба на бѣдну вдову, котра жала жито посѣяне на землѣ богача, за што мусѣла тяжело отробити. Зожала вдова жито серпомъ, повязала въ снопы и склала до стожка. Барзы при той роботѣ ся змучила, што ажъ потъ зъ ней цюркомъ летѣлъ. Оставила такъ свою працу въ стожку, жебы кусъ вѣтеръ продулъ и пресушилъ, а потомъ же забере подъ стрѣху. Але то инакше склалося. Тотъ самъ богачъ, на котрого грунтъ вдова посѣяла жито и котрому ужъ парукратъ отробила, былъ члоуекъ дуже

пажерный и лакомый и злакомился и на тоту копку жита бѣдной вдовы. И вышолъ ночью годиномъ на поле и почаль преносити снопы вдовы ку своимъ снопамъ. Ужъ половину сноповъ зносилъ. Смотрить коваль зъ неба, ажъ кровь въ нимъ закипѣла на таку кривду и якъ малъ въ рукахъ молотокъ, такъ шмарилъ просто на богача и трафилъ го въ саму голову. Богачъ превернулся неживый.

Господь Богъ зналъ заразы, што коваль зробилъ. Приступилъ до него и рече:

— Ковале! Не можешь ты быти въ небѣ, бо ты мало-перпеливый, ты не такъ терпеливый, якъ отецъ небесный.

Килько я терплю народу на землѣ, а не убиваю такъ нагло якъ ты, за твое коротке пребывания ту въ небѣ, ты ужъ одного забилъ.

И взялъ Господь Богъ того коваля отъ небесного ока и послалъ его на землю. Но ужъ не казалъ ангеламъ го нести, лемъ самому ити. И медитует коваль, якъ ту зыйти на землю. Вшиткого што малъ, то тотъ мѣшокъ соломы. И почаль вытягати солому и звязувати и коли ужъ навязалъ достъ, привязалъ еденъ конецъ до небесного трагаря и такъ ся спущалъ помаленкы долину. А коли му ужъ бракло, то засъ вытѣгалъ съ соломяника и надвязувалъ. И такъ, зъ велькымъ трудомъ спустился близко земли, але солому зъ мѣшка ужъ вшитку вытягъ и бракло му на пару километровъ, такъ што мусѣлъ скочыти. И то счестья, же потрафилъ скочыти на купу сѣна, такъ што ся му ничъ не стало. Была то ночна пора, коли онъ пришоу на землю, такъ што никто не видѣлъ, якъ онъ скакалъ звысока. Отпочнулъ онъ собѣ въ сѣнѣ ажъ до бѣлого рана. Рано всталъ зо сѣна и иде до найблишого села. Коли ужъ пришоу до села, позерать по людяхъ и дуже му дивно было, што то такого, што люде инакше одѣты, якъ за його памяти. Просится людей, якъ тото село называтся. Повѣдаютъ му, такъ и такъ. Просится за свое село, ци они не чули даколи о такомъ селѣ. И нашолся еденъ старый, котрый зналъ далеки страны, бо былъ гандляръ и повѣдать, же онъ знае таке село, але такъ далеко было, што коваль мусѣлъ цѣлый тыждень ити, закѣмъ пришоу до своего села.

Коли пришоу, позерать по будынкахъ, але якоси ся му не видить, же то його село. Ни одной хыжы той не

было, што онъ оставилъ, познавалъ лемъ по горахъ, потокахъ. И думать собѣ, якъ то може быти, што ему видится, што онъ може мѣсяць забавилъ на другомъ свѣтѣ, а ту ся вшитко ужъ змѣнило до горы ногами. Не познае ніякихъ людей. Иде дальше, ку своему обыстю, же може жену найде. Та где тамъ Ани слѣду ни той хыжы, ни стодола, ни кузнѣ. На томъ грунтѣ поставлена нова хыжа и стодола, а люде въ ней незнакомы му цалкомъ. Допытуе онъ ся старшихъ людей, ци они не чули дашто за коваля, што былъ на томъ грунтѣ. Стары му повѣдали, што они чули отъ своихъ няньовъ, што колиси жилъ ту въ селѣ такій коваль, што робилъ людемъ въ своей кузнѣ барже всьо за “Боже заплачь.” А потомъ, же тотъ коваль пропалъ зо села и пикто не зналъ, где ся дѣлъ.

Ажъ такъ коваль порозумѣлъ, же онъ не былъ мѣсяць въ небѣ, а пару сто лѣтъ.

И такъ потомъ тотъ коваль блукался по селахъ за жебранымъ хлѣбомъ за пару лѣтъ, ажъ покаль не пришла смерть и не забрала го съ того свѣта.

Подаль Николай Майчакъ,

Лемко изъ Ернестъ, Па.

Што ся Мѣ Все Памятатъ?

Было въ недѣлю, въ весняный часъ,
Якъ люде зъ церкви вертали разъ:
Слухаме — слухаме — вода гучытъ —
Пришли зме къ лавѣ — лава трицытъ . . .
Черезъ лаву скоро пребралися,
За тотъ часъ рѣка роздѣлилася . . .
Мы нашлися въ серединѣ воды и думали —
А люде съ хыжъ повывѣтували
“Вертайте на лаву, не стійте вы тамъ!”
Кричали люде: На лаву, вертайте къ намъ!”
А зъ другой страны кричали засъ: “Ничъ ся не бійте,
“На лаву не вертайте, а тамъ постійте,

“Мы собѣ съ вами рады даме,
“Мы вамъ презъ воду драбину подаме!”
И привлюкъ великій хлописко
Долгу - предолгу, зъ даху драбиниско
И преставилъ презъ воду . . .
Крестъ святыи на себе кладеме
И руками ся за драбину береме
Тай ногами и руками идеме . . .
А драбина была немала,
Може выше сто щабльовъ мала . . .
Коли я руками остатній щабель взяла,
На твердо землю на свои ноги стала,
То-мъ своима очами свое село не познала,
Такъ ся мѣ голова завертала . . .

Анастасія К. Гутира.

Млоцка

Молотили мы въ боиску — штоси ся скоѣло,
Я такъ собѣ хотѣлъ втяти по снопѣ засмѣло,
А тымъ часомъ по бильню даль газдови отлѣвъ,
Такъ я ся заганьбилъ, штомъ умерти волѣлъ:
“Я ужъ тебе не научу нигда молотити?!”
“Ховаль я тя тельо роковъ — ты мя хцешъ забити!”
А я удалъ, же не чую — най тамъ собѣ жугре,
Але смотрю, на лысинѣ велька буля грубне . . .
Коли газда ей намацялъ — взялъ, шмарилъ цѣпами,
И почалася утрени и сварня межъ нами.
Кричалъ газда такъ голосно, што газдыня чула,
И зъ ватралькомъ пелехата въ боиско влетѣла:
“А ты збую, сякій-такій — хцешъ газду забити?”
“Та якъ ты мѣ хлопа забьешъ, съ кѣмъ я буду жыти?”
И газдыня изъ газдомъ наробили крику,
А я ся такъ настрашылъ, што-мъ втюкъ въ Америку!

Осифъ Болдынь.

Для Молодыхъ Лемковъ

Дорогы лемкы, Вы молодой цвѣтъ,
Вы почынаете жыти, за Васъ знае свѣтъ!
Тысячы народа за Васъ читають
Наоколо по свѣту — ажи въ старомъ краю!
За молодыхъ лѣтъ до дѣла ся взяли,
Своимъ товаришамъ дорогу вказали . . .
Дай Вамъ Боже силу и свѣжу охоту,
Призывайте всѣхъ въ народну роботу!
А якъ будете всѣ разомъ працувати,
То и Богъ Вамъ буде въ дѣлѣ помагати
И Ваши родиче будутъ ся тѣшыти,
Бо имъ буде мило на томъ свѣтѣ жыти . . .
Бо то всѣмъ намъ лемкамъ такъ треба думати,
Старымъ и молодымъ, всѣмъ разомъ ставати,
Треба показати лемковску культуру,
Русску — хлопску завзяту натуру . . .
Хоць бы зме и хтѣли, ужъ не дають спати,
Всѣ до насъ штуркають, мусиме вставати
И ставати въ лайну, по солдатскы смирно
И своему народу все служыти вѣрно.
А втоды ужъ престануть до насъ все штуркати
И якъ на чудаковъ — пальцомъ вказувати,
А будеме жыти, якъ культурны люде,
За вражду, незгоду — каждый зъ насъ забуде.
На вѣраxъ и на попахъ не будемъ ся бити,
А будемъ якъ братья, въ едности сой жыти.

Осифъ Болдышъ.

Купалки

(Картина изъ Янского Вечера).

Ночь ясницька, въ небѣ тихо,
Шлюпотъ звонкій, шумъ невеликъ:
Летить въ странѣ нашей дикой
Теплый вѣтрикъ, якъ ангеликъ.
Видно лучи ясныхъ зорь,
Зъ-за тѣнистыхъ чорныхъ горъ;
Чути по-за нихъ купалки:
Челядь села матъ собитку;
Вшитко вснуло, ажи галки,
Вѣтрикъ мягкій совѣмъ стихъ,
Зъ середь-села чути крикъ.

Такий вечуръ въ широмъ полѣ,
Якъ купалки мають дѣвки,
Воронъ скрявчить на тополѣ,
Якбы въ посмѣхъ тай издѣвку;
Коли вся природа спить,
Отъ мѣсячка мрачный видъ,
Маю радъ, якъ бабску сказку,
Маю радъ тамъ вспомнуть любовь,
Слова первой дѣвчей ласки:

Люблю смотрѣть межи дубовъ,
Якъ отбивать вода блескъ,
Якъ дуркоче воды плескъ.
Неразъ сидѣлъ въ таки часы,
Я подъ стромомъ смеречины,
Опиваясь отъ той красы,
Твердилъ своей я родинѣ:
Маю радъ лемковскій край,
Якъ чудесный, поздній май,

Коли цвѣтки расцвѣтають,
Пестро зеленѣють луки,
Птички рано щебетають,
Тепло дуетъ вѣтрикъ съ югу,
Люблю нашъ зеленый гай,
Люблю я — лемковскій край!

Собитонька спячо свѣтитъ,
На Грабнику, съ конца села,
Всѣхъ вышнянокъ дѣло стыдитъ,
Же паробки въ селѣ
Съ средняскими ведутъ спѣвъ,
Штобы сробить нашимъ гнѣвъ.
Бѣла Анця, якъ цвѣточокъ,
Передъ ночью, въ вечеръ тихій,
Похилилась средь дѣвочокъ.
Дѣвки ей завели лихо,
Же тотъ Ванцьо любить ю,
И ходитъ къ ней попри-дно:

“А на Яна, на Купала,
Анця кабатъ зальопала,
Зальопала тай про кого,
Про Ивана Загорского.

Бодай гарды тѣ ногоныкы,
Што при средней собитонькѣ,
Бодай горьке ноно зѣлья,
Што нам шпетит все весѣлья.”

Кедь сльопала най высушить, “Не плач, не плач наша Аньцо,
Най ся въ дыму дакус сдуши”, Приде гнеска и твой Ваньцо,
Най станцеу намъ Купала, Бо въ насъ тоже добры чары,
Кедь Ивана рада мала.” Найде Ванцьо свою пару!”

“Я бы собѣ поскакала, Ици дѣвки тѣ румяны,
Кебы Ваня я ту мала; Ани спѣвъ не доспѣвали,
Но мой Ваньо в середняньских, Якъ съ ной горы оттамале,
Очаруванъ въ чарах Янскихъ. Заспѣвали хлопцы Ганѣ:

“Гей хитрый тотъ нашъ Янчи,
Все хлопцов тягать къ Анцѣ.”

“Хлопцы идутъ, хлопцы идутъ;”

“Собитоньку поправити;”

“Гнетка съ горы ко намъ зыйдутъ”;

“Зѣлья въ огонь положити!”
Помежь дѣвокъ пошолъ крикъ,
И лемъ въ роботонкѣ стихъ.
Вшитко въ руху, каждый въ праць:
Та подносить больше зелья,
Та поправлять косу Нацѣ,
Што отгонять съ луку теля,
И причинять всѣмъ засъ смѣхъ,
Же ей Фецо, вздутый мѣхъ.

Забевчала собитонька,
Лемъ языки кверху пошли,
Счервенѣлася Анцонька,
Якъ паробки къ огню дошли.
Вся челядка стала въ рядъ,
Заспѣвала въ звучный ладь.
Коло огня заскакали;
Што ся твердо-жь ради мали,
Презъ огоникъ поскакали
И на вечеръ подъ Купала
Заспѣвали селу зновъ,
Ажъ схопились бабки зъ сновъ.

Л. Маковичанинъ.

Тамъ въ Карпатахъ!

(Можна спѣвати “Тамъ на горѣ крута века”).

Тамъ въ Карпатахъ наши братья,
Тамъ нашъ народъ трудовой —
То суть братья родовиты
Зъ одной страны и другой!

Зато насъ такъ подѣлили
Очужити хотѣли насъ —
И зробили переграду
И на вартѣ стоять засъ!

По границахъ насъ стежуть
И не дають ся зыйти —
Не выпросишь — не выплачешъ
Треба ся намъ ажъ бити . . .

Такъ пильнують, якъ заразу
Або яку манеру —
Жебы зме ся не змѣшали
Не занесли холеру! . . .

Въ старомъ краю и во свѣтѣ
Треба ся намъ старати —
Своимъ братьямъ, въ тяжкой бѣдѣ
Треба руку подати.

И не дати загинути —
Бо то буде для насъ грѣхъ
И сусѣде насъ осудятъ,
Же мы не варты лемъ на смѣхъ . . .

Того грѣха мы боймеса
Передъ правдомъ и Богомъ
Не стратме мы свою вѣру,
Передъ русскимъ народомъ!

По примѣру нашихъ братьевъ
На Востокъ — где солнце —
Засвѣтило и не гасне —
Смѣтеса имъ въ оконце . . .

Такъ и до насъ ся засмѣе,
Бо мы тоже Русь-сыны —
Русска мати насъ родила
Мы ей сыны едины.

А кто того не признае,
Останеса ворогомъ —
Русска мати го прожене,
Остане запорогомъ.

Буде ходилъ, якъ Блудный Сынъ
Чужымъ люлямъ все на смѣхъ,
Бо онъ зрадникъ своего роду,
Буде терпѣль за тотъ грѣхъ . . .

Осифъ Болдыщъ.

Ой, верше, мой верше —
Мой зеленый верше!
Ужъ мѣ такъ не буде, ужъ мѣ такъ не буде,
Якъ мѣ было перше . . .

Бо теперь мѣ планно,
Бо теперь мѣ бѣда,
Бо сте мя выдали, бо сте мя выдали,
За старого дѣда . . .

Не годенъ робити —
Не годенъ любити —
А на ночь му треба, а на ночь му треба
Перину загрѣти . . .

Такого сивака —
Шмарити до сѣмѣтя:
Добрый до лежана — добрый до гмераня —
Але не до жытя . . .

Мосько и Корова

Добрий жыдиско былъ Мосько. Думате, може, же mezi жыдами нѣтъ добрыхъ людей? Суть. Я думамъ, же mezi жыдами есть вѣце добрыхъ людей, якъ mezi нами. Бо лемъ зато, же они добры, такъ разомъ тримаються, помагають собѣ.

И нашъ Мосько былъ добрый жыдъ, лемъ же кусъ придуркуватый: Вѣрилъ въ страхи, духы, чуда. Такихъ мало жыдовъ, што разъ менше, такъ званыхъ старовѣровъ. Але Мосько былъ старовѣрецъ.

И купилъ разъ тотъ Мосько корову. Ничого собѣ была корова, така собѣ русска, безъ икры и безъ молока — на толокѣ пасена корова, на каминю. А же ужъ стара была, зубы зѣла, та газда выпровадилъ на ярмакъ. Мосько помацалъ корову и думатъ: “Ну, скоро и кости. Скуру можна продати и кости можна продати и на томъ можна даякій грайцаръ заробити . . .” —Кцете пятку за ваши кости и скору газдо?”

— Побиль бы ты святыи крестъ, нехристе! Та мѣ пятку дасшь за цѣлу корову?” — Злостится газда.

— Не кричте такъ, газдо, што кричите и проклиinate? Повѣчте лѣпше, кельо вы цѣните?

— Та хоць пятнатцетъ!

— Пятнатцетъ она отъ роду не вартала! Але якъ кцете продати, то я вамъ дамъ сѣмъ . . .

Долго торгувалися и купилъ Мосько корову за десятку. Розумѣся, корову купилъ лемъ на гандель и такой малъ провадити на другий ярмакъ. Ужъ напередъ обрахувалъ, же може продати тамъ, на другомъ ярмаку, за 20.

Треба было ити долгу дорогу, презъ лѣсы и горы, цѣлу ночь треба было ити, жебы тамъ на рано прити. И иде Мосько иде и свою ружану веде, веде на долгомъ мотузѣ. Его ноги ужъ такъ привыкли ходити, што Мосько могъ

спати, а ноги шли тай шли и зъ дороги не зблудили. И теперь такъ Мосько шолъ и за собомъ ружану провадилъ. И ружана дримала, а ей ноги шли и шли, на ярмакъ. Ци она розумѣла, же ся ей конецъ зближатъ, ци даякій инший смутокъ мала, але отъ часу до часу слезы ей капали зъ очей. Кто то може знати, што корова думатъ? Але зато можеме знати, што люде думаютъ. Найвѣце думаютъ люде, якъ бы еденъ другого окрасти и ошукати. Такъ и ту думало двоухъ злодѣевъ, якъ бы то такъ легко украсти тоту корову отъ Моська. Идутъ за нимъ и думаютъ, ажъ выдумали: Мосько все чулъ, же тягне за собомъ корову, то такъ взяти корову не выходило, бо Мосько спостереже, же ужъ нѣтъ што тягати. И урадили злодѣе, штобы еденъ зъ нихъ осталъ за корову, а другий тымъ часомъ отжене корову до лѣса. И такъ, еденъ злодѣй знялъ потихы мотузъ зъ роговъ ружаны и заложилъ собѣ на шию, а другий тымъ часомъ одогналъ ружану.

Наразъ Мосько слышитъ за собомъ:

— Ой Боже, отпустъ мой тяжкий грѣхъ . . . Збудился Мосько:

— Што-то? думатъ. — Ци ся мѣ снило, ци корова прорекла, якъ Вааламова ослица?

Ту злодѣй зачинатъ заператися:

— Подъ, ружана, подъ — гваритъ ласкаво Мосько . . . И засъ ужъ теперь направду чуе:

— Ой Боже, Боже . . . Смотритъ Мосько, што то таке, што ружана боженкатъ . . . Смотритъ, мацатъ, а то хлопъ . . .!

— Тажъ я купилъ корову. Што то есть? — Ружана! Што то есть, же ты хлопъ?

— Ей, Моську! Я не ружана, але грѣшний человекъ, котрого Богъ премѣнилъ въ корову за его тяжкы грѣхы. Коли приде полночь, то я на пару годинъ приберамъ свое тѣло, а потомъ засъ, коли когутъ заспѣватъ, змѣнямъ на корову..

— Ой, то ты мусишь быти великий грѣшникъ, коли тебе такъ Богъ покаралъ. А якъ тобѣ имено?

— Та Томко . . .

— Ой, вай! Та што мы теперь будеме робити, Томку? Кто мѣ мою страту верне?

— Та я може даколи вамъ верну, якъ ся Богъ надомномъ умилосердитъ . . .

— Та идъ собѣ Томку, идъ. Я не хочу таку корову, што въ день корова, а въ ночи Томко . . . Може то и грѣхъ съ такомъ коровомъ гандлювати . . .

И пишоль злодѣй. На другій день Мосько приходитъ на ярмакъ, позерать, а тамъ межи коровами стоить и его корова и румегать, якъ жебы ничъ не было. Иде Мосько ближе, обзерать — тота сама. Нахылился Мосько до уха коровѣ и гварить:

— Я тебе Томку ужъ гнеска не куплю . . .

Заморожены

Суть ищы лемкы заморожены,
Котры ся барзъ хвалять, же они учены.
“Лемка” газету пренебрегають,
Паньску “Свободу” собѣ чытають,
Або и польску, панье добродзьею,
О свѣнтѣй Магдальеньѣ и о Мацьею,
Чытають таке, што не розумѣють,
Такъ то премудры нашы лемкы жыють.
Отъ такихъ лемковъ можъ ся поучыти,
Будеме знати, якъ на свѣтѣ жыти . . .
Чужого ся не научили, свое забываютъ,
Але зато ученыма все ся называютъ.
Тому всьому причина лемъ наша темнота,
Котра ихъ запхала до того болота . . .
Про свою глупоту еденъ съ другимъ ворогуе,
А чужій насъ зато здорово высмѣ,
Же жыеме по старому, не признаме себе,
Лемъ “ученый” на “глупого” все ямочку гребе . . .
Але онъ самъ до ней впаде и тамъ и остане
И за свою фальшивость заплату достане . . .

Осифъ Болдышъ.

Разъ Коза -- Разъ Цапъ

(Народна Повѣданка.)

Жилъ въ нашомъ селѣ Кирій. Грунтину малъ малу, лемъ вымову, то коровы не могъ утримати, лемъ трималъ козы. Доховался того ажъ осмеро. Были три козы стары и старый цапъ и 4 молоды.

И разъ предъ ярмакомъ гварить Киріюви стара:

— Слухай старый, тоты стары козы бы треба продати, бо суть молоды, та до зимы задуже запуцати. Возъ ранъ рано тоты три козы и цаписка возъ, бо ужъ старый, ужъ му 7 лѣтъ, та може ся ти вдасть го даякъ пхнути дакому. А маме тоты молоды 3 козы и одного цапка, то засъ ся доховаме. А до зимы того вшитко страхъ запуцати, бо нѣтъ пашы. —

Кирій выслушалъ жену, а зато ей слухалъ, бо была мудрѣйша, та и теперъ послушалъ, лемъ ся му барзъ не любило тото, же и цапа казала брати, бо зналъ, же цапа ищы до того старого, а ищы и на зиму, продати буде трудно. Але стара возъ тай возъ цапа и до хыжъ го не вказуй. Што было робити? Заразъ вечеромъ дѣвча принесло отъ вѣйта пашпорты, стара приготвила мериндю и гварить:

— А возъ зо собомъ и дѣвча, та ти буде кто загнати козы, а и постояти при нихъ на ярмаку.

Додня Кирій всталъ, збудилъ дѣвча, казалъ му позвязувати 3 стары козы и одного цапа, тай въ дорогу.

Пришли на ярмакъ, на торговицу, тай стали. Долго никто ся ани не звѣдалъ, хоць козы были красота, гривасты, всѣ еднакы, бѣлы якъ гускы. И цапъ былъ такий самъ. Якоси ажъ въ полудне подходитъ Сирій, такий самъ газда якъ и Кирій, але ажъ съ третього села, лемъ же Сирій ужъ малъ корову. Але штожъ, коли присушила. И думалъ Сирій, ци бы не купити козу съ молокомъ. Тай гварить дѣвчатю:

— Чи то козы?
— Та мои! — гварить дѣвча.
— А ты продаешь?
— Няньо продають, але одышли деси, они ту заразы будуть.

Якъ разы Кирий надышоль:

Обмацалъ Сирій козы, выбралъ одну, тай звѣдуеся:

— Та кельо за тоту? Згода въ згону, тай погодилися. Взялъ Сирій свою козу, отлучилъ, тай привязалъ до поручате кусъ дальше, а самъ гварить:

— Но, зробилизме купно, то треба даякій литкупъ, жебы ся карало. Подте — кивнулъ головою и пустился ку корчмѣ. Кирий стигъ шепнути дѣвчату:

— Превяжъ козу на цапа . . .

Выпили, забавляи, тай Сирій вертатъ, отвязуе свою “козу” и провадитъ до дому. Та и Кириови ужъ не было што робити съ козами на ярмаку, попровадилъ и онъ. Добри, же ся цапа позбылъ.

Сирій припровадилъ свою козу до стаенки, привязалъ, приходитъ до хыжъ, тай гварить до старой:

— Купилъ емъ стара, козу, добру дѣйку.

— Ой, та добри, бо хоць дѣтямъ капка молока буде. Ужъ давно лыжки молока не видѣли. Тото коровя приушило ужъ давно и кто зна ци тювне. —

Покрутилася баба по хыжѣ, тай схватила дѣйничокъ:

— Пиду, гварить, вдоити кусъ молока дѣтьомъ до бандуръ, най бы зѣли, зачѣмъ спати пидуть. —

Иде, омыватъ, якъ обычайнѣ, але ся ей не здае . . .

— Та што то таке? Та я ищы таке вымя подъ козомъ не видѣла! . . . Тажъ то цапско! А бодай-же тя!

Плюнула баба и до хыжъ:

— Та што ты старый бортаку зробилъ? Тажъ ты старого цапа купилъ! А бобай-сь ся стратилъ зъ моихъ очи разомъ съ твоимъ цапомъ!

— Што ся ти засъ видить? Тажъ то коза

— Гей, коза! Та гдежъ коза таке вымя мае? То цапско!

— То коза!

— Цапъ! А якъ не вѣришь, то посмотри. Взялъ Сирій

литарню, тай вышли обое до стаенки, смотрятъ, мацають — цапъ! Подрапался по головѣ Сирій, тай гварить:

— До кротсетъ дябли! Та якъ то ся могло стати? Та на ярмаку я добри пообзералъ и бымъ присягъ, же то была коза!

Урадили, же ничъ, лемъ треба ити на каянку и отвести того цапска назадъ.

— Мамъ пашпортъ, то я го найду! Я му дамъ, я го научу, якъ продавати цапа за козу.

Всталъ Сирій рано, тай взялъ цапа и веде на третье село. Звѣдуеся людей, где тотъ а тотъ жие, якъ стояло въ пашпортѣ. Показали му. Зашолъ на обору, увязалъ козу до плота, тай иде до хыжъ. А Кирий ужъ видѣлъ презъ выгядъ, тай гварить до дѣвчате:

— Я го ту забавлю, а ты премѣнишь цапа на козу.

Входитъ Сирій злый:

— Дай Боже

— Дай Боже, дай добре здоровля, витайте. Та што васъ ту пригнало?

— Та ищы ся звѣдуете? Тажъ вы цапа за козу продали!

— Боже храни! Та што ся вамъ видить? Гдежъ бы я вамъ цапа за козу продавалъ?

— Та подте-же зазрѣти — гварить Сирій.

Вышли, смотрятъ:

— Коза — гварить Сирій.

— Та видите сами, же коза!

— Та якто оно выходитъ? Вчера зме обое зо старомъ смотрѣли, былъ цапъ.

— Бале то лемъ ся вамъ такъ звидѣло. То часомъ такъ приходитъ на чловека. Але подте до хыжъ, отпочнете дакусъ — просить Кирий.

— Пребачте, же васъ турбую — усправедливятся Сирій.

— Зато ничъ! — Ганцю, принесъ-ле дашто отъ Шмуля.

Ганця принесла, выпили, побесѣдували, а за тотъ часъ дѣвча засъ премѣнило козу на цапа.

Коли ужъ Сирій ся добри подохотилъ, гварить:

— Але я ужъ мушу ити, бо ночь. Пребачте, жемъ васъ беспокоилъ! Дякую вамъ за почесну. И вышоль Сирій, отвязалъ свою “козу,” тай до дому.

Ужъ когуты спѣвали, коли пришолъ до дому и стара ужъ не спала. Вышла лемъ такъ, якъ была въ постели и звѣдуеся:

— Та якже? отмѣнили ти?

— Але идже, дурна бабо! Та то не цапъ, але коза была! Тоту саму емъ теперъ припровадилъ, подъ по-смотреть, ци не коза? Смотрить баба:

— А бодай тебе покрутило! Та-съ ты засъ того цапска припровадилъ. Тотъ самъ, што и вчера!

Смотрить хлопъ, обзерать, протерать очы, цапъ! Кре-стится, смотрить цапъ!

— А бодай же тя ясный перунъ! Бабо! Дай ножа! Не поведу я го веце!

Зарѣзалъ Сирій цапа и зѣли по куску въ масны дни. Кусъ было чути цапиномъ, хочъ коза была.

До гнескы ищы Сирій не зна, ци то была коза, ци цапъ. Оповѣдать часомъ людямъ. Але Кирий знае и зато никому ничъ не повѣдать.

Бесѣда Библіяша с Комунистом

Сижу я собі на порчу,
Бо-м не при роботі,
Смотрю стоїт комуниста
С "Вістями," при плоті . . .

А пидходит до него

Библіяш кулявый,

Такий собі хлопина

Не велький не малый,

И привитал комунисту:

"Слава Сусу Христу!"

А комунист гордо гварит:

— То стара новина,

— Вспоминати в днесьніх часах,

— Ще божого сына!

А библіяш аж пидскочил,

Достал погу нову:

"Та ты, гварит, не віриш

"В нашого Егову?!

— Та щож мені той Егова?

Каже комуниста:

— Зробив тобі хоть раз добре

— Вже за рокив триста?

— Видишь, брате библіяшу,

— Страшне безробитя,

— А нас бідных робитників

— Кидают на сьмітя!

— Всі магнаты и бароны

— Идут, пют, гуляют,

— А нас, бідных робитників

— За худобу мают.

— А коли есть кто на плейзі,

— Що роботу мае,

— Гаруют ним так як мулом

— А істи не дают!

Библіяш:

"Чекай, брате, не согрішай,

"Щось так тяжко робив,

"Такий закон ще Егова

"Адамови зробив!

"Бо сказав му просто в очы

"В раю пид яблоню:

"Чекай Адам, хай ти приблю

"Печать на долоню!

"То буде от Мене знак

"Поколіню твому,

"Що не буде безробитя

"До віка никому!

Комуниста:

— Ну то як до чорта тепер?

— Та чому не робиш,

— Коли такий закон божий

— В библіи знаходиш?

— Але ходиш и жебраеш

— Як дідуган старый!

— Думаеш, що хто повірит,
— Що ты вже нездалий . . .

Бібліяш:

“Не сумуй ты, брате, того,
“Що не маєм тут нічого
“Віруй щиро у біблію
“И не трат в Бозі надію,
“А заживеш ты по смерти,
“Не будеш ся мав с ким жерти,
“Так бо писано в письмі сьвятому,
“Що там не буде хтілось істи нікому.

Комуниста:

— Ну, то я пчихаю на твою раду,
— Можешь сунути єї просто до з . . .!

Бібліяш:

“Ну, чекай-же товаришу,
“Хай тобі ще одно напишу:
“Хоть біблії ту не маю,
“То напамять я всьо знаю:

Комуниста:

— Ну, то кажи скоро цапе
— Хай слухаю, що там таке?

Бібліяш:

“Чи знаеш ты, що Егова
“Сотворив сьвіт и всьо довкола
“И поставив чоловіка
“Щоб уживав всьо до віка?

Комуниста:

— Ну, то чому не вживаешь,
— Але ходишь, нарікаешь?

Бібліяш:

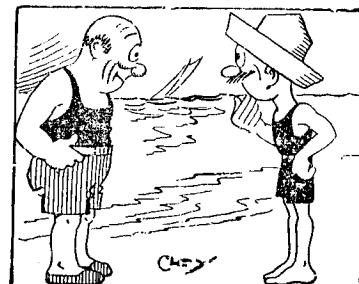
“Ну, ты чекай, братку любый,
“То всьо пишло чортам в зубы:

“Як ся в небі збунтовали,
“То Егова іх виддалив,
“Кинув з неба іх на землю
“Щоб они тут газдували . . .
“Взяли вони землю в руки,
“Крутят нею до роспуки!
“Попы в церквах, як шатаны,
“Бо так в біблії написано:
“В письмі сьвятим, в главі Йоны,
“Ясно стоїт, що всі они
“Правлят, моляться за гроши —
“Хто ім даст, тот хороший,
“А хто не даст ім доляра,
“Того мают за сомара . . .

* * * * *

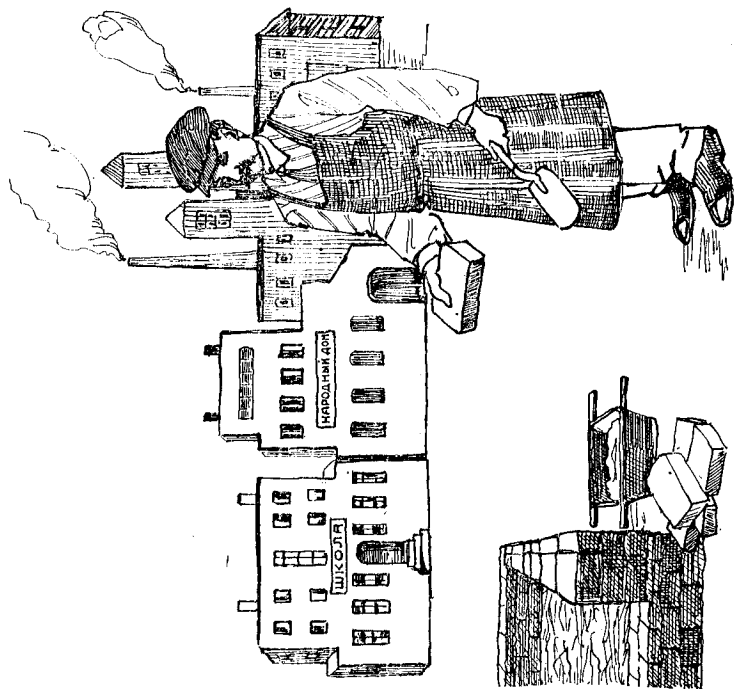
Хотіл бібліяш дальше молоти,
Бо еден и другий были без роботы,
Але же оба были з розумами,
Не вышли бы с того ани до заране,
То комуниста шол “Вісти” чытати,
А бібліяш главу Йоны изучати . . .
А я остал на порчу и почал думати,
Ци пророцтва ся іх сполнят
На том божом світі,
Ци нам треба без роботы при майні сидіти?

Лемко с Колпмант.

Мы

Сусьде

Матвій Гробар

Был я уж гидным батяром, як помер мой глухий Дідо. (Называю го глухий, бо нераз в літі, як перун стрилил, што коровы на коліна зо страху попадали, мой Дідо пороззерался по собі, ци му гачы не роздерлися, а потом звідался ко-
ровяров: “Ци ся мі здае, ци дашто пукло?”).

Помер, тай поховали. Не знам, ци в каждом селі такий звичай, што як вертают с цминтара, то вшыткы идут до той хыжы, откаль небощыка вынесли, и честуются, за вічну память. У нас так. Та и по похороні мого Діда посходилися, вшытка родина, сусіде и знакомы, для почестунку. Идут, пют и при том вспоминают душу небощыка. Але о пару хвиль приходить и гробар на тоту гостину. Тета зараз до него, с квартирком и порціом, честуют и просят Матвія гробара, жебы лем даяк діда добри загребал, жебы не ходил страшыти. Гробар ся сьміе и махат руком, а тета наляла другій:

— Ношти, но! Выпійте, а припилнуйте, бо я ся небощыка барз бою, бо он певно мал два духы, бо хоцколи сам до себе бесідувал.

“Не бойтеся нич — гварит гробар — як я го приложу, то хоц бы мал и десят духов, то уж веце не встане!”

— Та лем будте так добры и зробіте, як найліпше знате! Ношти, но! — И тета наляла гробарови третій.

Гробар был собі уж хлоп в роках и хоц привык до питя, а третя уж му голову завернула и зачал уж голоснійше кричати, та крикнул до людей

— Послухайте мя людонькы Божы, што я вам ту оповю, а увидите, што я уж не в таком страху был, як с вашим Дідом. Вірте мі або не вірте, але я уж был в пеклі! — “Як до того часу был в хыжы ярмак, каждый кричал еден другому, тепер вшытко втихло, як бы мак сіял. Мой стрык нюс порцію до гамбы, уж ей отворил, але не донюс, так остал

с отвореном гамбом и порціом в руці, як бы закаменіл. Уйко откусил добрый фалат хліба, але щекы му одмовили послушества и престали ся рушати. Тета лем раз выпустила фляшку з рук, лем ся брэнк зробил, котрый прервал тишыну. Я сунулся в самый кут пеца и напял уха. Коли гробар Матвій видід, што його новина таке вражыня зробила, помолчал таемничо, отхаркнул, плюнул и так почал:

— Може ся вам памята, як зме того паниска з над села ховали? Загрюб я його, як звычайно и пошол собі с цминтаря домив. Повечеряли мы, помолилися и полягали спати. Вздримнул я, здавалося недолго, слухам, сьпіват когут под припецком дванасту годину. Бо знате, мали мы старого когута, што вшыткы години вам до минуты выпівал и то каждую вырахувал як даяка годинка. Праві когут выпівал дванатцет, а ту ктоси гримат до окна. Я скочыл с постели до окна и кричу:

— Кто там и што хочеш?

Смотрю ліпше, а там стоїт двох панов и гварят:

— Под на цминтар и покаж нам, гдес того паниска поховал.

— Та там — гварю — посередині над плотом, там го найдете и сами. Деж я пиду, кед я непозбераний?

— Не мудруй, лем отвор двери, выйд и под з нами, та нам покажеш!!

И што мі было робити? Ручо я двери отворил и приступил порог, а паниска мя попод руки меже себе и в секунді я был уж на цминтари . . .

— Ой, сохрани нас Господи! — вздохнула стара Мавра и прекстилася. — Та то не панове были, але злы дуси И што они дальше с вами робили?

— Коли мя там принесли и я им показал гроб, еден з них вштурил руки до землі и вырвал небощыка пана из трумны. Потом порвал еден небощыка, другій мене и женут с нами попод хмары, понад горы, верхы. Але преці дал мі панбог таке натхніня, што я вшыткы горы верхы рахувал, жебым знал, як вертати и трафити домив. Нарахувал я того 77 верхов. За 77 гором стали з нами при воротахъ пекольных.

— Ой, зле ся стало — гварит стара Мавра — то деси далеко до того пекла. Та што сте там виділи, Матвію?

— Га, отворили зо скрипом ворота, в тоту квартиру, где

нич лем самы котлы, банячыска, банякы. Пана мого небощыка доразъ до баняка, до кпячой смолы. Як сой сіл, то лем гыкнул, опаріло го аж по карк. А мене взяли, поводили по цілом пеклі: Го, го, го, што там того! Зо всіх народов и всіх стран сьвіта!

— А з нашего села сут? — зьвідуются погребовы.

— Тото мі заказали бесідувати, кто там есть и на кого місце приготовене и як бы я того повіл, то зараз умру. Але як мя уж обводили, выпровадили мя вхопил, взнюся зомном и жене зомном высоко понад верхы, зас назад понад всі 77. аж мя принюс до хым и як мном вріже на постель, то одразу ся в постели дошки зламали, а я зо старом наплизме ся под постельом. Баба йойчыт, кричыт:

— Кого — гварит — гріха робишь? Цис одуріл доцяп?

— Я ледво выліз, а когут засьпівал першу годину. Уж я не складал постели, лем пошол спати на пец, а стара на припецку дорана прекучала. —

Покончил гробар Матвій оповідати свою пригуду. Люде зас почали пити и істи и бесідувати. Бесідували о том, ци гробар наравду был в пеклі, ци не был. Едны вірили, што был, а другы не довірювали. Але вшыткы вірили, же Матвій Гробар мусит дашто знати, мусит знатися с духами, як бы не знал, то не был бы гробаром. Такого, што нич незна, задусят.

— Мусит штоси знати . . .

— Та певно, же знае!

Лемко
Колпмант, Па.

Псякрефъ! За мацохы Австріи — на пршедновку давали
 для быдльонтъ суль, а для людзі кукурыдзе — а тєразъ за
 маткі Польскі остатньомъ крове ексекуторъ забъера! Псякреф!

Кто Ма Замѣръ ся Женити

ЛЕКЦІЯ ЗЪ ЛЕМКОВСКОЙ ГЕОГРАФІИ

(Смотте на мапу).

Кто ма замѣръ ся женити
 Най не чекать до осени —
 Але най ся пообзерать,
 Най ся шумнѣ поприберать,
 И най доразъ ся оженити!
 Бо кто сой жычитъ доброй газдынѣ
 Най сой выберать жену зо Ждынѣ.
 А кто засѣ любитъ молоды дѣвкы
 Тотъ най перейде ажъ до Ванѣвкы,
 Тамъ, сугъ дѣвчата “очень хорошы”
 Але не мають грунту ни гроши . . .
 Якъ лемъ богаты, хоць стары вдивцѣ
 Можуть сой найти жену въ Ванѣвцѣ . . .
 Але якъ ищы молодой вдовець,
 То най ся удасть до Костаровець,
 Тамъ сой выбере — хоць и кусъ брыдку,
 Але достане дуже маѣтку.
 А кто бы хотѣлъ доброй спѣвачкы,
 То най ся звѣдать — де до Мохначкы?
 Де до Тылича або до Гуты —
 Тамъ сугъ дѣвчата, што знають нюты.
 А ищы тото — потихы повѣмъ,
 Же часомъ найде жену въ Лабовѣ —
 Лемъ до Угрина нѣтъ чоґо ити,
 Бо тамъ дѣвчата не мають дѣти . . .
 А котрый любитъ барзъ чорны очка,
 То най ся удасть, лемъ до Вислочка . . .
 Кто собѣ жычитъ засѣ парадницю,
 То най посмотритъ лемъ на Крыницю,
 А кто заѣде ажъ до Завадки,

То певно найде дѣвчата гладкы . . .
 А кто ужъ нѣякъ не найде пары,
 То най ся звѣдать, де суть Брунары?
 Бо тамъ на тысячъ-пятсотъ народа,
 Една тысяча женского рода.
 Ай въ Вороблику, Шклярахъ, Кролику,
 Въ Избахъ, въ Ропици — въ Чырной, въ Рѣпнику,
 Лемковскихъ дѣвчатъ мате безъ лѣку.
 Темпераменту лемъ тра до того
 И кусъ отвагы и силы въ ногахъ!
 Але рѣчь перша — то суть доляры,
 Най о томъ знаютъ млады и стары.
 Женитися можуть наветъ дурнѣ,
 Ци то въ Рѣпедѣ — ци то въ Остурнѣ.
 Най собѣ каждый мапу розложитьть,
 И най поглядать — де котре село —
 Найде сой жену, яку самъ схоче
 И буде ся му до смерти вело! . . .

Сватъ.

Панска Хороба

Заболѣлъ мой сусѣдъ Филипъ Коцюба, ищы змолоду, на мучительну панску хоробу. Хоць заразлива тота хороба, зато не смертельна, але потребуе строгой кураци и дотого доброго, талантливого доктора, котрый бы тоту хоробу заразъ зрозумѣлъ.

Примѣромъ простый человекъ привыкне ѣсти капусту, картошку, борщъ. Але часомъ припадково закусилъ “ка-варъ,” панску дорогу потраву. Тай заразъ голова съ того завернулася, жолудокъ зделикатнѣлъ, ужъ капуста и картошка не смакуе, человекъ хвѣся и поддаея хоробѣ. Глядать человекъ доктора, возме першого лѣпшого, тотъ не лемъ не поможе, але ищы больше дражнить человека. Радятъ взяти спеціалиста, котрый лемъ таку одну хоробу лѣчить. Ту ужъ здаея хорому, што отъ першой визиты и першого лѣкарства полѣпшалося. Але где тамъ! Спеціалистъ человекъ мудрый, бо бы не былъ спеціалистомъ. Онъ лемъ посмотрить на хорого, а ужъ знае не лемъ его хоробу тѣла, але и души и рахуе, сколько можна отъ него взяти, тай заразъ повынаходитъ всяки други хворости и поназывать ихъ по латынѣ, што ани выгварити не можъ! Такъ тя престрашить, што ся ти здае, же ужъ ти буде “реквіемъ” (“со святыми упокой!”) Хорый зо страху ледво на ногахъ стоить. Въ часъ “спець” вдарить по плечахъ и гварить:

— Ничъ ся не турбуй, будешъ “окей,” лемъ приходъ на “тритментъ.”

Такъ и мой Филипъ Ивановичъ Катуба, якъ мы его теперь знаме (изъ Коцюбы), хоць онъ не былъ “больной желудкомъ”, зато хорѣлъ, на такъ звану, панску хоробу.

Ищы коли былъ дома, въ старомъ краю, то го родиче дали учити на шевця, бо въ полѣ нѣякъ не хотѣлъ робити. Шевства научился, але то ся му не подабало. Гвариль, же шевця никто не поважатъ, никто даже уваги на него не звер-

тать, хиба на пьяного, то лемъ ся посмѣхають. Шмарилъ Филипъ шевство и прѣхалъ въ Америку ищы предъ войномъ.

Ту въ Америкѣ не знати, яку роботу робилъ, бо мало коли бывалъ межи крайнами, лемъ такъ мож го было видѣти на “лекціяхъ.” Одного разу былъ на лекціи “князя” Ошоломилова, котрый прибылъ въ Америку изъ Парижа, гнетъ по войнѣ. Лекція была на тему: “Борьба за существованіе” . . . А при концѣ лекціи лекторъ объявилъ всѣмъ присутнымъ, же кто хоче брати уроки въ якихъ нибудь “умственныхъ предметахъ,” най приде завтра, бо завтра зачинать выклады. А предметы тоты таки: Альгебра, Геометрія, Филологія, Философія и т. д. Все то преполезно знати. Коли челоуѣкъ того не знае, онъ не ученый . . .

Розумѣся, што нашъ Филипъ Ивановичъ доразъ записался на науку и то пятый зряду — а за нимъ посыпалися, якъ горохъ и други, якъ виндовашеры, пентеры, кравцы, шевцы, вшитки, што хотѣли быти дачѣмъ другимъ, а не тѣмъ, чѣмъ были.

Скоро князя одѣли по американски, гладко, по джентлеменски, бо ходилъ въ якойсй военной блюзѣ.

Але якоси недолго имъ “преподавалъ” тоты науки, бо деси досталъ лѣпшу роботу, больше “княжеску.” А студенты розышлись по своихъ работахъ, стати панами не удалося.

Лемъ Филипъ Ивановичъ Катуба почувъ той, “науки” и ищы лѣпше захорѣлъ на панство. Ужъ и женитися давно часть прешоль, але не могъ сой добрати такой подходящей. Свои дѣвчата любили го барзъ, але онъ и смотрѣти на нихъ не хотѣлъ, бо то хамкы, не знаютъ, якъ при столѣ сѣсти, а ни заховатися, а ту и ѣсти треба знати по пански, бо то инакше. Треба знати, якъ и коли треба ѣсти салату, а коли зупу, где што ма быти положене. А Филипъ Ивановичъ хотѣлъ таку жену, жебы и на фортепьянѣ знала грати. Таки его бесѣды такъ докучили дѣвчатамъ, же го ужъ и сами шмарили . . .

Нарештѣ задумалъ нашъ Филипъ самъ учитися на фортепьянѣ . . . И одного мрачного, скучного дня, а ищы для самотного кавалера, застукалъ нашъ Филипъ Ивановичъ въ “Студио Мадамъ Соре” на Исть сайдѣ . . . Мадамъ Соре спеціялистка во вшиткихъ артистичныхъ штукахъ: професорка танцевъ, спѣву, музыки и др. Лемъ посмотрѣла на

Филипа Ивановича и его грубы пальцы, заразъ отгадала, яку ему музыку нужно. Такъ сердечно занялася нимъ, же го все на самомъ остатку притримовала и потомъ ужъ замыкала двери и больше ужъ имъ никто не мѣшалъ въ ихъ лекціи. Мадамъ Соре такъ была перенята его успѣхами, што ужъ никому не хотѣла давати лекцій, лемъ цѣлый часъ съ Филипомъ Ивановичомъ занимала. Повѣдала ему, што онъ правдивый талантъ мае, лемъ го не треба закопати. Така похвала для Филипа Ивановича значила больше, якъ цѣлый свѣтъ!

Въ концѣ концовъ побралися, яко законный мужъ и жена. Правда, Мадамъ Соре наполовину старша отъ Филипа, але зато мае таки пански манеры, якъ даяка принцесса, а до того знае вшитки науки и мае вшитки пански таланты и спѣвать и гратъ и танцуе. Але найлѣпше знае, якъ хлопа до работы запрячи, ой того то она зна!

Теперь Филипъ приходитъ ужъ кусъ до себе. Ужъ зачалъ штоси баламутити, же поѣде въ Сов. Союзъ туристомъ, думать тамъ остати, хоць тамъ панове вывелися. Але коли почула о томъ Мадамъ Соре, ужила ищы едного своего таланту, якъ притримати мужа. Заразъ му купила гавза, розумѣся на моргичъ, ажъ деси въ контрахъ, съ фронту насадила цвѣтовъ, “зъ беку” цибули, редкы и т. д.

Теперь, коли идете коло ихъ гавзу, то чуete спѣвъ при фортепьянѣ, то Мадамъ Соре гратъ и спѣвать. Филипъ въ работѣ. И то достъ далеко мае. Але не думайте, што коли верне з работы, то отпочиватъ, або на фортепьянѣ гратъ. Но, копать все дашто въ загородѣ и приспѣвуе подъ носомъ: “Ей ухнемъ, ей ухнемъ”

Юркова.

Листъ до Милого

Коло стола-м стала — головы-м ся яла,
Што бы-м Тобі Милый — написати мала?
Уж ем собі сіла — за перохватила,
Лем една сусіда мі перешкодила!
Сижу си на креслі, креслом си колышу
И до Тебе Милый, дробный листокъ пишу . . .
Не пишу ти пером, ани атраментом,
Але моим сердцем, якбы дияментом . . .
Олувком писано, а аж сердцу мило,
Бо ся с Тобом, Милый, давно не виділо:
Поздравляю я Тебе през високу браму,
Дала бы-м Ти ручку, лем-же не достану!
Поздоровляю я тя през горнятко соли,
Пишу до Тя листок, але барз поволи.
Як ем лист писала, каву-м розиляла,
Бо я про Тя, Милый три ночкы не спала . . .
Горенько плакала и плакати мушу,
Про Тебе Миленький, тай на Твою душу!
Поздоровляю я Тя през высокы двери,
Ніт красшой фреіркы в нашом цілом селі!
Поздоровляю я Тя през горня молока,
Жебым Тя достала за вірного хлопа . . .
Який Ты был циган, така я циганка,
Як ем лист писала, збилася мі скланка . . .
Склянка ся мі збила, вода ся выляла,
Бо я ся уж буду гнетка выдавала . . .
Уж бы-м ся выдала, уж бы-м и забыла,
Кебы я за тобом тилько не смотріла . . .
Поздоровляю я Тя ищы през гусака,
Бо уж мі отпала вцалі от Тя дяка . . .
Поздоровляю я Тя през цаповы рогы,
Бо Тобі ся іли в нас нераз перогы!
Перогы ся іли, молоко ся пило,
Нераз я Тя нераз перином прикрыва.
Поздоровляю я Тя, а и през барана:
Здыхал Ты хоробо нераз в нас дорана!
Откаль сонце всходит и кади заходит,

Все о Тобі мышлю, где Ты тепер ходиш!
Де Ты тепер ходиш, де Ты залітуеш,
Каждой ночи ся мі, верабоже, сниещ!
А тепер мі напиш, кто там луку косит,
Ци наше теля лысе ищы звонок носит?
А тепер мі напиш, як наша кобыла?
Коли-м на ню сіла, все ем з ней злетіла!
Ищы Тя поздравляю през бурого кота,
Жебы ты потягла ту за мною охота!
Поздоровляю я Тя през купочку сіна,
Так о Тобі думам, же добри не знигу . . .
Поздоровляю я Тя през зламану яблин,
Як ес мя не хотіл, бодай ес ся заднил
Поздоровляю я Тя през дудлаву сливу,
Чогос мя не хотіл, таку шумну дівку?
Чогос до нас ходил? Чогос мене зводил?
Бодай ты ся за мя аж во двое згорбил!
Поздоровляю я Тя през згнилу цибулю,
Як ес мя не хотіл, воз собі бабрулю!
И я не жалую, а Ты пожалуеш,
Аж втовды увидиш, як ей попрубуеш . . .
Бо втовды Ти буде поздно жалувати,
Як она Ти буде істи рыхтувати!
Істи рыхтувати, носом потігати . . .
Нераз Ты си будеш мене вспомянати . . .
Мене вспомянати и о мі думати,
Як Тобі все было при мі мягко спати . . .
Бо я Ти стелила заголовкы с піря,
Она Ти постелит дырва и камина!
Буде она буде перше пробувати,
Ци ся Тобі буде мягко на том спати . . .
Будеш Ты ся будеш нераз обертати
И нераз ся будеш за клубы імати . . .
За клубы імати, голову скубати!
Было Тобі было, мене ся тримати!
Поздоровляю я Тя през того бодака,
Бо я уж не хочу такого пияка!
Или ся Ти у насъ на мягко яечка,
Была з мене добра Твоя фреіречка.

Написал Лемко з Юнкерс.

Лемковскы Спѣванкы

Чом ваше оkenко красно мальоване?
Ей, бо в него миленький, хоцколи загляне,
Чом ваша заградка окописта квѣтя,
Ей, жебы было дѣвчатку вѣночки вывити . . .
Ей, певно ты дѣвчатко, ей добри ся не чуеш,
Ей, коли свое личко, ей фарбами малюеш . . .
Ей, добри ся не чую, ни ся не малюю,
Ей, лем пю з зѣльом воду, та ся румянію . . .
Чом же ты дѣвчатко, ей таке не веселе?
Ей, бо и млин на воду, ей без воды не меле . . .
Горы мои горы, ей зелены дубравы,
Якы в ваших дѣвчат, премиланькы бровы!
Ани ся не смучу, ни ся не веселю,
Ей, лем ся так прохожу, по меж лѣс по полю . . .
Николи бы я вас не любил дѣвчатка
Ей, як бы вы не мали, ей чорны оченятка
Ей, та чого орати, чого боронити,
Та чого дѣвчатко, ей до шлюбу мусѣти . . .
А в наших Карпата, ей прекрасны дѣвчата,
Ей, хлопці их не люблят, бо дуже завзяты . . .
Ани ся мѣ не хваль, ани не преказуй,
Ни ся мѣ на очы вѣце не показуй!
Чом твое серденько для мене студене,
Ей, бо твое таке, фальшыве для мене . . .

* * *

Родина шырока, не можь не любити,
Не можь ся встримати, штобы к ней не ити . . .
Як я ся кус встарил, вѣйтом мя выбрали,
Зас широко полюбил, ей, та цѣлу громаду!

Родный Лемко.

ГОНОРОВЫ

Бесѣдувати не буде такій гоноровый,
Ани зѣ братомъ ани сестромъ, хоць бы родной крови!
Зато люде такъ бѣдуютъ, хоць не треба того,

Але што-жь робити — гонору замного
И той панской привычки, хоць и бѣдачына,
Хоць каждому вредна — триматся людина . . .
Тоты панскы привычки робять баламуту,
Не можеме ся познати и разѣ зыйти в купу,
Въ каждой теперь державѣ вѣрѣ тельо ажъ страхъ,
Каждая вѣра една другой, ненавистный врагъ!
А якъ вѣры врагами, то и люде тоже:
Еденъ другого проклинатъ, покарай го Боже!
И такъ люде привыкли до такой молитвы,
Бога на инше не мають, лемъ на свои збыткы!

Осифъ Болдышъ.

АЖЪ ЗАРАНЪ ХОЧЕ ХЛѢБА

Мама: Якъ то ты, Петрусь гваришь тотъ “Отченашъ?”
Хлѣбъ нашъ насущный даждъ намъ “днесь,” а ты гваришь
“заранъ!”

Петрусь: Та коли днесь мя брюхъ болить . . .

НЕ ПРЕСТРАШИЛЬ . . .

Грали евреи, ужъ такы богаты, въ карты и коли еденъ
изъ нихъ програлъ всѣ свои гроши, 12 тысячъ долларовъ,
померъ на сердце зѣ жалю . . . Партнере почали радитися,
якъ о его смерти донести женѣ и кто мае донести, жебы ей
не престрашыти. Выслали найспрытнѣйшого Ицка. При-
ходитъ Ицко до жены небощика, Сары, тай гварить:

— Сара, твой мужъ програлъ тысячъ доляры . . .

Ну, а што тобѣ до того, што оно програто, оно свое
програто, не твое — гварить пышна Сара.

— Сара оно програто 2 тысячъ доляры! гварить Ицко.

— Ну, што “му шкодитъ програти 2 тысячъ, хоць бы
штыри програто!

— Сара, оно програто 6 тысячъ

— Оно може програти и 8 тысячъ!

— Саро, Оно програто 12 тысячъ, оно програто вшитко!

— А най-же го шлякъ трафить! крикнула Сара . . .

— Сара, онъ ужъ його трафило!

ДОБРЫИ ДОКТОРЪ

— Мой докторъ повѣдалъ, што до двоухъ недѣль мя на ноги поставитъ?

— И што? дотрималъ слова?

— А якже! Я мусѣль продати авто, штобы му заплатити . . .

И ЗЛОДѢИ ДОБРО ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Судья засудилъ правѣ злодѣя и говоритъ му казаня:

— И нашто ты чловече жѣешь, што ты за корысть приносишь для людей и державы?

Якто? Я далъ роботу тремъ дедективамъ черезъ три недѣли, та и вамъ, мистеръ судья, што теперь въ часѣ такого безробота велике дѣло для мѣста и державы!

ЖАРТЪ БАНДИТОВЪ

Въ тѣсной уличкѣ притиснуло двоухъ бандитовъ прохожого и еденъ гваритъ:

— Дай намъ цента!

Прохожій утѣшился, што такъ легко откупится отъ нихъ, вынимать цента и дае. Але хотѣль знати, нашто имъ цента и проситъся:

Слушайте, а нашто вамъ цента?

— Цента намъ треба подкинути вгору — гваритъ бандитъ — жебы потомъ не было межи нами спору, кому изъ насъ припадуть твои гроши, а кому годинка . . .

Важне для цѣлого русского народа.

НАША ИСТОРИЯ

В вопросахъ и отвѣтахъ, есть наилучше пособие выучится своей русской исторіи. Тамъ описаны главныя событія коротко и ясно, на чисто народномъ малорусскомъ языкѣ, чтобы глубоко внѣдрились въ память, якъ молодымъ такъ и старымъ. Легко читати, великіи буквы съ удареніями.

Издавъ долголѣтній учитель.

Цѣна 35ц., когда кто выписываетъ въ большемъ количествѣ. Одна книга 50ц.

Адресъ издателя:

ELIAS G. BORUCH

P. O. Box 5

Coaldale, Pa.

БУДУЩИИ ДИПЛОМАТЪ

— Изъ вашего сына былъ бы добрый дипломатъ — гваритъ отцу ученика учитель.

Отецъ утѣшился, што учитель похвалилъ его дитину, тай проситъся:

— А чомъ вы такъ думате, пане учитель?

— Бо вашъ сынъ николи правды не повѣсть!

1932 КРИЗИСЪ

Планный часъ, най го фрасъ!

Най го фрасъ ищы разъ!

Але, ци ся часъ поправитъ,

Ци лѣпше буде даколи . . . ?

Най лемъ каждый буде здравый

И най ма достъ хлѣба, соли!

Най не мерзне на морозѣ,

Най ма во што ся прибрати —

И най ма надѣю въ Бозѣ

То ужъ може вытримати.

Часъ ся змѣнитъ — такъ якъ мода

Разъ есть така — а разъ сяка —

По буряхъ — есть все погода

Титъ не буде все однако!

А же всѣмъ намъ бракъ роботы,

То бракуе всѣмъ и всяди:

Але ждѣйме терпеливо

А чей на то ктось порадитъ . . .

Ужъ гнетъ придуть такы роки,

Же “дзябъ” каждый зъ насъ достане

И робочій людъ отжые,

Лемъ тра ждати — моцюмпане!

А я, Вашъ Сватъ, Лемко старый

Всѣмъ крайнамъ жычу здравя,

Силы до перетриманя,

Бо часы ся гнетъ поправятъ!

Сватъ.

Може Вы Хоры ???

Коли Вы хоры и нїяки докторы и ихъ штучны лѣкарства Вамъ не помагають, ужїйте **“Лекоторію”**, лѣкарство приготооване изъ натуральныхъ, лѣчничихъ зѣль, а одна фляшка, зажита Вами ведля препису, полѣпшитъ Ваше здравя.

Житяя человекѣ въ натурѣ и его здоровья въ натурѣ.

Коли человекѣкъ жилъ въ натурѣ, лѣчилъ свои хоробы натуральными лѣсками, зѣльями — былъ здоровый, крѣпкій и жилъ долше

Теперь, коли люде штучными лѣкарствами усувають на хвилю свои болы, приглушають ихъ, але не усувають, бо тоты лѣкарства радикальны, остры — помагають на одно, але шкодятъ на друге, шкодятъ цѣлому организму человекѣка причиняють терпѣня и коротяць житя.

Што есть найлѣпшого въ зѣльяхъ природы, тото есть въ **“Лекоторія”** и потому она помагатъ сегодня тысячамъ людей на: катаръ жолудка и кишокъ, газы въ жолудку, отрыжку, хроничне затвержїня, нервность, безсонность, боль и заворотъ головы, нерегулярность печенки и нырокъ, хоробы скоры, слабу и нечисту кровь, болы ревматичны и на други болѣзни изъ простуды, слабого жолудка и нечистой крови. **“Лекоторія”** не лемъ устраняетъ въ которткомъ часѣ всяки долегливости, але, послѣ очищеня крови, дае энергію до житя, зробитъ Васъ новымъ человекѣкомъ.

Отколи **“Лекоторія”** появилася, пришло въ нашъ офисъ десятки тысячъ писмъ благодарности отъ такихъ людей,

што ужъ стратили всяку надѣю быти даколи здоровыми. **“Лекоторія”** улекшила имъ.

Старчитъ Вамъ попробувати одну фляшку, штобы Вы преконалися, што **“Лекоторія”** правдиве, натуральне лѣкарство для отвѣжїня вашего цѣлого организма. Она приведе въ порядокъ Вашъ жолудокъ, урегулюе его и Вы наберете нового апетита.

Мы не потребуеме хвалити свое лѣкарство, старчитъ Вамъ спытати кого-нибудь, кто заживалъ **“Лекоторію”**, а онъ Вамъ повѣстъ о ей вартости. **“Лекоторія”** виробила собѣ сама рекляму доброго лѣкарства своей натуральностью, бо викому она не пошкодила, якъ не шкодитъ добре лѣчнице, горьке зѣля, а помагатъ многимъ. Заордеруйте собѣ еще сегодня тото лѣкарство, коли чувствуете нездорово, а не пожалуете

Правдива **“Лекоторія”** регистрована въ Департаментѣ Патентовъ С. Ш. въ Вашингтонѣ и каждая фляшка печатана.

Цѣна великой фляшки, 16 унцій, \$1.75, съ пересылкомъ по почтѣ \$1.85 — 3 фляшки за \$5.00, 6 фляшокъ за \$9.00. **“Лекоторію”** высыламе просто изъ Лабораторіи — Гроши съ ордеромъ посылати чекомъ, або **“мони ордеромъ”**, або паперовы гроши въ регистрованномъ письмѣ.

Подайте свой точный адресъ.

Всѣ письма до насъ адресуйте:

KARNACK-AMBROSIA CO.

P. O. Box 190 Dept, 25 -- Scranton, Pa.

Каждый русский человекъ въ Юнкерсъ долженъ быть
ЧЛЕНОМЪ А. С. КЛУБА ВЪ ЮНКЕРСЪ,, Н.И.
реорганизованого въ 1931 году въ
**ASSOCIATION OF RUSSIAN - AMERICAN CITIZENS
INC.**

22 Croton Terrace, Yonkers, N. Y.
Урядники: А. Василенко, предс., А. Пупчикъ, мѣстопр.,
И. Адамовичъ, кассиръ, М. Симочко, зас. касс.,
А. Яцевичъ, ф. секр., В. Федакъ, секр.
Директоры: И. Корба, Н. Слота, П. Данюсярь, Ф. Бы-
бель, А. Кропчакъ, А. Панчаръ, И. Малютичъ.

Tel. NEpp. 544.

Въ шторѣ Малютича Юанна
Въ полудне, въ вечеръ и зрана
Свѣжій товаръ достанете
Николи не пожалуете!
Онъ нашъ крайнъ зъ села Рѣпокъ,
Всю продае на уютокъ!

JOHN MALUTICH
Groceries, Delicatessen, Ice Cream, Soda,
Cigars & Cigarettes

131 Yonkers Ave., Yonkers, N. Y.

Александръ Василенко
Всѣмъ намъ знаный Крайнъ-Лемко
Мае штора першой клясы,
Знають о томъ люде наши!
Што Вамъ треба достанете,
Купите, не жалуете!

ALEXANDER WASILENKO
Groceries and Meats

51 Garfield St. Yonkers, N. Y.

Tel. Yonkers 6021

Нашъ Млинарикъ бизнесъ знае,
Все найлѣпше всѣмъ продае!

HARRY MLYNARYK
Groceries & Delicatessen

39 Currans Lene Yonkers, N. Y.

ВЛАДИМИРЪ ГОНЧАРИКЪ

У Гончарика Владиміра
Найлѣпша вага, найлѣпша мѣра,
И все свѣжій товаръ — мяса,
Бо тотъ шторъ, то перша кляса,
А Гончарикъ справедливый,
Съ каждымъ гречный, съ каждымъ милый!

WL. HONCHARYK

GROCERIES & MEAT MARKET

359 Nepperhan Ave.

Yonkers, N. Y.

РУССКА ЛОНДРА, ЮНКЕРСЪ!

Свахо! Ци сами перете,
Ци прати даде даете?
Якъ даете, то дайте до своего,
Выпере вамъ чисто, скоро, а недорого!

YONKERS PERFECT LAUNDRY

18 Archer Place

Yonkers, N. Y.

Tel. Yonkers 3123.

Кто бы не зналъ Гончарика,
Лемка, въ Юнкерсъ бизнесмена
И честного человекъ?

ADAM HONCHARIK

Butcher & Grocer,

92 Jefferson St.

Yonkers, N. Y.

Tel. Yonkers 3278

Корба Юаннъ бизнесиста,
О томъ знаютъ здальша, зблиша,
Въ Юнкерсъ штора теперь мае,
Нехай каждый завитае!

JOHN KORBA GROCERIES

15 Yonkers

Yonkers, N. Y.

До Николая Симочка идуть люде и сдалечка,
Каждый о томъ добре знае, што онъ свѣжій товаръ мае!

N. SYMOCHKO

Fine Groceries & Meat Market

20 Croton Terrace

Tel. 4130

Yonkers, N. Y.

Годины и Годинки продаю по найнижшой цѣнѣ,
тоже поправляю, стары змѣняю на электричны. Ку-
пую старе золото и серебро, даю найлѣпшу цѣну!
Малы гроши, велика работа!

SIMON OLESNEWICH

Watches and Jewelry Repairing

424 Wa'nut St.

Yonkers, N. Y.

Юаннъ Лукачъ, то нашъ шторникъ, старый бизнесиста!
О томъ знае каждый хлопъ и каждая невѣста!
Ноле брате и ты, сестро, не забывай того,
Якъ машь ити до чужого, то лѣпше до своего!

JOHN LUKAS

Groceries & Delicatessen

40 Croton Terrace,

Yonkers, N. Y.

Tel. Yonkers 5562.

Где Вы такъ спѣшите зрана?
До Бочневича Юанна,
Бо онъ свѣжий товаръ мае,
О томъ каждый въ Юнкерсъ знае!

JOHN BOCHNEWICH

Groceries, Fruits, Meat Market

53 Clinton St.

Yonkers, N. Y.

Tel. NEpp. 6160.

Кто въ Дуркота папробуе,
Николи не пожалуе!
Кенды, айскримъ, зимна соды,
Для старыхъ и для молодыхъ!

A. DURKOT

Ice Cream, Cigars & Cigarettes

24 Croton Terrace,

Yonkers, N. Y.

РУССКІЙ КОНТРАКТОРЪ

Сроить дома, поправлять и красить. Дастъ ра-
ду, якъ начати и якъ грошей позычити. Гарантуеть
за постройку.

ДИОНИЗІЙ ШОСТЬ

50 Coolidge Ave.

Yonkers, N. Y.

РУССКИ РЕКОРДЫ

Можете получить черезъ почту! Мае на складѣ
радио.

JOHN KUBICEK MUSIC HOUSE

Musical Instruments, Foreign Records and Rolls.

342 Nepphan Ave.

Yonkers, N. Y.

ГЕОРГИ САБОВЪ

Найбольша Карпаторусска Шифкартова Агенція.

Пересылка грошей до краю. Выготовляетъ всяки До-
кумента, Паспорты.

Пиште во всѣхъ справахъ до него на адресъ:

G. SABOV,

236 E. 13th St.

New York, N. Y.

АНДРЕЙ ФИЛЬ ДРАИГУДСЪ — ШТОРЪ

Свой до своего, Братья Лемки. Получите все изъ
сподньої одежи для себе, робочу одежу, якъ тоже
приодѣте дѣти.

2505 Professor Avenue

Cleveland, O.

Tel. PProspect 1894.

Phone: LAkewood 6488-W.

РУССКІЙ БУДОВНИЧИЙ КОНТРАКТОРЪ

T. GAMBLE

Contractor & Builder.

2149 Levis Dr.

Lakewood Ohio.

Перворядна Гроссерня и Бучерня

Всѣ русски люде купуйте у своего краяна, Михаила
Гашича, котрый мае все свѣже мясо и гроссерію.

MICHAEL HOSTIG MARKET

Groceries, Meats, Butter, Eggs, Fruits and Vegetables.

Home dressed Poultry.

34 Alden St.

Watervliet, N. Y.

Phone: Watervliet 1512

Максимъ Гербутъ мае въ своемъ домъ Пуль Румъ,
айскримъ, соду, кенды, сигары и т. д.
Русски люде памятайте, своего лемка не минайте!

M. HERBUT

214 East St.

Coaldale, Pa.

Tel. ADelaide 4688

ELgin 6515

Дръ М.Бурякъ

Дръ Илія Вахна

Лемковскій лѣкаръ

Лемковскій Дентистъ

Акушеръ, хирургъ.

205 Bathurst St. —

592 Queen St. Toronto, Ont

Toronto, Ont.

СИМЕОНЪ БЪГУНЯКЪ, СЕЙМОРЪ, КОНН.

Кто найдесе въ нашей сторонѣ, най памятае, што
у С. Бѣгуняка може отпочити и подкрѣпитися.

29 Bank St.

Seymour, Conn.

Tel. 313.

**HIGH GRADE MEATS & GROCERIES WATERVLIET,
N. Y.**

Не минайте своего человекъ, онъ мае первоклясны
товары!

J. S. PAWLUK

68 Cohoes Rd.

Watervliet, N. Y.

Ф. ВОЙТОВИЧЪ, ВАТЕРВЛИТЬ, Н. І.

Пуль Румъ, Кенды, Айскримъ, Соды, заходте
братья лемки, забавитесь

Phone Watervliet 1512

50 Cohoes Rd.

Watervliet, N. Y.

Ц В Ъ Т Ы

Цвѣты для Весѣль и похороновъ, готовы
букеты!

Wedding Booquets — Funeral Designs!

BROADWAY FLOWER SHOP, C. W. JEWETT

1805 Broadway

Watervliet, N. Y.

Phone: MAin 0885

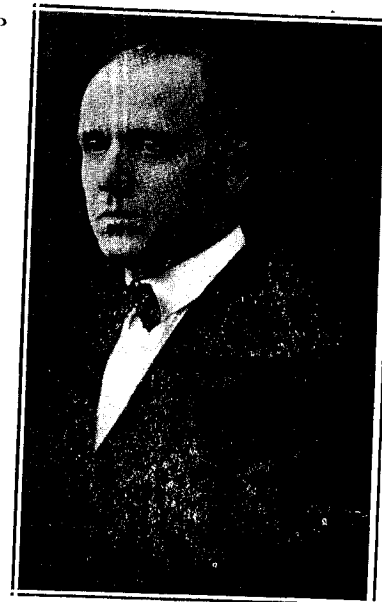
ПАВЕЛЬ ГОЛОВЧАКЪ

Нашъ русскій Погребникъ
лемко изъ Тылича, об-
служитъ Васъ честно
и по умѣренной
цѣнѣ.

Павель Головчакъ зани-
мается похоронами въ
Кливландѣ и на
околицю.

Въ потребѣ удавайтесь
до своего человекъ.

Винанимае тоже автомо-
били для всякихъ
выпадоквъ.

Paul Holowchak

Funeral Director and
Licensed Embalmer

2387 PROFESSOR AVE.

Cleveland, Ohio

Tel DRy Dock 4-8961

Г. Кунашевскій

1. Продаеме шифкарты въ Сов Россію, Польшу и Чехословакію.

2. Пересыламе гроши во всѣ краи въ американскихъ долларахъ.

3. Вырабляме документы, якъ контракты, аффидавиты, паспорта и т. д.

4. Вынаходиме имя, парохода и день Вашего приѣзда въ Америку.

Уже 23 роки подъ тѣмъ самымъ адресомъ служиме нашему народу. Пиште съ довѣріемъ, або приходте:

G. KUNASHEVSKY

179 EAST 3rd ST.

NEW YORK, N. Y.

Карпаторусскій

Б У К В А Р Ъ

Для неграмотныхъ, для тыхъ, што не знаютъ читати русскими буквами.

Дуже подходящий для нашихъ карпаторусскихъ школь.

Цѣна 40ц. При замовленю больше примѣрниковъ великій опустъ.

LEMKO PUBLISHING

2490 Professor Ave.

Cleveland, Ohio.